ISSN 2658-7920

ВЕСИ

№ 6, 2020

Есть вещи и хуже войны:
трусость хуже, предательство хуже, эгоизм хуже.

Эрнест Хемингуэй.

Слово «надо» – было приказом совести каждого…

Георгий Полянцев.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке (1): «Разведчик противника упал здесь!» Командиру эскадрильи А.А.Полянцевой докладывает М.Батракова.
Подписано в печать 30.07.2020 г.

Отпечатано в АО «ИПП «Уральский рабочий» 620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

12+

Заказ № 886.
Тираж 2500 экз.
Цена свободная.



ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Считаете ли вы себя патриотами?

Не нужно заглядывать в Википедию и вникать в формулировки. То, что там написано, – это околонаучные термины и понятия. А я спрашиваю вас про ваше внутреннее состояние, ощущение себя, соотносимое с вашими жизненными критериями…

Были ли патриотами, например, Рахманинов и Бунин? Осознавали ли они важность своего гражданского участия в деле духовно-нравственного развития страны?..

Были ли патриотами Лев Толстой и Максим Горький? Стремились ли они сделать свою страну краше, богаче, крепче, счастливее?..

Был ли патриотом Эдуард Володарский? Заботился ли он, чтобы его повести, сценарии, фильмы вписались в эффективную систему патриотического воспитания граждан, адекватную по содержанию и методам сложившейся общественно-политической и социально-экономической ситуации?..

Патриоты ли некоторые народные избранники, с двойным-тройным гражданством, выпускающие законы о патриотизме? Решают ли они своим примером проблему востребованности исторического опыта служения Отечеству?

А может, у каждого просто существует какой-то свой патриотизм, свое понимание смысла этого явления, для себя – одного, для других – другого… Как счастье, например, или богатство, или красота.

Задумывались ли герои рассказов, опубликованных в этом номере журнала, патриоты они или не патриоты, что такое патриотизм и как ему соответствовать?..

А вы задумываетесь иногда: что же это такое – патриотизм, имеет ли он к вам или вы к нему отношение?..

Татьяна Богина,
главный редактор



ВЕСИ

№ 6 (164)` 2020
июль-август

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2020 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс
на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс
в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.

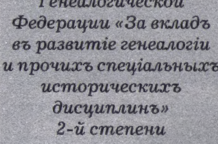
Журнал удостоен медалей





Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина





имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками





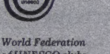
Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

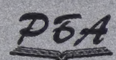
Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.











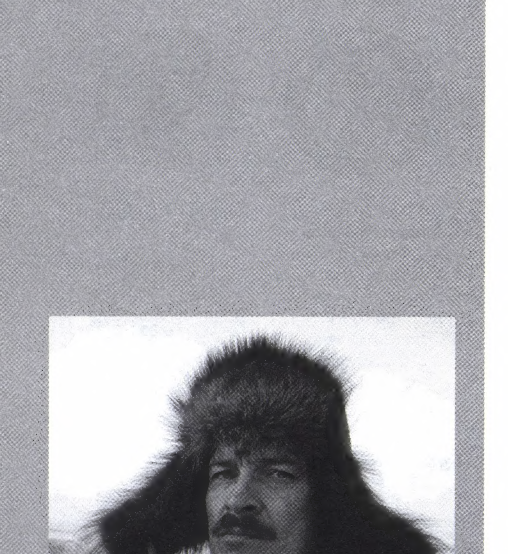
Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.



РУССКИЙ СОЛДАТ ФРИДРИХ КЛООС

Время всегда идет в одном направлении – вперед.
И только память позволяет вернуться назад.



Вячеслав ПЕТУХОВ

Окончил ВГИК, операторский факультет. С 1980 года работал на Свердловской киностудии: оператор-постановщик художественного и документального кино, автор сценариев и режиссер документального кино. Новеллы, рассказы и сказки печатались в сборниках и журналах.

ДЕКАБРЬ 2000 ГОДА. ПОХОРОНЫ

В зале крематория набилось довольно много народу. В тягостном ожидании траурной церемонии люди тихо шептались. Но вот над придавленной серьезностью момента толпой родственников покойного откуда-то сверху, как команда «смирно», раздалась знакомая всем похоронная музыка, и заунывный голос магнитофона произнес что-то дежурное для этих стен, но не для гостей. Люди напряглись, прекратили шептаться и как-то враз поникли.

Открылась дверь, бесшумно выехал темно-красный гроб с покойным – крупные черты лица его действительно выражали покой. Старик словно спал. Кто-то из женщин зарыдал в толпе. Это был первый сигнал к началу – заревели все. Ревели женщины и мужчины, старые и молодые, только совсем маленькие дети не понимали, отчего взрослые так убиваются и, поэтому, заревели чуть позднее. Одна маленькая белокурая девчушка всё смотрела на старика, не понимая, наверное, что с ним случилось, думая, что дедушка просто спит.

Процедура закончилась. Гроб двинулся назад медленно и торжественно, родственники потерянно смолкли, дверь в стене закрылась для них навсегда.

Черный дым буднично валил из трубы крематория. Хочешь – не хочешь, а на него поглядишь. Выходящая на свет божий родня щурилась от яркого зимнего дня и по аллее чахлых заиндевелых елок двигались к своему транспорту: кто шел к автобусам, а кто к дорогим авто. Люди были очень разные, это стало заметно на улице. Бедные и побогаче, маленькие и «татаристые», высокие и «европеистые», в телогрейках и валенках, в шубах и в бриллиантах.

Из толпы отошел крепкий высокий мужик, закурил, переводя дыхание, успокаиваясь, сказал сам себе:

– Вот и нет человека... Так просто! А сколько он с собой унес, сколько память его стоит... Целый мир ушел, где-то он теперь? А-а... все там будем, Федор Федорович.

Мужчина поднял лицо вверх, словно в поисках ушедшего мира. К нему подошла женщина с красными от слез глазами – и они пошли к автобусу.

В небе высоко и неспешно летела большая черная птица, похоже, ворона.

1980 ГОД. 7 НОЯБРЯ. УТРО. НА КУХНЕ

– Ну, давайте, тяпнем за нашу Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию! Я сурьезно говорю. Тогда наши ихним наваляли.

Старик, которого похоронили в 2000-м (только моложе и гораздо веселее, чем в гробу 2 минуты назад), изобразил местный «каторжанский» говор и ловко разлил поллитру белого по трем граненым стаканам. Два зятя, один постарше, другой помоложе, подошли к тестю (молодой в небо смотрел после похорон). Полунехотя взяли стаканы – такая рань все-таки. Из-за мужчин выглядывали их жены, притворно осуждающие.

– За Ленина! За партию! Дорогие товарищи, 200 много, 150 в

самый раз. Для смелости. – Веселился хозяин.

Все выпили и запили водку молоком. Жен передернуло.

Дед сказал на это:

– Отец мой любил пить водку с молоком. Так, сколько ни пей, не упадешь.

Тесть взял с подоконника пару здоровенных ножей, явно самодельных, длинных и узких, проверил острие. Сказал зятьям, страшно сдвинув кустистые карабас-барабасовские брови:

– Пошли, зарежем кого-нибудь.

Зятья покорно пошли, слушая без умолку болтающего старика, у которого было хорошее настроение от праздника, хорошей морозной погоды, от хорошей выпивки и хорошей компании.

– Ленин – он самый лучший был. Голова – во-о! Он правильно делал: всю сволочь, которая думала, что ничего никогда с ними не сделать, не скинуть нельзя, Ленин наш на место поставил. Правда, говорили, он немецкий шпион. Дак и про меня это говорили.

Компания вышла на улицу во двор деревянного дома. Старик отправился к деревянному сарайчику. Продолжая говорить, делал свое дело – готовился кого-то резать.

– Тамара! – Крикнул он в сторону дома. – Баланду тащи.

И мужчинам шепотом со значением:

– Проверим судьбу, кому помирать. Их там трое.

Старик открыл дверь сарая – оттуда важно вышел здоровенный хряк.

– Боря. Жалко – мог бы еще пожить, – притворно вздохнул дед. – Правда, на буржуя похож?

Зятья кровожадно засмеялись. Из дома вышла жена Тамара и поставила корыто с баландой на землю. Хряк беззаботно зачавкал, не ожидая подлости от «отца родного». Тесть шепнул зятьям:

– Эх, дед мой это дело умел. У нас в деревне никто лучше колбасы не коптил. Вишь, какой хряк! А в свою кишку целиком влезет. Господь Бог тоже соображает, как правильно свинью рассчитать.

АВГУСТ. 1919 ГОД

В конец лета в старом саду спелые яблоки согнули чуть не до земли ветви деревьев. Крестьяне собирали урожай, переговариваясь по-немецки. Вдруг неподалеку что-то просвистело, и раздался взрыв. Крестьяне побежали от взрывов по чистой деревенской улице из белых аккуратных домов. Люди прятались во дворы, уводили детей, закрывали ставни.

Из пыльного облака, из степи в деревню вошла потрепанная белогвардейская часть – не больше роты. У ворот их встретили мужчины – хозяева.

– Что, немчура, Карлу Марксу своему молитесь? Вот красные-то придут – они вам обедню отслужат, – проезжающий верхом офицер недобро пошутил в сторону местных жителей.

Белые, не снижая ходу, ворвались во дворы, выгнали скот, вынесли всё съестное, попавшееся под руку. Какой-то малорослый солдатик, гоня перед собой розовую свинью, погрозил хозяину – высоченному молодому немцу:

– Эй, сволочь немчурайская, нажился тута, кровопийца! Воюй вот за вас! По добру – надо разобраться, что здесь у вас попрятано, стреллить парочку для порядку.

Хозяин с тоской посмотрел вслед свинье:

– Прощай, Роза.

Белые ушли, опасность миновала, и хозяин ушел в дом. В чистой и светлой горнице сновали женщины с полотенцами и тазами, наполненными горячей парящей водой. Отстранили громоздкого хозяина.

– Фридрих, не мешай! Уже скоро.

Что-то произошло в спальне за светлой в цветочек занавесью. Послышался тихий женский стон, и сразу же громкий детский плач.

Фридрих сел у окна рядом со своим отцом. К ним подбежала молодая красивая девка:

– Сын у тебя, брат!

Мужчины обнялись, старший сказал торжественно:

– Война когда-нибудь пройдет. Снова нужно будет землю пахать, сынок, хлеб растить. Пусть хороший пахарь вырастет у нас.

Вечерело. Опять мужчины стояли у ворот. По деревне неслись тачанки, поднимая мягкую пыль. Это лихой красный эскадрон догонял разбитых белых, по пути дометая то, что те не вымели. Фридрих стоял в дверях, из ворот солдаты выносили два мешка с зерном. Малорослый кавалерист, такой же, как тот утренний беляк, грузил мешки на тачанку:

– Не боись, камрад, белых скоро разобьем, тады и отъедимся.

Фридрих ухмыльнулся:

– Сын у меня сегодня родился. Его сейчас кормить надо.

Из окна выглянула жена Анна-Елизавета с ребенком на руках. Фридрих и красноармеец взглянули на нее. Женщина испуганно задернула занавеску.

– Как нам быть, камрад?

Боец задумался, вспомнил Интернационал, Розу Люксембург:

– Как назовешь?

– Фридрихом.

– Ага! Фридрих-то почти-что Карл! Как Энгельса, значит? Тады другое дело! Вырастет – коммунистом станет!

И сбросил один мешок под ноги молодому отцу. Отряд растворился в пыльном облаке, за которым садилось красное солнце первого дня жизни нашего героя.

– Фридрих, – значит первенец в семье Клооса, – спокойно сказал в сторону солнца отец. – Фридрих, сын Фридриха.

Поднял мешок и понес его в дом.

1980-Й ГОД. ВО ДВОРЕ ФЕДОРА ФЕДОРОВИЧА

Хряк Боря с удовольствием доел баланду. Федор Федорович аккуратно затянул веревочную петлю на задних его ногах. Во дворе была заранее подвешена таль, дед аккуратно продернул через нее веревку. Зятья напряглись. Жены встали в стороне, как футбольные болельщики.

Дед подмигнул всей компании, взял здоровенную деревянную дубину:

– Бить будем аккуратно, но сильно, как учил товарищ Сталин.

Он богатырски замахнулся. Посмотрел еще раз на Борю, на зятьев, на жену и дочерей. И как жахнул! Женщины охнули. Зятья навалились вдвоем на задние копыта Бори и замерли в ожидании.

– Немецкая технология. Гестапо отдыхает! – сказал старший.

Дедушка взял свой ножик, присел у головы хряка, который в этот момент был похож на пьяницу, уснувшего в салате.

– Наркоз полный, – сказал дедушка и очень аккуратно сунул нож под левую переднюю ногу жертвы.

Что тут началось! Боря лягнул ногами, но зятья не отпустили. Тогда он вскочил и попытался бежать, таща за собой увесистых мужиков. Компания понеслась по двору, пугая женщин и возмущая деда:

– Слабаки, в свинье не больше полутора центнеров! Я в десять лет один такую держал!

Наконец всё утихло, мужчины поднялись, отряхнулись.

– Товарищ Сталин как учил? Будьте беспощадны к классовому врагу. Я, когда за нож берусь – всегда о Сталине думаю. Тамара, неси поллитру. По тридцать грамм за Иосифа Виссарионовича – и дальше, в светлое будущее.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ. 1929 ГОД. РАННЯЯ ВЕСНА

На площади родной деревни Ф.Ф.Клооса происходило собрание всего населения. Мужики и бабы собрались плотной толпой вокруг трех приезжих агитаторов. Один из них в длинном кожаном пальто, рука за пазухой (там лежало что-то посерьезнее камня, похоже). Маленький Фридрих играл с другими пацанами в стороне от толпы. Разговор взрослых шел по-русски. Дети все равно ничего не понимали, смеялись, болтали по-немецки.

– Какой же вы народ, товарищи немцы Поволжья, несговорчивый! Вы должны впереди всего трудового крестьянства с красным флагом в светлое будущее гордо шагать – как вы есть одной нации с отцом Коммунистического манифеста Карлом Марксом. Вот товарищ Шредер, ваш односельчанин, первый вступил в колхоз. Что ж вы с него пример не берете? Товарищ Шредер сдал уже всю скотину и инвентарь. Он-то понял выгоду! – неслась над угрюмой толпой горячая речь агитатора.

– Какая у него скотина, у бояка? Кошка – и та сдохла, – шепнула в толпе одна баба другой. Обе захохотали.

Молодой понятливый Шредер, стесняясь внимания, потупился. Люди слушали, в глубине души понимая: капут, аллес. Хошь – не хошь, а давай, если по-русски.

Разгоряченный оратор снял фуражку с красной звездой, вытер бритую голову, пересеченную красным сабельным следом. Сказал напоследок устало:

– Еще один раз, товарищи немцы, говорю: давайте добровольно в колхоз вступать! Как бы завтра не пожалеть. Не портите мне статистику по поголовности. Идите пока по домам, а с утра ко мне в контору с заявлениями. Кто не придет – буду считать единоличником со всеми вытекающими из этого последствиями! Идите пока, соображайте.

Толпа зашевелилась, люди стали расходиться. Уполномоченные остались на площади. «Кожаный» сплюнул:

– Я их, гадов, в империалистическую немало порубал на Украине. Этих-то куда бережем? К стенке – и из пулемета! Враз согласятся, в кого не попадём.

Оратор укоризненно покачал головой:

– Ну, что ты за человек! К стенке! Нынче Германия нам сестра по Интернационалу. Того гляди революция там грядет опять, а мы со своими не управимся, что ли? Завтра поголовно вступят. Вот увидишь.

Старшие Клоосы шли домой, молча, решая трудную задачу персональной коллективизации. Младший Фридрих и его брат весело бегали вокруг, играя в пятнашки.

– Уехать бы куда-нибудь, – вздохнул средний Клоос.

– Кх, деды наши уехали один раз, да, видишь, что вышло. Здесь надо жить, где родился. Здесь хлеб ешь, здесь дышишь. Земля нас знает, отплатит добром. Не тебе, дак ему, сыну твоему.

Младший Фридрих подбежал к деду, взял его за большую мозолистую руку и степенно, по-немецки, зашагал рядом с мужчинами.

– Пока вступать не станем, – сказал дед, – поглядим, куда вырулит.

На следующий день в сельсовете не случилось толчеи.

– На девяносто три двора семь заявлений, одна рвань, голь перекатная: ни земли, ни скотины, – подытожил результат добровольного вступления в колхоз старший уполномоченный.

– Я же говорил: к стенке, – вскипел «кожаный», – кулак на кулаке! И морды такие нахальные, как одолжение делают.

– Стрелять – это, конечно, правильное решение, но торопиться ни к чему. Всему свое время, – успокоил старший. – Для начала просто вызовем взвод НКВД. Прямо щас нарочного и пошлем.

На утро, как в 1919-м, по деревне двигался отряд конницы. Всадники покидали строй, постепенно окружая деревню, перекрывая все выходы.

Кулаков выводили на площадь, рассаживали по телегам. Среди арестованных нервно расхаживал «кожаный», держась за «камень» у себя за пазухой:

– Дождались, враги социализма? В районе вам быстро мозги вправят!

Он взобрался на телегу и крикнул в толпу:

– В Сибири будете хозяйство поднимать! Передумывайте, пока не поздно!

Клоосы-мужчины сидели на своей телеге, рядом стоял младший Фридрих. Дед давал ему последние наставления:

– Ты теперь старший. Бабы – что? Тьфу – и нету. А вам еще жить. Ничего никому не отдавай. Это твое. Запомнил? Ну, прощай.

Обоз двинулся из деревни. Оставшиеся бабы и дети шли поодаль, опасаясь милицейских плеток. Сильно не ревели – нация не позволяла.

Наступила ночь. В доме Клоосов собирались спать не арестованные домочадцы. Мать качала люльку с дочерью, младший брат уже спал, свернувшись на широкой родительской кровати.

– Мам, расскажи сказку, – попросил Фридрих.

Мать подкрутила фитиль керосиновой лампы, стало темнее и страшнее:

– Слушай.

Маленький Фридрих уселся поудобнее. В его воображении сказка превращалась в цветные красивые картинки.

– Старый солдат возвращался в родную деревню. Двадцать пять лет он прослужил царю, много воевал в чужих и дальних странах за правду. Остался солдат жив, и вышла ему пенсия.

Шел солдат и думал: кто же его ждет в родном доме, кто жив, а кто умер? Вдруг видит солдат – навстречу ему высокая и худая старуха Смерть идет.

– Иван! Я за твоей душой пришла, – смерть говорит.

– Как же так! Ошибка! – обиделся солдат. – Я же все войны прошел, а здесь на ровном месте помирать приходится!

– Давай не рассуждай! Некогда мне. Вон в Турции опять война – работы невпроворот. Возись тут с тобой, – торопит Смерть.

– Ну что ж! Дай хоть напоследок табачку понюхаю, – просит солдат.

– Нюхай, только быстро!

Достал солдат старую костяную табакерку, взял щепотку табачку, понюхал – и, ну чихать!

– Ап-х-чи! Ап-х-чи! Хорошо!

Аж слезы у него побежали. Так сладко солдат чихает, что Смерти завидно стало.

– Служивый, а, служивый! Дай и мне нюхнуть, – запросила смерть.

– Бери, не жалко. Только на вопрос мне ответь. Ответишь – весь табак твой вместе с табакеркой.

– Какой хочешь – задавай, – согласилась Смерть.

– Говорят, что от тебя не спрятаться потому, что ты можешь стать меньше пшеничного зерна и в любую щель пройдешь?

– Чистая правда – от меня не спрятаться.

– Докажи! Вон, какая ты оглобля, да еще с косой. В табакерку можешь залезть? – не поверил солдат.

– В эту коробочку? Открывай, Иван.

Открыл солдат табакерку, поставил ее на дорогу, ждет. Смерть щеки округлила, дунула, что есть силы – аж листья с деревьев полетели! Сжалась старуха, стала меньше воробья и прыгнула в табакерку. Солдат, не будь дурак, враз крышку закрыл:

– Как табачок, Смертушка? – спрашивает.

– Ап-х-чи! Ой, не могу больше! Крепкий табачок. Отпусти меня, Ваня, – запросила Смерть. – Я за тобой никогда не приду – живи, сколько хочешь!

– Э-э-э! Не пойдет так. Пусть люди тоже живут, – засмеялся солдат и выбросил табакерку в речку, в самый глубокий омут.

Сам пошел домой и жил долго и счастливо. А люди с тех пор больше не умирали, – так закончила мать сказку о солдате. Дочь в люльке уже давно уснула.

– Неправда, мама, – не согласился Фридрих, – люди же умирают.

– Сейчас, конечно, умирают. А раньше не умирали. Когда устали люди жить – пошли солдата просить, чтобы Смерть выпустил. Тогда поймал он свою табакерку в реке и Смерть освободил. Всё опять по-старому пошло.

– Солдат-то, наверное, русский был, – решил Фридрих, подумав минутку.

– Конечно, русский, раз Иван.

Фридрих встал из-за стола, и, было, собрался идти спать:

– Это не тот Иван, про которого ты на прошлой неделе сказку рассказывала? – пришла сыну мысль.

– Конечно, тот, – засмеялась мать.

– Ну, тогда всё ясно: он же дурак, твой Иван. Другой бы ни за что Смерть не выпустил.

– Иди, давай! Какой умный нашелся. Спи.

Повозка «коллективизаторов» подкатила к дому Клоосов. Активисты времени даром не теряли, «кожаный» постучал рукояткой нагана в закрытые ставни, залаяла в ответ собака – и только. «Кожаный» пнул сапогом в ворота, со второго раза удалось войти. Из дверей дома выглядывали бабы, из окон – девчонки. Во дворе перед незваными гостями стоял десятилетний Фридрих с вилами в руках.

– Ах, ты, гаденыш! – вскипел главный и попытался ухватить вилы.

Мальчишка отступил и молча ткнул острием в сторону врага.

– Давайте помогайте, колхозники, – приказал начальник.

Народ двинулся на мальчишку, правда, не очень охотно.

– Ну-ну! Что встали? –закричал «кожаный».

– Товарищ Лифшиц, да ну его! Пошли с бабами поговорим – сами отдадут, – заныл мужичонка из местных люмпенов.

– Нет уж! Если враг не сдается, его надо уничтожить!

Кольцо врагов сжалось вокруг Фридриха, тот отступил к сараю, откуда раздавалось перепуганное мычание. Мальчишка помнил наказ деда и, хотя было страшно, ткнул-таки вилами по-настоящему.

– А-а-а! – Заорал раненный Лифшиц.

– А-а-а! – ответил Фридрих и заругался по-немецки, – доннер ветер!

ВО ДВОРЕ ФЕДОРА ФЕДОРОВИЧА. 1980-Й ГОД

В середине двора обреченно висела на цепи туша свиньи, головой вниз. Тело вытянулось – и теперь стало видно, какая здоровенная зверюга был этот Боря.

Федор Федорович паяльной лампой обжигал щетину, туша дымилась и потрескивала от огня.

Рядом с тестем младший зять скоблил свежеобоженное тело свиньи, сдирая остатки щетины и обгоревшей шкуры. По горячему хорошо получалось.

Дед рассказывал дальше:

– Ох, и всыпал мне Лифшиц ремня! Неделю я потом лежал, не меньше. Зато ногу я ему насквозь проткнул, так, чтобы помнил он меня до самой своей поганой смерти, вражина. А еще коммунист! Скотину, считай, поголовно забрали. Почти вся в первую колхозную зиму подохла, которую в город не увели на мясозаготовки. В районе провели политработу, и в колхоз не вступать родители быстро передумали. Решили – лучше дома голодать. С начала-то не верили, что советская власть так серьезно решила. Ну, не бывало никогда, чтобы своих так грабили, да еще и без войны! Лесоповал, он ведь хуже голода, если не дома.

Дед отставил паяльную лампу:

– Ну, что? Давайте за линию партии по чуть-чуть? Щас Тамара свежей печени нажарит.

Закусили по-настоящему.

1937-Й ГОД. «НА УЧЕБУ!»

Какие поля колосились в республике советских немцев Поволжья! Желтая пшеница без края под голубым небом. Ветер колышет ее, не найдя конца полю. Даже орел в вышине не видит края. Зато хорошо видно орлу, как жарко влюбленным под июльским солнцем среди золотой колхозной пшеницы. Мимо по полевой дороге ехали на телеге отец и мать нашего героя.

– Слыхала, мать, Шредер в партию вступил?

– Да ну! Зачем это?

– Сына хочет в Москву учиться отправить. Без партбилета никак не выйдет.

– Видал! – взорвалась мать, – чего для детей люди делают! А ты? Даже бригадиром тебя ставили – не пошел. Что думаешь, советская власть поменяется? Надо жить. Наш-то Фридрих уж, когда семилетку кончил? Всё хвосты лошадям крутит.

Но отец не слушал ее, его привлек непонятный шум в поле, будто кто-то хотел крикнуть, да горло перехватило.

– Цыц! Слушай.Что это?

Мать прислушалась.

– Поди, зверь какой?

Оба всматривались вглубь поля, откуда шел звук. Вдруг неподалеку, над полем поднялась по плечи женская обнаженная фигура с распущенными волосами и, уставившись куда-то вдаль затуманенным взглядом, громко сказала протяжно:

– А-а-а-а-а.

И судорожно дернула напоследок плечами три раза. Затем повернула голову в сторону давно стоящей телеги и оторопевших ее пассажиров. Придя в себя, баба быстро спряталась в пшенице. Следом на секунду вынырнула другая всклокоченная голова с колосьями в волосах. Затем, по полю пошла полоса, но не от ветра – любовники уползали на карачках, прячась от зорких глаз Фридриха-старшего, который даже встал в телеге, чтобы лучше видеть.

– Видала, какие хвосты он крутит?

– Кларка, зараза! Ей уж, считай 27, а нашему балбесу еще и 18-ти нет. Посажу я ее, честное слово, за совращение.

– Вот еще! Она – ведь вдова героя. Парень-то ее в 29-м погиб на КВЖД. Китайцы всю пограничную заставу вырезали. Что ей теперь, в монастырь идти? Наш-то парень, вон какой! Кто ж ему откажет?

Отец сел, хлестнул вожжами лошадь.

– Придется и мне, мать, в партию вступать. Пусть парень учится. Упаси бог, женится еще.

Телега уехала по прямой и черной дороге. Птица летела в небе, наверное, сорока. Клара и молодой человек, голые по-прежнему, хохотали в пшенице.

Через неделю парни уезжали в город Энгельс в техникум – учиться. С десяток их было, колхоз дал полуторку до города. Родители провожали и напутствовали своих чад.

Какой-то колхозный активист делал перекличку, Парни откликались.

– Клоос.

– Здесь.

– Геллер.

– Я.

– Шредер.

– Я, – откликнулся невысокий толстяк.

– Будешь только по девкам бегать – добра от жизни не жди. Учись, дурень здоровый. Девки и так все твои будут, – так наставлял отец Клоос сына.

Рядом стояла мать, утирала слезы.

Мимо, будто невзначай, прошла, качая бедрами, Клара. Мать по-змеиному прошипела:

– Вот, сволочь!

Мужики посмотрели вслед молодой вдове, отметив качество богатого товара. Парни в грузовике засвистели на нее. Фридрих – младший вскочил в кузов, машина тронула, поднимая пыль над сухой дорогой. Молодежь запела что-то по-немецки.

Клара шла по деревне и слушала песню парней, и вспомнила, как девять лет назад по дороге уходили другие парни и пели эту же песню. Потом один из них не вернулся. Слезы текли по щекам, но Клара сладко улыбалась, ведь жизнь еще была и впереди. Так казалось.

ТЕХНИКУМ. НАЧАЛО 39-ГО ГОДА

Доска почета в механическом техникуме располагалась напротив главного входа в фойе, прямо за маленьким Лениным с двумя красными флагами. Любой гость или студент мог полюбоваться на строгие лица передовиков учебы. Вот и знакомое лицо: повзрослевший Фридрих Клоос – студент третьего курса и спортсмен-разрядник.

В коридорах полно студентов, но тихо – сессия. Студенты судорожно читали толстые книжки, будто можно успеть что-нибудь поправить в голове побыстренькому. Вышел из кабинета Фридрих, пряча зачетку в карман куртки:

– Пятерочка! Стипендия имени Серго Орджоникидзе обеспечена!

– Какой дополнительный вопрос был? – спросил кто-то.

– Двигатель танка Т-26.

– И чё?

– Пятерка, говорю же.

– А-а...

ЛЫЖНЫЙ ПОХОД

Перед строем студентов, одетых по-спортивному, стоящих с рюкзаками за спиной и с лыжами в руках, расхаживал бравый артиллерийский капитан – начальник военной подготовки техникума.

– Товарищи курсанты! Мы должны быть готовы к выполнению любой, самой сложной боевой задачи в самых трудных условиях на чужой территории. В то время, когда наши доблестные красноармейцы добивают белофинских агрессоров, вы – лучшие комсомольцы-спортсмены, должны показать доблесть и готовность вступить в бой в любой момент. В полной выкладке с армейским сухим пайком на три дня вы совершите лыжный марш-бросок на 150 километров в условиях пересеченной лесистой местности. Для полного соответствия боевым условиям, каждый получит карабин и холостые патроны. Вы знаете, товарищи, на окружном артполигоне проходят стажировку молодые офицеры дружественной германской армии. Они выразили желание принять участие в нашем походе. Всё понятно? – капитан обвел строй внимательным взглядом типа «рентген». – Смотрите у меня! – закончил он совсем другим тоном и грозно помахал пальцем.

Подъехал армейский зеленый автобус, из автобуса выгрузились крепкие высокие парни в красивой спортивной полувоенной форме с орлами на плечах и спортивных шапочках. Капитан побежал общаться с командиром немцев, крикнув напоследок своим:

– Вольно!

Студенты, улыбаясь, отправились здороваться с немецкими друзьями. Языкового барьера не было, наши тоже поголовно все были немцами.

– Вилкоммен, камараден!

В лыжном походе никто не ставил задачи – побеждать. Работа и так была тяжелая.

Отряд двигался по дну длинного и глубокого оврага. Один из спортсменов отстал, ковыляя на сломанной лыже. По верху на конях ехали отцы-командиры. Лыжники прокладывали путь по глубокому, почти метровому снегу, поочередно меняясь. Когда выбрались на вершину, впереди оказался студент Клоос.

– Товарищ капитан, разрешите доложить.

– Слушаю, товарищ Клоос.

– Во время следования по оврагу младший лейтенант Герберт Шмидт провалился в заснеженную звериную нору и сломал лыжу. Передвигаться дальше не имеет возможности.

– Этого не должно быть! Русские солдаты своих друзей не бросают. Отдайте ему вашу лыжу, рюкзак отдайте товарищам, а сами возьмите топор и сделайте себе вон из той елки новую лыжу, временную. До привала еще 13 километров. Даю вам час. Догоняйте!

Клоос послушно снял лыжу и отдал ее Герберту, который от передвижения по глубокому снегу без лыж совсем выбился из сил:

– Данке, Фридрих, – выдавил он еле слышно.

Отряд лыжников двинулся дальше. Конники ехали в стороне. Фридрих же отправился, кряхтя раздвигая снег, к молодой ели выполнять приказание. Топор умело заработал в крепких руках все-таки деревенского парня. Скоро дерево свалилось в снег.

Фридрих догнал отряд, когда лыжники уже ужинали у ночного костра в лесу. И студенты, и молодые офицеры бросились обнимать усталого, но весело улыбающегося парня. Скоро он уже вместе со всеми лопал кашу с немецкой тушенкой и пил горячий чай.

Немецкий замполит развлекал всех политинформацией:

– И Россия, и Германия строят социализм. Разница между нами есть, не спорю. Только опасность для наших идеалов – другая. Нет хуже врага для народной власти, чем гнилая буржуазная мораль и политика англосаксов. Америка и Англия – вот наши настоящие враги. Англичане всегда пытались оторвать русский народ от братского германского. Но теперь мы уничтожили свои кровавые монархии, и нет никаких причин для вражды рабочим Советского Союза и Великого Рейха германского народа. Наш совместный поход, братья, еще более укрепит социалистическое единство. За здоровье наших Великих вождей Иосифа Сталина и Адольфа Гитлера. Прозит!

– Ура-а-а-а! – ответили слушатели и отхлебнули коньяк из фляжек.

Герберт лежал в спальнике у костра рядом с Клоосом, глядя в звездное небо.

– Я ведь совсем выдохся, Фридрих. Думал – капут! Вот позор, какой, брат. А ты ловко топором можешь. Лыжа как настоящая.

– В детстве я только на таких и ходил. Где в деревне другие найдешь? Отец мне каждый год новые рубил по росту, пока я сам не научился.

– Здорово! Все равно спасибо. Ты же мою честь офицерскую спас. Сам-то не хочешь в армию пойти? Такие крепкие парни должны быть солдатами.

– Летом, говорят, заберут. Правда, белофиннов к тому времени разобьют. С кем воевать будем?

– На наш век хватит. Англосаксы весь мир захватили и вам, и нам никакого жизненного пространства не оставили. Может, вместе придется против них воевать? Давай еще по одной за дружбу.

Фридрих достал фляжку и отпил глоток.

– Ух, что-то мне ваш коньяк не очень, ты уж, Герберт, извини, как клопов жуешь. Водка наша не в пример лучше идет, – он никак не мог отдышаться от выпивки.

Герберт тоже хлебнул и улыбнулся звездам:

– Гут.

1980-Й. ЗА СТОЛОМ

Свинорезы на веранде закусывали жареной печенью с кровью, смачно крякая от выпивки.

– Я же говорю, наша столичная лучше, – резюмировал Федор Федорович.

На стене веранды висел старый, из журнала «Огонек», портрет красивого маршала Ворошилова при всех орденах.

– Когда товарищ маршал меня призвал, про немцев уже по-другому говорили. Жалко, доучиться мне Климент Ефремович не дал. А в Полтаве служить хорошо было! Кругом сады, весной яблони цветут – с ума сойти от запаха! И девки – огонь!

1941-Й. ВЕСНА. НА СЛУЖБЕ.

– Огонь! – командир орудия махнул флажком.

Солдаты закрыли уши руками, огромная пушка грохнула так, что затряслась земля, следом ответили все орудия батареи 152-мм гаубиц, образца 1938 года – новейшей техники, на которой служили лучшие из лучших.

– Заряжай! Трубка – 15, прицел – 120, – скомандовал командир.

Солдат в каске приник к прицелу, вращая ручки, быстро навел орудие.

– Есть, – ответил солдат, закрыл уши и повернулся в сторону.

Это был лучший наводчик полка – рядовой Фридрих Клоос.

Загрохотали орудия. Где-то далеко в черные фанерные силуэты танков с фашистскими крестами ударили огромные болванки. Полетели щепки.

– Отлично, товарищ политрук, – сказал, отнимая от глаз бинокль, командир полка. Отметьте, пожалуйста, отличную стрельбу первого орудия. Все выстрелы точно в цель, – кто наводчик, товарищ комбат?

– Лучший математик полка – рядовой Клоос.

– Пора ему ефрейтора присвоить.

Среди украинских садов трактора тянули огромные пушки. Рядом маршировали артиллеристы. У обочины стояли молодые колхозницы и улыбались солдатам. Разбитная краснощекая девка поманила кого-то в глубь сада.

– Разрешите оправиться, товарищ сержант? – двусмысленно спросил Фридрих командира орудия сержанта Васю.

– Давайте, только по-быстрому.

– Есть! – Фридрих юркнул в густую тень.

– Мне тоже договорись, – с надеждой громко прошептал молодой командир вслед лучшему не только математику.

В глубине сада в заходящих лучах весеннего опьяняющего солнца жарко целовала молодая украинская комсомолка красавца наводчика.

Поздним вечером на полковом плацу началась вечерняя поверка. Политрук ходил вдоль строя солдат батареи. Дежурный читал список бойцов, те отвечали, как положено. Сержант Вася вертел головой – нет Клооса, а политрук рядом. Дежурный тоже следил за политруком:

– Клоос!

– Я, – ответил Вася за друга. Посмотрел на политрука: не заметил. Вася улыбнулся, подмигнул дежурному.

Ночь. Ярко светила Луна, заливая, холодным светом спящих праведным сном солдат. Через открытое окно в казарму ловко проникла темная фигура, крадучись добралась до своей кровати и начала раздеваться.

– Фридрих? – с соседней кровати поднялась голова сержанта.

– Я, – Фридрих залез под одеяло, повернулся к другу.

– Еле тебя на поверке отмазал! Наш политрук дежурным по полку заступил, знаешь же, какой он въедливый. Всё ходил по плацу, смотрел. Чего смотрел? Бдительность свою показывал!

– Да Бог с ним, Вася. Галина тебе такую подругу обещала! В воскресенье обязательно надо в увольнение попасть. Они в парк на танцы придут.

– Чего, правда? Ну, смотри! Доживем до воскресенья – потанцуем!

Хлопнула дверь в казарму, дежурный по батарее побежал докладывать.

Скоро по проходу среди кроватей пошел политрук, вглядываясь в спящих. Задержался у кровати Фридриха и Василия.

Бдительность проявил и двинул дальше.

В каптерке Фридрих прилаживал ефрейторские петлички к гимнастерке. Друг Вася курил в форточку:

– Вот мать обрадуется. Может, еще в отпуск отправят.

В каптерку вбежал запыхавшийся посыльный из штаба полка:

– Товарищ сержант, вас в особый отдел вызывают!

Друзья переглянулись. Фридрих отложил рукоделие:

– Что такое? Кто там вызывает? – вздрогнул Вася.

– Какой-то майор утром приехал. Уже пятого солдата вызывает, а обратно еще никто не вышел. Ну, я побежал, – посыльный исчез, как и не было его.

– Василий, нас же Галина ждет в клубе... – начал, было, Фридрих.

Сержант поник, посерел лицом:

– Видать, не дождется. Чувствую, не танцевать мне сегодня.

В УЧЕБНОМ КЛАССЕ

Молодой политрук поднял суровый взгляд настоящего коммуниста на притихшую батарею.

– Так-то, товарищи бойцы. Вы прослужили с сержантом Василием Сидоркиным целый год, а врага в нем не разглядели! Где же была ваша комсомольская бдительность? Его отец у Шкуро служил, говорит, что по мобилизации! Вы кинокартину «Чапаев» видели? Вот такие мобилизованные из пулеметов по нашим героям и строчили против воли! Хорошо, я его анкету посмотрел повнимательней, что-то он там врал про отца, про его работу на Беломорканале. На канал просто так не пошлют! И точно – гнида белогвардейская! Органы наши хорошо работают. Мы с вами служим в артиллерии, изучаем новейшие образцы вооружения. Разве можно сыну беляка недобитого доверить покой нашей Родины, товарищи? Здесь мы должны быть бдительны и беспощадны. Только

очистив свои ряды от ненадежных перерожденцев, мы победим в грядущей войне с империализмом. Товарищ Клоос, – вдруг он остро взглянул на Фридриха.

Ефрейтор угрюмо встал, демонстрируя выполнение команды «Смирно».

– Вы же с ним, товарищ лучший наводчик, рядом спали и ничего своим зорким глазом не увидали?

Фридрих Клоос посмотрел в глаза политруку:

– Ничего, товарищ младший политрук, – сказал он спокойно. – Солдат, как солдат. Мой очень хороший друг.

Солдаты удивленно и дружно охнули. Политрук даже оторопел, обвел взглядом аудиторию, подошел к Клоосу:

– Незрело рассуждаете, товарищ боец. Я – ваш хороший друг, мне партия доверила воспитать вас настоящими советскими людьми, стойкими защитниками рабочего класса, а вы... Стыдно, товарищи, – политрук перестал пугать и перешел к воспитанию партийной бдительности. Клоос сел, прошептал чуть слышно:

– Видно, план по врагам народа выполнил, гад...

Солдатик рядом испуганно отшатнулся.

1941-Й. НАЧАЛО ВОЙНЫ

В казарме тихо, только в дальнем углу кто-то бубнил во сне. За окном начинался рассвет. Фридрих не спал всю ночь. Соседняя кровать была пуста – еще не успели прислать пополнение.

– Был человек – и нет. Так любого можно взять и уничтожить. Гражданская – это когда было! Я тогда только на свет появился. За что я отвечать могу? – думал солдат. – Утром Сталину напишу. Сталин поможет.

Фридрих повернулся на другой бок, закрыл глаза, пытаясь уснуть. Скоро ему приснился товарищ Сталин. Вождь вел Васю и Фридриха в Кремль, что-то говорил, угощал папиросами.

За окном вовсю алел рассвет. В казарме дневальный, стараясь не шуметь, старательно натирал паркет. Другой дневальный застыл «на тумбочке». Откуда-то появился необычный звук, будто громко жужжали пчелы. Дневальный «на тумбочке» напрягся. «Полотер» остановился, прислушался. Снаружи что-то засвистело, затем за окном в центре полкового плаца вырос черный гриб взрыва. Дневальные удивленно разинули рты – и тут подошла взрывная волна: стекла дружно и звонко вылетели из окон, спящие мгновенно проснулись, заметались в проходах между коек, многих сильно порезало осколками стекла – полилась первая кровь Большой Войны. Прибежал дежурный офицер:

– Все на выход! Бегом в парк!

Еще одна бомба взорвалась внутри казармы, полетели балки, кирпичи. Руины заволокло пылью, через ее завесу сверкнул огонь пожара. Скоро горело всё.

Через плац бежали полураздетые солдаты, над ними на второй заход неслись бомбардировщики с крестами на крыльях.

ДНЕПР. ОТСТУПЛЕНИЕ

Разномастная колонна отступающих войск нашей армии шла по разбитой дороге. Степь вокруг горела. В небо поднимались столбы черного дыма – это полыхала сухая трава. Горели разбитые машины на дороге, горели танки, горели мертвые люди на земле. Пара заморенных лошадок тянула гаубицу Клооса. Сам Фридрих правил, сидя на пушке. Рядом угрюмо сгорбился политрук. Расчет пушки, кто еще был жив, шел за орудием. Один солдат нес знамя части. Вдруг лошади встали – не могли тащить в гору. Солдаты пытались толкать, Фридрих пару раз хлестнул лошадей – без толку. Поглядел на отрешенного политрука, спрыгнул на землю, стал тянуть за поводья. Наконец, пушка сдвинулась. Подняли ее на пригорок. Впереди синел широкий Днепр. Политрук увидел реку, очнулся:

– Не бывать врагу за Днепром, – заученно отчеканил он фразу из газеты.

Всё пространство до реки было усеяно брошенной разбитой военной техникой и трупами солдат. Из-за реки вылетели черной стаей немецкие самолеты.

– Вот тебе и нету врага за Днепром, – сам себе сказал Фридрих.

Солдаты стали разбегаться от дороги, ища укрытия. Политрук быстро соскочил с лафета, побежал в кусты. Со свистом посыпались бомбы. Лошади с перепугу бросились под гору. Фридрих безуспешно пытался править – он снова сидел на орудии. Рядом с пушкой взорвалась бомба, лошади порвали упряжь и унеслись, Бог знает куда. Пушка уткнулась в кювет. Фридрих вылетел с лафета и потерял сознание. Мимо в панике с выпученными глазами пробежал политрук.

В густом кустарнике у реки десяток уцелевших солдат пытались то толкать, то тянуть свою тяжелую пушку. Чуть отстав, за ними шел Фридрих. Голова у него была перевязана грязной тряпкой. Еще дальше за Фридрихом тащился политрук, озираясь по сторонам – видимо ждал нападения врага из-за кустов. Но немцы не атаковали почему-то болотистую приднепровскую низину.

Солдаты с пушкой совсем замучились, докатили ее до сухой поляны и устроились на привал. Фридрих – старший в этой группе, все остальные солдаты – первогодки. Фридрих устало лег на землю:

– Всё. Здесь ночевать будем, салаги.

Стемнело. Только над Днепром взлетали осветительные ракеты. Солдаты осмелились подойти к берегу.

Фридрих ткнул палкой в землю:

– Смотрите: берег очень болотистый. Орудие не подкатить. Надо кусты рубить, гать делать.

Юркий солдатик, несший знамя полка, предложил:

– Давай бросим ее тут к чертовой матери, потонем мы с ней.

Фридрих зло глянул на советчика:

– Думаешь – отвоевались? Нет еще! Переправимся, на том берегу

что скажешь? Куда орудие Родины девал? А воевать чем? Эта дура больше всех нас может.

– Да кто узнает?

Фридрих посмотрел по сторонам:

– А вон тот, бдительный, как к нашим придем – враз командиром станет. Он про нашу службу всё и расскажет. Ты лучше знамя полковое на себя намотай, а то не дай Бог...

Над рекой вспыхивали осветительные ракеты, но река была тиха, и немцы прекратили ее освещать – устали. Кто-то выше по течению, видимо, ждал этой паузы. Раздался треск кустов, тихие голоса. Скоро по звуку стало ясно – этот кто-то переплывал Днепр. Наши насторожились: что-то будет? Но опять в небо взлетели ракеты и в их коварном свету на середине реки, как на ладони, несколько беспомощных плотов, густо покрытых людьми, застыли мишенями для вражеских пулеметов. Загрохотали выстрелы пушек, понеслись в цель линии трассирующих пулеметных очередей. Один плот разломился на части от взрыва снаряда. Люди с других прыгали в воду. По ним непрерывно стреляли из пулеметов до тех пор, пока река не стала снова пустой и неинтересной для стрельбы.

Наши артиллеристы, лежа в густом кустарнике, наблюдали за избиением таких же, как они, парней. «Юркий» солдатик, утирая слезы, сказал Клоосу:

– Видал, эти тоже пушку переправляли! Герои-артиллеристы.

Фридрих не ответил ему ничего.

– Пошли. Я видел, откуда стреляли.

Вернулись к пушке. Политрук встал навстречу:

– Что там?

– А-а-а! Война, товарищ, политрук, – ответил Фридрих, открывая ящик со снарядами. – Где тут шрапнель? – пошарил он в темноте. – Братцы, разворачивай орудие. Отомстим, как сможем, за наших!

Солдаты, свидетели беспомощной гибели «своих», переглянулись в нерешительности.

Политрук взвизгнул:

– Ты что, хочешь нас демаскировать? Запрещаю!

Фридрих достал «ТТ» из кобуры:

– Я тебе позапрещаю! Три снаряда есть. Два им, третьим – пушку взорвем. Вы чего встали? К орудию, я сказал! Новобранцы хреновы.

«Юркий» солдатик отчаянно махнул рукой:

– Да и хрен с ним! Что нам без немцев одним подыхать? Прихватим с собой кого – всё польза народному хозяйству. Ну, наводи давай, начальничек!

Немцы с другого берега всё также методично пускали ракеты, помогая Фридриху выполнить задуманное. Пушку, кряхтя, развернули, зарядили. Наводчик рассчитал траекторию. Политрук посмотрел на всё это и исчез от греха подальше.

– Огонь! – скомандовал Фридрих.

Солдаты привычно закрыли уши. Пушка подпрыгнула, земля содрогнулась. На другом берегу здорово рвануло.

– Заряжай! Огонь! – скомандовал Фридрих.

Всё повторилось вновь. На том берегу что-то загорело, взорвалось.

– Фрицам из-за кустов не видать, откуда мы палим, – сказал Фридрих солдатам, – щас начнут весь наш берег поливать. Эй ты, шустрый, возьми какое-нибудь бревно – в ствол забей.

К спусковому механизму привязали длинный шнур, отползли подальше, тем более, что над головами уже густо жужжали пули: немцы не жалели патронов.

– Все попрятались? – спросил Фридрих «юркого» солдата.

– Как зайцы разбежались – не поймать. Думаешь, попали?

– А то! – Фридрих широко улыбнулся. – Я ж – отличник боевой и политической! Ну что, огонь?

– Ага! Я говорил тебе, не дотащим, а ты – плот, плот, – и «юркий» дернул за веревку.

Пушка последний раз в своей жизни подпрыгнула, полыхнула красным огнем и приказала: идти к победе без нее. Осиротевшие артиллеристы распластались по мокрому болоту, боясь поднять голову – немцы прицельно били на огонь взрыва покойной 152-мм гаубицы образца 1938-го года.

Утро следующего дня было солнечным, как на южном курорте. Комаров в болоте хватало. Солдаты жались друг другу, отмахивались от кровососов. Откуда-то снова появился политрук:

– Клоос, иди сюда, – отозвал он Фридриха в сторону. Фридрих подошел нехотя.

– Смотри Клоос, я тут одну вещь нашел...

– Неужели, кухню полевую? – без уважения пошутил ефрейтор.

Политрук огляделся по сторонам:

– Смотри, – он вытащил какую-то грязную бумагу из-за пазухи. Это была листовка. Фридрих взял, начал читать:

– «Солдаты Красной Армии! Власть евреев и коммунистов доживает последние дни. Еще один сокрушительный удар – и войска Великой Германии освободят порабощенные народы России. Уничтожайте комиссаров и командиров, переходите на сторону освободительной немецкой армии».

Фридрих поднял глаза на политрука:

– Объясните, товарищ политрук. Я что-то не понял.

Политрук возбужденно заговорил:

– Ты же немец, тебя там сразу безо всяких проверок примут. Скажешь, что я тоже свой, мол, против советской власти всегда агитировал, что я – только сержант, а не политработник. Вот и всё! Я ж тебя не сдал после собрания, я ж тебя...

Фридрих, коротко взмахнув рукой, заехал политруку по морде – последовал логичный нокаут. Снял с офицера портупею и оружие.

– Война началась – вот и не выдал. А то бы бдительность свою проявил. Вставай, гад, пошли, – он рывком поднял политрука на ноги.

Солдаты сидели на траве: по кругу курили офицерский «Беломор». «Юркий» затянулся, передал следующему:

– Гад он, конечно. И курево, и сухари в вещмешке. Жрал где-то один в сторонке. Отец-командир!

Фридрих затянулся:

– Ваську тоже он «под монастырь подвел». Да не в этом дело! Вот ночью через Днепр поплывем, потонем все, как топоры, а он, сволочь, выплывет – дерьмо-то не тонет. К немцам приползет, и никто его, предателя, судить уже не сможет. Я думаю, наше комсомольское собрание вполне за военно-полевой суд сойдет. Предлагаю по-честному всем голосовать! Кто за то, что бы изменника Родины, как положено по закону военного времени, расстрелять?

Политрук, стоявший за кругом солдат со связанными руками, попытался побежать. Но его уронили и пнули разок для спокойствия. Солдаты были уже не те, что до войны: они насмотрелись и на смерть, и на страх, и на боль. Долго не думали – подняли руки в комсомольском «Единогласно».

Политрук не хотел вставать, он извивался и визжал, когда его привязывали к дереву. Было несколько патронов на пару пистолетов. Фридрих и «юркий» солдат встали. Фридрих спросил напоследок:

– Что, гад, понятен приговор? За то, что Родину не любил... Огонь!

В небо взвилась немецкая осветительная ракета. Солдаты прощались друг с другом. «Юркий» поправил знамя полка на голом теле, обнял Фридриха.

– Все слушай сюда, – напутствовал Клоос, – Днепр не Волга, поуже будет, но течение такое же сильное. Так что, плывите чуть вниз – оно будет подгонять. Там сразу в кусты и сидите тихо, пока не разберетесь, куда бежать. Ну, пошли...

Стараясь не шуметь, солдаты сползали в воду. Пока было темно, никто в них не стрелял. Плыли молча, бесшумно. Река несла их к далекому левому берегу...

Но ракеты взлетели. На водной глади четко обозначились солдатские головы. Секунда – и загрохотали пулеметы, всё ближе к цели направляя линии трассеров. Пуля снесла голову «юркого» солдатика, вот застонал еще один. В свете ракет вода окрасилась кровью. Фридрих вздохнул поглубже и, головой вниз, устремился в глубь воды. Над ним прошипели пули, уходя в сторону. Рядом в воде тонули мертвые тела друзей. Фридрих греб изо всех сил, на сколько хватало дыхания. Когда он вынырнул, на воде больше никого не было. На том берегу ждали, снова загрохотали пулеметы.

– Много ж у вас патронов, – подумал Фридрих и снова ушел в глубину. Так еще не раз он всплывал и погружался, и снова всплывал, превращаясь в живую мишень.

Совершенно обессиленный он выполз на берег, затих в траве, стараясь дышать потише и восстановить силы.

Кто-то приближался к нему из темноты. Фридрих притих, гадая: свой или враг.

– Хендэ Хох! – скомандовал голос из темноты.

– Нихт шиссен. Их бин – Фридрих Клоос, – крикнул он, готовясь к прыжку.

– Фридрих! – удивился голос.

Стало светло от очередной ракеты. Фигура с автоматом вышла из тени, и Фридрих увидел своего старого друга:

– Герберт! – прошептал он.

Друзья посмотрели друг на друга, Герберт покосился через плечо, крикнул назад:

– Это свои, русского здесь нет, – повернулся к Фридриху, достал из сумки шоколад, бросил Фридриху. – Беги. Вон там (он махнул рукой) ваши. Только теперь уже не близко. Прощай, друг.

Герберт скрылся в темноте. Фридрих поднял шоколад и пошел, стараясь не шуметь, на восток. Он шел, ел твердый горький немецкий шоколад и удрученно думал о том, какие у него друзья: один – враг народа, другой – враг Родины, а враг, которого он убил, командир, народом и Родиной над ним поставленный.

Идти пришлось целую неделю. Ночами он шел. Днем прятался то в сене, застигнутый рассветом в степи, то в яме у дороги, спрятавшись под кузов разбитой машины, то в погребе сгоревшего дома. А мимо на восток весело шли колонны наступающих фашистов. В другую сторону вели колонны советских военнопленных полураздетых, раненых, голодных.

Он находил какую-то еду на полях, неубранных, полусгоревших, подбирал брошенные вещмешки русских солдат: иногда везло – там были сухари. Однажды ночью он понял: вот передовая. Ползком преодолев последние метры, он наткнулся на часового. Не разобрав в темноте, Фридрих попытался свернуть ему шею. Солдат не хотел умирать и хорошенько вмазал Фридриху по уху. Выругался по-русски.

– Стой, не стреляй! Я – свой, – заторопился Фридрих.

В редком лесу начальники построили полураздетых и грязных людей.

– Все вы вышли из окружения, – говорил усталый капитан-пехотинец. – У многих нет никаких документов. Может, шпионы и диверсанты среди вас. Чему нас учит товарищ Сталин? Кто скажет?

– Бдительность, прежде всего, – раздалось из второй шеренги.

– Кто сказал? Выйти из строя.

Первая шеренга расступилась, по-уставному строго вышел Фридрих.

– Ефрейтор Клоос, наводчик, сто пятый гаубичный артиллерийский полк, товарищ капитан, – угрюмо доложил, глядя, как положено выше капитана.

– Правильно, товарищ ефрейтор. Что за фамилия такая? Поляк?

– Немец, товарищ, капитан, из-под Саратова.

– Ты смотри! Что ж не перебежал?

Фридрих опустил взгляд, уперся в глаза офицера:

– Сильно звали и устно, и письменно.

– Не уговорили?

– Я, может, чего в жизни не понял, товарищ капитан, я ведь из села. Только мы – местные, а эти из другой деревни. Нечего им нас жизни учить. Как хочу, так и живу тут у себя. Меня еще дедушка учил, где Родина моя. Деды сюда двести лет, как пришли, чего же я-то взад побегу?

– Понятно. Проверим, – капитан отошел, крикнул уже всем, – всех проверим! А сейчас на переформировку. Кто где служил – забыть. Вы теперь ударный батальон. Знаете, что это? Нет? Узнаете. Нале-во! В баню, ша-агом марш!

Строй повернулся и вразнобой зашагал в сторону большой палатки с торчащей из крыши трубой. Вокруг было много палаток. Похоже, целый полк народу. Техники не было, только палатки. Какой-то казах шел рядом с Клоосом:

– Клосов, ты грамотный такой, что это – ударный батальон?

Фридрих ухмыльнулся:

– Это звери такие, им даже винтовки не дают, они грудью танки отбивают.

– Как? – не поверил казах, – я так не умею.

ДЕКАБРЬ. ПОД МОСКВОЙ

Оружие, все-таки, дали, а вот ефрейторское звание отобрали. Отдельная пулеметная рота тренировалась последние дни: скоро на передовую.

Было очень морозно, лежал снег, но пулеметчики обмундированы что надо: ватные штаны, в сапогах, короткие телогрейки, шапки-ушанки. Пулеметы только больно тяжелые – «Максимы», как у Чапая. Мощно и точно бил пулемет рядового Клооса.

– Цели поражены, рядовой Клоос стрельбу закончил, – доложил Фридрих, откинулся в окопчике, ожидая команды строиться, закурил. Рядом присел казах, второй номер в расчете.

– Вот ты, Еркен, мусульманин. У вас жен целая куча. Ты в этом вопросе должен понимать. Чем отличается первый от второго?

– Ай, шайтан! Опять пристаешь. Тоже – командир, твою маму, – казах сердился несерьезно. – Скажи, да? Я откуда знаю? У меня жены нету!

– Вы, рядовой Кударов, зря не женились, но если до свадьбы доживете – спросите. Первого от второго любая баба отличает, только не говорят они, заразы, – Фридрих передал казаху папиросу.

Еркен захохотал, видно понял. Даже в строю, таща тяжеленного «Максима», он хихикал, давясь смехом:

– Значит, ты – первый?

– Ага, а ты всегда второй!

– А если тебя убьют, я первый стану?

– Ты же попадать не умеешь, куда тебе первым – глаза-то узкие!

– Ну и что? Я тоже Ворошиловский стрелок.

Так и хохотали до самых палаток. Только сняли пулемет – прибежал посыльный:

– Рядовой Клоос, к комбату.

Фридрих замер, нервно одернул телогрейку. Еркен тоже осекся, глядя на друга:

– Ты чего?

– Вот и стал ты, похоже, первым номером, знакомая картина: в штаб – и амба, каюк! Дай, обниму на всякий случай.

Солдаты обнялись, Фридрих пошел в штаб. Еркен крикнул вслед:

– Да ну! Чего ты испугался, братишка? Смотри, к обеду не опаздывай!

В штабной палатке за письменным столом сидел майор-особист. Комбат, старый подполковник, рядом на табуретке. Несколько солдат с синими петлицами НКВД держали автоматы наготове. Фридрих вошел в палатку, огляделся:

– Товарищ подполковник, рядовой Клоос по вашему приказанию прибыл.

Командир посмотрел на него, хотел что-то сказать, но только махнул рукой.

– Давай, майор, сам.

– Гражданин Клоос, по приказу Верховного Главнокомандующего, все немцы, находящиеся в Красной армии, должны быть сняты с фронта и отправлены на тыловые работы. Сдать оружие, – заученно (не в первый, видимо, раз) проговорил майор.

Фридрих быстро отступил к выходу и выхватил наган:

– Врешь, майор, на Колыму меня отдыхать отправляешь. А то чего бы я «гражданином» стал.

Солдаты запоздало схватились за автоматы, майор спрятался за стол. Подполковник опустил голову:

– Брось наган, сынок. Тут ничего не попишешь. Нам в бой – тебе в лагерь. Там тоже люди живут. Брось...

Фридрих медленно и обреченно опустил оружие. Тут же налетели энкаведешники, сбили с ног, начали пинать сапогами. Подбежал майор, тоже стал пинать:

– Ах ты, мразь фашистская, еще наганом махать! Сгною! Ты у меня золото для страны зубами будешь рыть!

Подполковник выхватил пистолет и выстрелил в потолок:

– Хватит, прекратить!

На выстрел прибежали офицеры батальона. Подполковник подошел к Фридриху, помог ему подняться. Лицо солдата было разбито до крови.

– Не думай, сынок, время покажет, что лучше: нас завтра на мясо пустят, а ты в тыл, на племя. Еще поживешь за всех за нас.

– За что, комбат? – зло, оглядывая присутствующих сквозь кровь, спросил Фридрих. – Я же русский солдат, я же за Родину, я же беспощадно шел...

– Иди уже, беспощадный, – майор вытолкал Клооса из палатки. Следом вышли охранники. Особист повернулся к подполковнику:

– Русский солдат он... – отряхнулся майор. – А ты, старый хрен, сам давно из лагеря? Много говоришь. Смотри у меня!

Подполковник скривился, потянулся к кобуре:

– У меня приказ: я завтра утром под Ржевом буду. Погружу тебя сейчас вместе с нами – одним павшим героем больше будет, никто про тебя и не вспомнит.

Майор выскочил, как ошпаренный, прошел мимо фургона с арестованными.

– Всех загрузили?

– Так точно! – ответил охранник.

Майор влез в машину:

– Поехали!

Фридрих и еще несколько «врагов народа» тряслись в фургоне, гадая, что их ждет, какой поворот судьбы.

1980 ГОД. ВО ДВОРЕ У ФЕДОРА ФЕДОРОВИЧА

Свинья, сверкающая бело-розовой чистотой, висела на канате посреди двора. Федор Федорович любимым своим ножом резал ее на части.

– Килограммов на 120 потянет чистого весу, – сказал он многозначительно.

Зятья сидели на чурках чуть в сторонке, наблюдая, как женщины уносят куски свинины. На большом ящике стояла закуска и выпивка.

Федор Федорович сел на свой чурбак и начал точить якобы затупившийся нож. Тамара прищурилась:

– Ты хоть тушу-то разделай.

– Натюрлих, Тамара Алексеевна. Айн момент, только по семь капель за товарища Сталина.

Тамара фыркнула и ушла в дом.

– Молочка принеси! – крикнул ей вслед муж. – Ну, чего сидишь, наливай,– сказал Федор Федорович младшему зятю.

Тот, ясное дело, налил.

– Товарищ Сталин не дурак был. Немцы перли так, что хлеб-соль им всякие гады выносить не успевали. От страху люди чего только не делают. А Сталин понял, что героев он только страхом воспитает. Начал бить своих, свои испугались и поперли на чужих. И уж так потом чужих напугали, что до сих пор нас все боятся. А это – хорошо. Живем вот здесь и свинину кушаем. Давай парни, за Родину, за Сталина по маленькой. Ура-а-а! Т-с-с, тихо, а то Тамара...

Мужики выпили, закусили. Тамара вынесла 3-литровку молока.

– А в трудармии наркомовских не давали. Говорят, Берия запретил. Во, гад!

1941-Й. ДЕПОРТАЦИЯ

В оконное стекло постучали громко и нетерпеливо. Раздалась команда:

– Эй! Хозяева! Полчаса на сборы – и с вещами на выход.

Отец Клоос сел на постели. Жена испуганно посмотрела на мужа:

– Что? Куда на выход?

Фридрих вздохнул, встал, начал одеваться. В утренней темноте за окном засветились фары автомобилей, залаяли собаки.

– Да Бог его знает, Анна! Собирайся. Думаю, ничего хорошего не будет.

Анна тоже поднялась, тяжело придерживая живот. Уже засинел холодный рассвет. Старый знакомый – «кожаный» нервно курил у колхозной конторы. На сельской площади собрались все жители. У каждого какие-то мешки и котомки в руках. К «кожаному» подбежал лейтенант, доложил:

– Все.

Начальник бросил папиросу:

– Что, граждане немцы, дождались? Сколько мы немецких диверсантов ловили – вы ж не одного не выдали! А я предупреждал. Так и вышло.

Из толпы раздалось нестройное:

– Не было же никаких диверсантов...

– Ну, конечно! Не было! А должны были быть! – «кожаный» закурил следующую папиросу. – В общем так: обсуждать нечего. Верховный Главнокомандующий приказал всех немцев Поволжья депортировать вглубь страны в целях ликвидации поддержки врага. Ясно?!

Толпа обреченно молчала. Председатель колхоза нерешительно помялся:

– Куда хоть?

– Куда подальше! – оскалился «кожаный».

Толпа нестройно потекла по улице. Люди, старые и малые, угрюмо двигались в окружении автоматчиков и собак. Двое подростков вдруг выскочили из строя и кинулись наутек. Автоматчик дал очередь в воздух. Лейтенант отпустил овчарку. В толпе закричали, зарыдали бабы. «Кожаный» достал «ТТ» из кобуры, грохнул в сторону солнца.

– Я вас... Стоять, гады! Только рыпнитесь – враз освобожу. А, ну, пошли!

Жители двинулась мимо «кожаного». Он тоже пошел рядом с толпой, зло поглядывая на теперь уже ссыльных переселенцев. «Кожаный» хромал, припадая на правую ногу, с трудом дошел до «воронка». Хмурый строй обогнал его. Фридрих, проходя рядом, взглянул, как «кожаный», охая, садится в машину:

– Как нога, товарищ Лифшиц?

«Кожаный» резко повернулся на вопрос.

– Сын с фронта писал, спрашивал, как товарищ начальник живет.

– Иди, Клоос, иди. Не умничай. И до сына твоего доберемся. Своевременно.

Длинный строй переселенцев шел на восток. Черная машина, наверное, «Воронок», обогнала строй и по неглубокому снегу помчалась по каким-то своим нехорошим делам.

В теплушке топилась буржуйка. Людей набили, сколько вошло: плечом к плечу, чтобы спать в очередь удобней было.

В углу кое-как устроили рожать стонущую Анну Клоос. Около нее суетились бабы, охали, не зная, что делать:

– Мужики! Хоть отвернитесь, – зашумели бабы. – Ведь родит сейчас!

Мужики отвернулись. Фридрих стоял тут же, держал своих, рвущихся к матери детей.

– Стойте, говорю! Не бойтесь, так надо.

Дети ревели – не верили. За спинами мужчин раздался крик младенца. Федор улыбнулся:

– Будем жить – Бог даст, – и подмигнул детям, – а вы боялись.

Лязгнул замок теплушки – солдат открыл дверь:

– Выходи! Приехали.

Люди стояли в открытых дверях, щурились на солнце и белую

снежную степь. Чуть поодаль топтались несколько мохнатых лошадей, запряженных в телеги.

– Давай-давай! Чего встали? Еще двенадцать верст топать. Больных грузите в телеги, – скомандовал местный милиционер.

Фридрих спрыгнул, взял у жены младенца, завернутого в тряпье. Люди спускались на землю, разминали ноги. Фридрих усадил жену с ребенком на телегу, спросил чернявого узкоглазого мужичка:

– Что за земля, брат?

– Казахстан, однако.

– Далеко... – вздохнул Клоос.

В вечерней степи поднималась пурга. Ветер, разогнавшись за тысячи верст Казахстана, валил с ног плохо одетых людей. Охранники кутались в тулупы и бурчали, недовольные погодой и службой. Офицер подгонял, да толку было немного. Наконец, пришли.

– Стой! Разгружайся!

Клоос окинул взглядом голую землю:

– Что? Здесь?

– Не нравится? У Гитлера лучше бы зажили, сволочи!? – накинулся охранник.

Офицер ткнул рукавицей в сторону темной кучи невдалеке:

– Вон кирки, лопаты. К утру выкопайте землянки. Завтра подвезем лес, печки из глины сами слепите. Вон там река, у реки – кусты. Жгите костры. Жить хотите – копайте быстрей. Ночью градусов тридцать точно вдарит. Кто не спрячется – я не виноват.

Охрана заржала над шуткой командира. Скоро по степи загорели красные огоньки костров. Переселенцы отчаянно рыли ямы, таскали голые ветки кустарника для огня и крыши на землянках. Жена Клооса лежала у костра, накрывшись разным тряпьем, старалась согреть младенца.

Подошел знакомый казах, заглянул в тряпье, поохал:

– Давай ребенка, я домой еду, с моими поживет пока.

Женщина взглянула на мужа, Фридрих кивнул. Так спаслись многие дети в первую холодную зиму.

В сером рассветном небе чуть желтело зимнее солнце. Ночной снег слегка присыпал новое степное поселение. Из землянок поднимался дым – это люди пытались выжить.

1943-Й. ТРУДАРМИЯ

Ночью прошел снег. Маленький городок, где-то далеко в тылу, утонул в сугробах. В лагере военнопленных лаяли собаки – контингент пересчитывали перед работой. Вертухай доложил начальнику:

– В наличии семьсот двадцать два человека.

Начальник с высокого крыльца административного барака оглядел темную, парящую на морозе теплым дыханием, толпу:

– Выводи.

Толпа повернулась и пошла, заскрипели ворота. По краям строя встали автоматчики с собаками. Вышли в город, прошли по улице, выбрались на лесную дорогу. С другой стороны двигался такой же строй, но без охраны – «трудармия».

Веселый сержант-охранник крикнул трудармейцам:

– Эй, полувражеский контингент, сегодня первые мы!

Из строя трудармейцев спросили:

– Что-то вас нынче больше?

– Из под Сталинграда свежих подвезли. Еле плетутся доходяги.

В строю трудармейцев, ожидающих, пока дорога освободится, в первой шеренге стоял Фридрих Клоос. Мимо шли враги. Фридрих, от нечего делать, скользил взглядом по их лицам. Вдруг, одно лицо показалось ему знакомым. Хоть оно и было в черных струпьях недавнего обморожения – в нем проглядывались черты старого довоенного друга.

– Герберт? – кажется, сам у себя спросил Фридрих.

Немец вздрогнул, но это могло и показаться.

Последняя группа рабочих вошла на обнесенную колючей проволокой стройку. Ворота закрылись. Охранники в белых тулупах стояли на вышках. Стучали топоры, визжали пилы. Клоос работал бетонщиком. Ему на тачках сверху вниз работяги гнали бетон, а он разравнивал его на мкрзлой земле – заливал пол, готовил фундамент будущего цеха. На солнце стало веселей, кажется, даже муравейник стройки зашевелился быстрее.

– Вот так же в Египте пирамиды строили, – сказал напарнику Фридрих, – пять тыщ лет прошло, а ничего лучше тачки не придумали. До войны я трактора изучал. И где теперь эти трактора? Возят где-то пушки на передовой.

Снова подвезли дымящийся на морозе бетон. Фридрих бросил окурок в мокрый пол, шлепнул по нему лопатой:

– Лет через пятьсот археологи раскопают, докурят.

Внутри огороженного периметра не было особой охраны. Стояло несколько вышек, с которых автоматчики наблюдали за работой. Зэки из пригородной зоны валили лес, пленные рыли котлован. Самую ответственную работу – строительство цеха и установку станков – делали трудармейцы – они ж почти свои. Отличались они по одежде: ЗК – в тюремных робах, пленные – в своей униформе, трудармия – в армейском, но без погон.

Бегали работяги с тачками. Падали сосны, освобождая место под завод, стучали кирки и лопаты – пленные рыли мерзлую землю. Худые и изможденные люди.

– Они хотят, чтобы мы им голыми руками всю страну заново отстроили? – спросил один из вновь прибывших немцев своего напарника.

– Если так строить, мы домой вернемся лет через сто, – ответил тот и посоветовал, – ты копай, не останавливайся, а то охрана заметит.

– Что, бьют?

– Случается.

Фридрих разравнивал бетон по полу будущего здания цеха. Работяги с тачками, полными бетона, осторожно тормозя, медленно спускались вглубь котлована и быстро с пустыми тачками бежали вверх.

К Фридриху подбежал дружок-кавказец Зелимхан.

– Братишка, я сегодня в конторе был. Там новый учетчица первый день вышла. Увидишь – помрешь! Персик! Тамара зовут.

– Я и без этого помереть могу. Лучше не видеть, Зёма.

– Э-э-э! Немного больше покушать, немножко меньше работать – хоть завтра женись!

Чеченец убежал со своей тачкой, увидав, что сверху за ним наблюдает охранник.

– Иду, иду! Не видишь, шнурок развязался, – крикнул он охраннику, показывая рукой на валенок.

Обедали все здесь же, на стройке. Каждой группе подвезли на телегах бидоны с горячей баландой, хлеб, чай. Кто стоял, кто сидел на чем попало. Фридрих и Зёма сидели на груде горбыля для опалубки и, не торопясь после еды, курили самокрутки.

Из здания конторы вышла девушка в армейском офицерском полушубке и белых бурках. С ней шел автоматчик – без охраны нельзя. Учетчица подошла к котловану, посмотрела вниз и что-то записала в большую тетрадь. Повернулась к Фридриху и Зёме, улыбнулась. Девушка с охранником ушла на следующий объект. Даже под зимней одеждой было видно, какая она тоненькая. Фридрих и Зёма сидели, открыв рты.

– Какой белий! Видал? Лет 17, не больше.

– А глазки синие-синие. Да-а-а... – вздохнул Фридрих. – Есть девушки в русских селениях.

– Мой старший брат до войны у казаков девку украл. Женился, дурак. Такой стерва оказался. Этот не такой.

– Спроси потом у того, кто на ней женится. С первого взгляда не понять.

– Да нет, я же говорю: этот белий, а тот черный был, как я.

– Во-во. И вся разница, Зёма.

В бараке трудармии работяги отдыхали после работы. В темном углу тихо хохотали и звенели стеклом: раздобыли бутылку спирта, теперь допивали в узком кругу. Пожилой немец подшивал валенок. Молодой парняга писал письмо. Зёма читал потрепанный Коран.

Фридрих уже спал, и ему не мешали ни вонь от развешенных везде портянок, ни шум, ни голоса выпивох в дальнем углу. Он видел сон: вот идет он по дороге в белой чистой рубахе, причесанный и умытый. Вокруг поля желтой пшеницы, бескрайнее синее небо. Он идет домой, вдали белые дома родной деревни. Вдруг, слышит, зовут кого-то:

– Федя! Федя! Куда ты идешь?

Фридрих повернулся назад и увидел невдалеке Тамару и двух маленьких девчонок рядом с ней.

– Я же не Федя...

– Не ходи туда. Нет там твоего дома.

Фридрих повернулся туда, где только что видел деревню. Нет ни пшеницы, ни деревни. Лишь стена огня и черный дым. Фридрих задохнулся, заслонил лицо руками, закричал и проснулся. На лице что-то вонючее и грязное.

– Не храпи так, братишка, – прошептал ему сосед по койке Зелимхан.

Фридрих отбросил от себя портянку:

– Тьфу, Зёма, такой сон испортил. Не твоя портянка – ничего бы там не загорелось.

– Да-да. Опять чеченцы виноваты.

Эстонцы в своем углу не спали. Молодой белокурый парень с плоским, как лопата, лицом, что-то весело лопотал по-своему, показывая финский нож. Он явно был горд настоящим боевым оружием и демонстрировал его остроту и качество. Он размахивал и тыкал в воображаемого противника.

Зёма смотрел на них какое-то время, лег и шепнул Фридриху:

– Кучкуются, гады. Хуже народа – нет. С виду, как дохлая рыба, а зарежет – пикнуть не успеешь! Где только финку взял, шайтан?

Фридрих снова спал. Ножи его не интересовали.

Фридрих открыл дверь в светлую теплую комнату-контору, огляделся. Давно он не бывал в таких местах: белая печь, чистый пол, герани за голубыми в цветочек занавесками. За несколькими столами работали вольные инженеры.

– Здравствуйте. Мне к товарищу Гурфинкелю. Вызывали.

– Вы кто? – спросил один из работников.

– Фридрих Клоос.

– Сейчас узнаю, – скрылся за дверью работник с надписью: «Главный инженер».

Скоро он вышел, посмотрел на грязные валенки Фридриха:

– Проходите. Аккуратней, если можно, конечно.

Фридрих по стеночке, стараясь не очень следить, вошел в кабинет. Главный инженер оторвался от бумаг:

– Здравствуйте. Садитесь, товарищ Клоос.

Фридрих сел на край стула у стенки.

– Вы учились в механическом техникуме?

– Да. В Энгельсе. Три курса.

– Хорошо, – Гурфинкель поправил очки, – с завтрашнего дня начнет поступать оборудование, станки. Мы подбираем специалистов – кто мог бы его установить. Как думаете, если вас назначить бригадиром слесарей? Справитесь?

Фридрих на секунду задумался:

– Зависит от бригады. Был бы народ.

– Будет. Народу сколько хотите. Вот техники почти нет: тали, палеспасы, пару тракторов подкинем.

– Договорились. Когда приступать?

– Идите к товарищу Пупову – он вас сюда привел. Он и введет в курс дела.

Фридрих сидел с Пуповым и «входил» в курс дела. Открылась дверь – в контору вошла Тамара, быстро скинула полушубок, бурки, пробежала к своему столу, бросив быстрый взгляд на Фридриха.

– Тома, познакомься, наш новый бригадир слесарей – товарищ Клоос. Фридрих поднялся, протянул руку:

– Фридрих.

Девушка испуганно оглядела громоздкую фигуру, пискнула:

– Тамара.

– Да ты не бойся, – засмеялся Пупов, – он наш немец – поволжский.

Фридрих возвращался из конторы, не только получив указания: он шел, поменяв на складе ватник на полушубок, а валенки на меховые сапоги. Бригадиру положено. Подошел к фундаменту, где копошились бетонщики. Нашел глазами Зелимхана:

– Эй ты, доходяга! Тебе-тебе говорю. Ну-ка, подь сюда.

– Кого я вижу! – чеченец оторопел. – Вах! Что, неужели немцев оправдали?

– Раньше ты русский язык выучишь. У тебя какое образование?

– Три класса и калидор.

– Годится! Никому больше не говори. Я сказал, что ты сельхозтехникум закончил у себя в горах. Будешь у меня в бригаде.

Бригада Фридриха и человек десяток пленных немцев под присмотром охраны и собак сгружала огромный ящик с железнодорожной платформы. Герберт и пленные с трудом сдерживали наклонно стоящий груз. Тяжелый ящик скатился по специально сделанным деревянным сходням и въехал на катки-бревна, лежащие на дороге. Зацепили канат к трактору, тот взревел – и ящик медленно пополз по каткам. Работяги забегали, подкладывая круглые чурки под тяжелый груз.

Охранники лениво шли по краям дороги. Офицер курил, поглядывая на рабочих.

– Перекурить бы, товарищ капитан, – попросил Фридрих, – умаялся народ.

– Ладно, бригадир, курите. Умаялись или нет, пока до зоны не дотащите – по домам не пойдете.

– Перекур! – крикнул Фридрих.

Работяги расселись по каткам: кто курил, кто просто отдыхал. Герберт сидел, прислонившись к ящику. Фридрих, опасливо поглядев вокруг, присел рядом. Протянул портсигар. Закурили. Отвернувшись, Фридрих сказал:

– Я тебя давно заметил. Боялся подойти. Как ты, друг?

Герберт жадно и с удовольствием затянулся:

– Привыкаю – что делать? Здесь лучше, чем в Сталинграде. Двадцать пять лет дали. А ты здесь за что?

– Немец. Вот и всё. Понял?

– Да. Не верят. У нас так евреев...

– Ну, нас-то никто не сжигает. А на воле сейчас не намного лучше, – Фридрих вынул из-за пазухи кусок хлеба, положил его на бревна, – спасибо, Герберт, за Днепр. Терпи, еще поживем.

Фридрих встал и пошел к капитану:

– Пора работать, товарищ капитан.

Фридрих опять получал ценные указания от инженера Пупова. На столе разложили чертежи и планы будущего завода. Фридрих оглядел бумаги:

– Здесь надо построить пандус. На него по каткам затащим станок. С пандуса по скату толкнем – точненько на место съедет. Только придержать, чтоб не уехал далеко.

– Всё у тебя просто! – удивился инженер.

– А чего трудного? Пирамиды, как думаешь, строили, Толя?

Разговаривая по делу, Фридрих все время бросал взгляды в угол, где сидела Тамара. Та была в этот день не в себе: глаза красные, слезы, плохо скрываемые девушкой, выдавали какое-то горе.

Фридрих дождался, когда Пупов, вызванный главным инженером, ушел, «подкатил» к Томе.

– Что-то вы сегодня, Тамара Алексеевна, не в духе? – кокетливо начал он.

Тамара посмотрела на Фридриха снизу вверх и заплакала уже по-настоящему. Парень испугался:

– Ну, ты чего? Не реви так! Что случилось-то?

Тамара встала и выскочила на улицу. Фридрих быстро глянул по сторонам на реакцию присутствующих – те пожали плечами.

– Ну, я пошел тогда, – Фридрих вышел вслед за Тамарой.

Он нашел ее за углом конторы. Девушка плакала навзрыд.

– Что случилось, Тома? – Фридрих подошел, погладил ее по голове, – вот, смотри, что я у пленных выменял.

Он достал из кармана железную коробочку с леденцами, открыл, заставил Тамару взять конфетку.

– Сладкая, – через слезы выдавила Тома.

– Еще какая сладкая, считай – трофейная.

– Немцы – гады, – снова заплакала Тамара. – У меня парень был, друг. Мы в прошлом году с ним на фронт убежали, хотели вместе воевать, немцев бить. Поймали нас в Оренбурге через неделю. Его-то взяли – ему уже семнадцать лет было, а меня обратно отправили. Говорят, таких тощих не надо. Убили его, похоронка вчера пришла.

Фридрих сжал кулаки, заскрипел зубами:

– Сволочи! Что им, гадам от нас надо? Я вот тоже немец, Тома, а бил бы их, если б дали. Ты знаешь, какая у меня пушка была? Во такое дуло! – Фридрих глянул еще раз на Тамару. – Ладно, не реви больше. Мы ж победим, всё равно победим!

Тамара справилась с собой.

– Ну, я побежал? – он сунул леденцы ей в карман, – мне работать надо, – Фридрих пожал ей ласково руку. – Не плачь, столько сейчас наших друзей погибает, может, и мы до победы не доживем. Как судьба даст.

В кинозале набилось народу, как селедки в бочку. Фридрих и Зёма жались у стенки, возвышаясь над толпой. Шел фильм «Разгром немецких войск под Москвой». Друзья разволновались, словно им тоже в бой. Фридрих горящими глазами уставился в экран, вдруг он увидел на мгновенье усталую фигуру долговязого солдата с пулеметом «Максим», завязшем в снегу.

– Зёма, глянь! Мой пулемёт! А это Еркен – зараза, живой!

Тут наши на экране бросились в атаку, и весь зал заревел:

– Ура! За Родину! За Сталина!

Громче всех вопили Фридрих и Зёма.

Летний вечер опустился на пустынные улицы городка. Из репродуктора Левитан рассказывал о победе под Курском и Орлом. Под репродуктором остановились Фридрих и Зёма.

– Жалко, нас там нет, Фридрих, я бы уж точно стал Героем Советского Союза.

– Дважды. И оба раза посмертно. Я тут одну бабку знаю – пойдем хоть чекушку выменяем. За победу надо тяпнуть.

– Пойдем, конечно, а на что выменяем?

– У тебя чего-нибудь есть наверняка, если нету – спляшешь. Шучу-шучу. Я угощаю, – пообещал Фридрих.

Друзья шли вдоль неширокой реки по еле различимой тропинке. Впереди что-то зашевелилось в темноте. Кто-то сдавленно крикнул:

– Помогите!

Два других голоса злобно заругались не по-нашему.

– Эстонцы! – догадался Зёма, – опять кого-то грабят, суки.

Зёма кинулся в темноту. Фридрих за ним. Из темноты выполз кто-то в светлом. Фридрих подбежал и узнал:

– Тамара! Ты как здесь?

– Да к бабке пошла, а тут они...

– Ну, посиди, сейчас...

Из темноты, где дрался Зёма с двумя эстонцами, неслись финно-угорско-чеченские неприличные слова. Блеснул нож, Зёма упал. Фридрих выломал дрын из забора и бросился на эстонцев. Бил прицельно, как из орудия. Плоскорылому убийце он проломил башку, бросился на другого – успел только хорошо смазать по спине, тот очень быстро унес ноги.

Фридрих наклонился над стонущим другом:

– Жив, Зёма?

– Живой пока, финка короткий, если бы кинжал был – каюк.

– Пошли в больницу?

Тамара подошла к ним, утираясь от слез:

– Спасибо, ребята, дайте, я вас расцелую.

Фридрих улыбнулся:

– Его побольше поцелуй. Только знаешь что, никому не говори, а то нам за доброту лет по десять дадут. Ладно?

– Конечно, конечно!

Фридрих поднял Зёму и потащил его враз обмякшее тело в темноту. Тамара крикнула вдогонку:

– Завтра в контору заходите – чаю попьем.

Тамара сидела у открытого окна, перебирая для вида бумаги. По дороге шел Фридрих. Тамара заволновалась, увидев его. Взглянула в зеркальце, поправила волосы. Фридрих подошел к окну, достал бумажный кулек из-за пазухи:

– Вот, пряники выменял.

– Ничего себе! Пряники! – восхитилась Тома и шепотом, – а как он?

Фридрих нахмурился:

– Помер мой братишка. Они ему какую-то артерию перерезали – кровью истек. Ночью врача не было – никто не зашил.

Тома ужаснулась:

– Как же так! Их судить надо.

– Ты же видела, одного я на месте осудил. Как бы меня теперь не загребли. Я, правда, в больницу не совался. До дверей только довел. С эстонцами теперь беда. Они-то знают, кто ихнего убил. Ты тоже поберегись, не ходи никуда по вечерам. Я пока к тебе тоже не буду заходить. Ладно?

– Ладно, – растерянно ответила девушка.

– Ну, я пошел.

Тамара долго смотрела ему вслед. К ее столу подошел товарищ Пупов:

– Опять ухажер приходил? Смотри, Тома, особисты пока не видели...

Тома озлилась до слез:

– А он что, предатель? Он полгода на передовой был! Он, может, еще какой герой – почти такой же, как вы в тылу. Пусть вызывают!

– Да ладно! – испугался Пупов, – не психуй, я же так, как лучше...

Комендант спецкомендатуры, пожилой майор, допрашивал Фридриха в своем кабинете. На стене напротив входа суровый Сталин хмурился с портрета. Майор уже устал.

– Совсем ничего не знаешь? Два трупа. Оба твоими соседями по общаге были. Что-то ты должен знать?

Фридрих врал на «голубом глазу»:

– Левитан победу объявил под Курском. Мы скинулись – Зёма за водкой и побежал. Как он на эстонца налетел, чего они не поделили? Я откуда знаю?

Майор подумал, почитал бумагу на столе:

– Ты же друг его, говорят?

– Друг, товарищ майор, – вздохнул Фридрих. – Зёма не виноват, это точно. От этих эстонцев жизни нет. Звери.

– Немцы лучше, хочешь сказать? – усмехнулся майор.

– Я никому жить не мешаю, – обиделся Клоос.

– Ладно, иди. Ничего ты мне не сказал. Я вот о чем беспокоюсь, – майор прищурился, – если эстонцы с тобой начнут разбираться, что делать будешь?

После работы, Фридрих вошел в казарму. Эстонцы, сидевшие в своем углу, угрюмо поглядели на него.

– Фридрих, – позвали по-немецки из другого угла, – иди сюда.

Несколько немцев тревожно смотрели в эстонскую сторону. Старший немец увлек Фридриха в сторону:

– Я, конечно, не знаю в чем дело, но друга твоего больше нет, а я не хочу, чтобы тебя ночью зарезали как свинью. Нас, конечно, больше. Ты не против, если я пойду с этими поговорю?

– Нет, – Фридрих покосился на эстонцев, – какой уж тут – против.

Старший пошел к эстонцам. Навстречу вышел парень с перевязанной головой. Переговоры были недолгими. Старший вернулся:

– Тебе надо уходить из общаги. Ты, бригадир, начальство знаешь – договорись.

Утром строй трудармейцев угрюмо шагал на работу. Впереди, окруженный земляками, топал Клоос. Сзади ухмылялись эстонцы.

Навстречу строю шел комендант. Фридрих увидел его, вышел из строя, полустроевым шагом, приблизился:

– Товарищ, майор, разрешите обратиться?

– Ну, давай, что у тебя?

– Жениться хочу, разрешите на квартиру с невестой переехать.

Майор заулыбался:

– Кто такая смелая?

– Тамара – учетчица.

– Ладно, подумать надо. Зайдите вечером. Решим что-нибудь, – майор покосился на эстонцев.

За конторой, куда Фридрих вызвал Тамару, не было никого.

– Ты пойми, они меня все равно зарежут, если я в общаге буду жить. Ночью и кокнут.

– Да! А что я матери скажу? Ты же немец.

– Немец, немец! Виноват я тебе? Война кончится – всё на место встанет.

Тамара чувствовала себя обязанной, но боялась:

– Меня еще никто замуж не звал...

Фридрих решил применить тяжелую артиллерию – лесть:

– Ты мне, знаешь, как нравишься. Если бы не эстонцы, я бы все равно на тебе женился. Просто, гулять теперь некогда. Война кончится – погуляем еще. А?

Тамара для вида еще посомневалась:

– Правда? Ну, ладно. Только, давай к матери сходим? – согласилась девушка.

– Конечно, сходим вечером, после коменданта.

За столом в большой комнате дома, где жила Тамарина родня, вся она, родня, и собралась. Народу много: кривая беззубая бабка с матерью, пятеро Томиных братьев, да куча девок, наверное, сестер. Мать сидела во главе стола:

– Ну, и что комендант-то сказал?

Фридрих покосился на Тамару, откашлялся:

– Сказал, живите так, официально зарегистрировать не могу, мол, после войны приходите.

Бабка прошамкала:

– А родня твоя где?

– Всех куда-то с Волги увезли, бабушка. Не знаю ничего о них.

– Так-так, в колхозе, значит, робил?

– Ага, в колхозе.

– Деньги-то на стройке плотят?

– Плотят и карточки дают.

Все задумались: кроме Тамары, в доме никто не работал.

На столе ждало угощение: картошка в мундире – от родни. Сало, водка и пряники от жениха. Младшие братья потихоньку тырили пряники. Есть хотели все.

– Ну, ладно, – решила мать, – жить будете у бабки, у ней и комната есть. Свадьбу в воскресение справим – чего резину тянуть? Наливай уже.

Все навалились на незамысловатую еду. Сразу стали веселее и разговорчивее. Бабка толкнула локтем дочь, шепнула громко в ухо:

– Вот теперь будет кому нас кормить, а Томка, она много не наробит.

Фридрих и Тамара переглянулись, Тамара прыснула в кулачок. Один из братьев подошел к жениху, представился:

– Анатолий. Закурить, не будет?

Фридрих встал, снял телогрейку с гвоздя на стене, достал пачку «Казбека».

– Возьми, братан, дарю.

Парень обрадовался, снизу вверх посмотрел на нового родственника:

– Ты глянь, «Казбек»! Ладно. Ты, Федя, если кто обижать будет, нам скажи. Быстро разберемся – мы тут шишку держим.

– Какой я Федя? – даже обиделся Фридрих.

– Да, ладно, – торопясь закурить, сказал парень, – Фридрих! Язык сломаешь. Да и с таким именем у нас по улице лучше не ходить.

На следующий день после сватовства эстонцы подловили-таки Фридриха. Он шел, почти забыв о них, из цеха в контору. Восемь человек набросились на него, стали лупить по чем зря.

Молодой эстонец всё что-то кричал по-своему. Четверо других прижали Фридриха к земле. Молодой вытащил из сапога кусок заточенной арматуры, стал приближаться:

– Спрятаться хотел, фашист! – пролаял эстонец по-русски, – брата убил, так просто не сойдет.

– Тебя, жаль, не убил, – выплюнул Фридрих кровь, – таких бить – меньше говна будет!

Эстонцы начали снова его избивать. Брат убитого всё примерялся, куда ткнуть своей железкой. Вдруг сзади какие-то люди набросились на эстонцев, завязалась драка с кольями, дрынами, камнями, ножами. В суматохе Фридрих отполз в сторону. Эстонцы разбежались. Раздался крик – охрана спешила разбираться. Спасители тоже исчезли от греха подальше. Один, на прощанье, обернулся.

– Герберт, – узнал Фридрих старого друга.

В воскресенье допоздна справляли свадьбу. Родня пила беспощадно – лежали под столом во дворе все дядья и братья. Бабы пели какие-то визгливые песни. Кто-то орал:

– Горько!

Другой провозглашал тост:

– За здоровье великого Сталина!

Бабка басом запела:

– Ёллы-колды-расщеколды!
Расколды-молды-балды!
Ел бы, пил бы, пировал бы,
Не работал николды!

Федя и Тома лежали, обнявшись, в узкой односпальной кровати.

Федор вдруг спросил:

– А чего у тебя родня вся на татар похожа?

– Да ну! Разве это татары? Все русские такие, – не обиделась Тамара. – Вот и ты теперь русский Федя – съел медведя.

А в доме догуливали свадьбу. Старший брательник, хоть и до-

призывного возраста, чувствовал силу:

– Маманя, Томка-дура за немца пошла! Как же мы, советские люди, глядеть-то на это можем? Вот бы батя был жив! Да мы ему! Гадская рожа...

Бабка и мать сидели насупленные.

– Ничего уж не попишешь, пусть немец. Всё мужик, – вздохнула мать. – Может, всё хорошо будет. Вон он здоровенный какой.

– А-а-а! – брательник заревел от горя. Выпил полстакана водки и с горя запел песню про удалого Хазбулата. Женщины подхватили.

1980 ГОД. ДОМ КЛООСА

Тамара с дочерями пели, как в 43-м, «Хазбулата». Мужчины порядочно набрались. Младший зять, сидя на диване, то засыпал, то просыпался и начинал подпевать. Федор Федорович вытер слезу:

– Хорошая песня. Сорок лет знаю – и всё нравится. Тома, а помнишь, как за мной родня приехала, а оказалась – не моя родня! Где-то, видать, другой Клоос был, – объяснил он спящему зятю.

Тамара, кивая, продолжала петь. Федор Федорович еще послушал:

– А помнишь, чуть в Германию не уехали, все твои братаны уже вещи собрали. Ха-ха-ха!

Тома плюнула в сердцах:

– Не болтай! А то посадят!

– Уже не посадят! За Хрущева давай тяпнем, за кукурузника! Это он ГДРу укрепить хотел: немцев на Фатерланд отправил и ихних, и своих.

1956 ГОД

Федору Федоровичу Клоосу уже 37 лет. Теплым воскресным летним днем с дочерьми Кларой и Наташей он гулял в городском парке. Девчонки хвастались друг перед другом новыми сандаликами, у каждой было в руках по леденцовому золотистому петушку. Кругом гуляли трудящиеся.

Вдруг, как по команде, народ устремился к выходу.

– Папа, папа, что случилось? – испугались девчонки.

– Немцев в Германию отправляют! – крикнула пробегающая тетка.

– Пойдем, посмотрим? – спросил отец у дочерей.

– Пойдем-пойдем! – закричали девчонки.

По брусчатке шагали военнопленные немцы. Постарели бывшие враги.

– Смотри, каждому по костюму выдали!

– Чемоданы купили. Говорят, пассажирским поездом беспересадочно увезут, – шушукались в толпе зеваки.

Охраны не было почти – лишь в голове и в хвосте колонны шагали несколько офицеров КГБ – и всё.

Гражданское население свободно прощалось и жало руки отъезжающим. За 15 лет, пока те здесь сидели, многое изменилось.

Некоторые женщины, не стесняясь, жались к своим, прощались навсегда.

Федор пошел рядом с колонной, Герберт выбрался из середины. Старые друзья оказались рядом. Говорили по-русски.

– Прощай, Фридрих. Вот и конец – не досидел я свой четвертак.

– Тебя куда?

– В Лейпциг. Я же оттуда.

– А-а, в ГДР. Ну, тогда пиши.

– В гости приезжай. Скоро все будет по-другому – без Сталина. Может, и ты с нами?

– Нет. Куда я теперь? Видишь, какие у меня девки растут. Отца с матерью разыскать надо. Нет. Я ж русский. Это только кажется – немец. Земля – она, знаешь, какая...

– Знаю. Земля у вас сильная. Прощай.

– Спасибо, тебе, Герберт.

– За что?

– Сам знаешь.

Герберт задумался, будто искал самые главные, самые важные для них с Фридрихом слова, всё не делая последний шаг. Наконец, горько вздохнул и произнес по-немецки:

– Всё правильно, брат. Вы – лучше! Если бы русские проиграли и попали в наш плен – никто бы не вернулся домой. А мы живы.

И Герберт быстро зашагал, больше не оборачиваясь, догоняя своих.

Колонна дошла до края города. Провожающие стали отставать. Федор и девочки остались, долго стояли, пока колонна не скрылась за поворотом. Тогда Федор вздохнул, прогоняя тоску-печаль, взял девчонок за руки:

– Ну, пошли домой?

– Пошли! – сказали девчонки и побежали, играя, обратно в город.

Федор с дочерями вернулся домой. Открыл ворота и удивился: двор был полон Тамариной родней.

– Что случилось? Погорели, что ли, все? – оглядел Федор собрание.

Все, даже Тамара, угрюмо молчали.

– Ну! – рассердился Федор.

Тамара смахнула слезу и подошла к мужу. В руках у нее была газета.

– Что, скрыть хотел? – махнула Тамара перед носом Федора, – на, смотри, любуйся.

Федор взял газету, начал читать:

– «В целях помощи братскому немецкому народу, строящему социализм, рекомендовать ряд товарищей из ссыльных поселенцев немецкой национальности переехать на постоянное жительство в ГДР».

Теща, толстая уже тетка, сидевшая на табуретке среди двора, не выдержала:

– Ты список смотри: полюбуйся на свою фамилию!

Федор глянул на нее, потом в газету:

– «Майер, Геллер, Штейнбах, Шуман, Клоос»... Да, не поеду я никуда. Я еще в сорок первом мог уехать, да остался же!

– Как не поедешь?! – возмутился брат Тамары Анатолий, – мы тут для чего собрались? – оглядел он родню. – Все поедем. Там вона, какие подъемные дают, одежду, дом! Живи, не переживешь. Так не пойдет. Давай иди, записывайся!

Родня заволновалась:

– Давай-давай, Федя! Чё мы тута потеряли в своем Мухосранске? Поехали! А?!

Тамара взглянула снизу-вверх, дочки подбежали, встали рядом: младшая поманила отца, зашептала:

– Папа, я не хочу никуда ехать. Тут речка, отвал-горка. Мне в школу идти надо.

Федор поглядел на родню, сделал страшное лицо:

– Я вам поеду! Я вам всем путевки на Колыму организую. Я таких в 41-м к стенке ставил! Ну-ка, все по домам! Вали, я сказал!

Теща встала, поняла всё:

– Тогда, женись! Сколь лет живете без регистрации.

– Ладно-ладно, сладим!

Тамара спросила:

– Точно?

Федор усмехнулся:

– На неделе организуем.

– Кина не будет, – сказал Анатолий, пожимая руку Федору.

Слесари работали в цеху – устанавливали новый станок. Федор с подручным рассматривали чертеж, вдруг прибежала младшая дочь:

– Папа! Мамку в милицию забрали.

– Когда это? – удивился отец.

– С работы забрали. Только что увели.

Федор всё понял:

– Не надо было в ЗАГС ходить. Иди домой. Ждите меня. Картошки сварите. Сможете?

– Мы лучше в печке напечем, – сказала девчушка и убежала.

Тамара сидела на стуле в кабинете следователя. Дама она уже была зрелая – 30 лет, как никак и, в силу наследственности, уже проявившейся, – злая.

Допрос, судя по всему, длился к этому моменту немало. Капитан нервно ходил перед Тамарой:

– Утомила ты меня, гражданка Воротникова! Дело будем открывать.

– Чё это ты – уже гражданка? – язвенно спросила Тома.

– Ты мне не тычь! Зараза какая, – повернулся капитан к другому сотруднику, сидевшему рядом, – я тебя привлеку за сожительство с врагом народа. Советская женщина, а живет с сосланным немцем. Замуж за него собирается!

Тамара возмутилась и, обращаясь к спокойно сидевшему в стороне, обвинила капитана:

– Куда смотрел 13 лет! Я ж с ним с 43-го года живу! Еще старый комендант разрешил. Девок вон нарожала целых две. Можно было рожать. А штамп в паспорте нельзя. Где ты, Васька, бдительный такой, раньше был? Я вот Нюрке твоей расскажу, как ты Лидку-буфетчицу обхаживаешь – будешь тогда…

– Ах ты, стерва, я тебя направлю на стройки социализма!

Тамара вскочила, разгоряченная до отчаяния:

– Только попробуй!

Капитан не сдержался и все-таки засветил слегка женщине в глаз. Тамара успокоилась и села, закрыв пол-лица ладонью:

– Дурак ты, Васька, чё ты прицепился?

– Указание пришло на счет немцев. Поприжать их надо немного. Твой-то зимой, говорят, ездил на Волгу. А ведь нельзя. Ты чего же не сказала?

– Вот опять за рыбу деньги! Он же мужик мой. Я на него что ли стучать должна? Ты ведь его посадишь?

– Не посадил ведь пока.

– Нет, – согласилась Тамара.

– Вот, а ты лезешь.

– Сам-то. Синяк же будет, – показала Тамара глаз.

– Будет, конечно. Посидишь, пока не сойдет. Семь суток тебе даю – за оскорбление при исполнении. Бугаю своему не говори, ладно?

Тамара хотела опять возмутиться, да только махнула рукой.

Вечерело. У милиции стоял Федор с дочерями. Сотрудники покидали отделение, шли по домам. Вышел следователь, поздоровался с Федором, закурили:

– Твои? – следователь кивнул на девчонок.

– Ага, – ответил Федор.

– Сильно не наши с лица.

– Уж, какие есть.

Следователь вздохнул:

– У меня в Германии в 46-м году хорошая баба была. В комендатуре мыла. Я ей иногда паек отдавал. Мне-то и так хватало. Родила она пацаненка – мне ребята писали. Как она теперь? Фишер – у них фамилия. Тоже, наверное, на немца похож. Много там, в Германии, интернациональной помощи оставили солдатики наши, – начальник вздохнул, дал девчонкам по конфете-тянучке, – ждите, выпустят сейчас мамку вашу.

Следователь ушел, думая о Фишерах.

– На татар ваша помощь похожа, – усмехнулся Федор ему вслед.

Скоро вышла Тамара, девчонки с набитыми ртами бросились целоваться:

– Мама, нам дядя начальник тянучки дал!

Федор улыбался. Тамара подошла, показала глаз:

– Фингал почти сошел.

– Кто это тебя? – Федор прищурился.

– Да так. Болтать надо меньше. Пошли домой. Есть хочу.

Разговор продолжался на ходу.

– Регистрироваться-то хоть можно? – спросил Федор.

– А тебе-то зачем? Так живи, – ответила жена.

Муж сильно удивился:

– Сама же хотела?

К ПАПЕ И МАМЕ. 1956-Й ГОД

Красивый блестящий паровоз бойко катил по степи:

– Чух, чух, чух, – говорил паровоз.

Шатуны локомотива легко крутили большие колеса. Красная звезда резала плотный вечерний воздух. Рядом с поездом по пыльной дороге ехал «Газик». Отстал – куда ему!

Федор Федорович стоял у окна тамбура. Ветер обдувал его незнакомыми запахами степи, иногда врывался угольный выдох паровоза, тревожа душу. По проходу общего вагона, доверху набитого людьми и чемоданами, бегали дочери Клооса. Пассажиры уже устали их успокаивать. Одна тетка обратилась к Тамаре:

– Успокой ты своих девок, ведь жизни от них никакой!

Тамара, извиняясь за беспокойство, попыталась что-то сделать:

– Клара, Наташка! Идите – поешьте!

– Мы не хотим! – крикнула Клара. И девчонки побежали к отцу.

– Первый раз в поезде едут, – сказала Тамара тетке примиряющее.

Федор все еще был у окна. К нему прибежали дочери.

– Папа, а дедушка очень старый?

– Не знаю, – улыбнулся отец, – когда я в армию уходил – был такой, как я сейчас.

– Ну, значит, молодой еще, – решили девчонки и побежали обратно к матери.

Федор стоял и смотрел в окно. В небе зажглась первая звезда. Она летела в небе вслед за поездом – поезд несся по бескрайней стране, летел, как смелая птица, любящая свободу и простор без конца. Наверное, орел.

Солнце встало над Казахстаном. В телеге на соломе спали Тамара и дочери. Федор сидел рядом с казахом-возницей.

– В войну их столько понавезли, – рассказывал казах, – многих даже без вещей, плохо одетых. А зима у нас сильно плохая. Сначала мерзлую землю рыли – землянки делали. Зиму кое-как пережили. Мы мало-мало помогай – сами голодали. Война. До весны дожили. Стали дома строить, землю пахать. На работу всем надо – колхоз работать. К осени построились – стали жить. Сейчас такой деревня у них! Живем дружно. Вера разный, люди – есть люди. Хороший человек другого поймет, все равно, поймет.

Федор слушал, улыбался. Природа просыпалась. Потянуло туманом от реки. Федор смотрел в бескрайнее пшеничное поле на две фигуры, мужскую и женскую, идущие медленно в сторону дороги. Они так были похожи на него самого в молодости и ту давнюю Клару, что Федор, испугавшись, даже закрыл глаза. Когда он снова посмотрел в поле, понял, что просто нахлынули воспоминания, и ему привиделась во встречных казахе и казашке его прошедшая юность.

– Как речка называется, отец?

– Ишим,– сказал казах, – из России прибежала.

Федор вспомнил:

– Отец, дружок у меня был в войну. Еркен Кударов звали. Не слыхал?

– Казахстан большой, – вздохнул возница, – разве, всех можно знать?

Улица деревни была похожа на родную деревню Клооса. Те же белые дома, палисадники, яблони у дома. Телега подъехала к одному из белых домов.

– Вот дом Фридриха,– сказал казах, – приехали.

Девчонки выскочили из телеги, встали рядом, изображая скромниц. Тамара отряхнула солому, поправила юбку, посмотрела на мужа. Федор, скрывая волнение, вытаскивал багаж. Из открытого окна выглянула девушка лет 15-ти, залопотала по-немецки:

– Доброе утро! Вы уже приехали? Как быстро!

Девушка исчезла внутри дома. Послышались голоса, что-то звонко упало. Потом открылась дверь. Из дома вышла вся семья. Впереди шел отец, старый и седой.

Два Фридриха встали друг против друга, помолчали.

– Какой ты стал, сын, – сказал отец по-немецки, – двадцать лет... Нам писали, что ты погиб. А брат твой, Андрей, в Челябинске в шахте помер. Ещё в 42-м.

Мужчины обнялись. Подошла мать, обняла сына и мужа. Родители что-то говорили по-немецки, много и быстро. Федор от избытка чувств опустился на колени и зарыдал как ребенок:

– Папа, я по-немецки почти не понимаю. Столько лет по-русски говорю. Меня и зовут-то теперь Федя.

Тамара и дочери стояли чуть в стороне. Казах сидел в телеге – тоже переживал.

– Но-о! Дернул он вожжи и уехал.

– А это кто? – спросил Федор, вставая с колен, о трех молодых девушках у ворот отцовского дома.

– Сестры твои, – сказала мать, – идите, познакомьтесь с братом.

Девушки боязливо подошли к чужому взрослому дядьке, так похожему на отца.

Федор кивнул на своих:

– Мои-то почти такие же. Вот ведь надо, как оно в России бывает! Тамара, иди сюда!

Мать спросила:

– Как девочек зовут?

Тамара ответила:

– Младшая – Наталья, а вот эта – Клара, – показала она на старшую.

– Клара? – Спросила мать Фридриха.

– Ага! – ответил сын.

Два Фридриха сидели на берегу Ишима, опустив босые ноги в реку. В речке плескались Клара и Наташа.

– Папа, я в прошлом году на Волгу ездил, – сказал сын.

– Дак ведь нельзя! – удивился отец.

– Я по-тихому. В нашей деревне другие люди теперь живут. Один только Шредер-младший там.

– А он-то как остался?

– Он женился в 40-м. Взял фамилию жены. Теперь он Перегаров. По белому билету всю войну в обозе проболтался. Медаль имеет – «За взятие Берлина».

Отец задумался, вспомнил Шредеров, покачал седой головой:

– Как некоторые люди знают, где солому подстилать. Вот и папаша у него такой же был.

– Меня чуть не посадили после той поездки. Кто-то настучал. Думаю, Шредер, кроме него некому.

– Бог ему судья. Пошли домой, – предложил старший Фридрих, – нас уже потеряли. Эй, юные фройлен, вылазьте из воды.

1980-Й. В ДОМЕ ФЕДОРА ФЕДОРОВИЧА

Федор Федорович спал. Храп тестя разносился далеко. В большой комнате на диване уложили двух зятьев.

На кухне женщины мыли посуду.

– По две бутылки на брата за день съели! Мой столько обычно не пьет! – ужасалась Наталья.

Тамара усмехнулась:

– Старый кого хочешь под свинину накачает. Болтун. Всю жизнь выболтал. При Сталине так поговорил бы!

Клара махнула рукой:

– А! Ну и выпили! Завтра ж не на работу.

Женщины закончили приборку.

– Пошли спать, – предложила мать, – вы – на пол, я – к своему антифашисту.

Тамара вошла в темную спальню, села на край кровати, подумала немного и решительно сдвинула мужа к стене:

– Развалился, бугай! Не один же живешь.

– А, чего! Это ты? – проснулся Федор Федорович. – На работу пора?

– Да нет, спи. Какая работа?

Супруги улеглись, отвернувшись друг от друга. Федор задумался.

– А мать моя тебя любила! – вдруг сказал он.

– Хорошая была женщина, земля ей пухом, – вздохнула Тамара. – Скоро и нам с тобой к «Могилевскому».

– Это тебе на том свете прогулы ставят! А я еще поживу, – захихикал, было, Федор, но уснул и захрапел.

Тамара чертыхнулась и закрыла глаза.

1980-Й. УТРО 8 НОЯБРЯ

Старики спят мало. Федор Федорович проснулся в пять и пошел греметь на кухне. Тамара заворчала, накрылась подушкой.

– Ух, старый хрен, заходил, – проворчала она сама себе.

Дед вскипятил воду на электроплитке, заварил чаю в железной кружке. Сел у окна и с удовольствием стал пить. Тамара не выдержала и тоже вышла:

– Всех перебудил! Чего тебе не спится?

Дед усмехнулся, отлил в стакан из кружки:

– На вот, пей.

Жена отхлебнула, обожглась:

– Опять кипяток! Как ты его пьешь?

– Так скуснее, еще дедушка мой так любил. Видать – семейное.

Посидели молча, проснулись.

– Ну, что? Пойдем доить? – спросил дед.

– Воду-то согрел?

– Давно готово.

Старики пошли во двор. Загорелась лампочка в хлеву. В желтой полоске света, пробивавшейся наружу, падали снежинки. Раздалось мычание коровы. Тамара доила, молоко упруго струилось в большое белое ведро. Дед стоял рядом и чесал корове между рогов, та косила глаз на Тамару.

– Вот ведь зараза какая! – ворчала доярка. – Откуда такую моду взяла: не почешешь – не подоишь.

Федор Федорович усмехнулся:

– Понимает, – сказал он со значением.

Скоро за окнами засинело. Дети проснулись и уселись за стол. Федор Федорович принес здоровенную сковороду.

– Яичница с салом, – провозгласил тесть.

Тамара принесла банку молока. Все стали есть.

– По маленькой? – предложил тесть зятьям. – За Брежнева?

Те дружно замотали головами.

– Папа! – возмутились дочери.

– Ладно! Это я так – из уважения. А то подумаете, мне водки жалко. Ишь ты, за Брежнева не хотят, за многожды героя.

Все с аппетитом завтракали простой деревенской своей едой. Когда закончили, Федор Федорович похвастался:

– У родителей моих только соль, сахар, спички и мыло из магазина были.

– Не болтай, а то посадят, куркуль, – одернула Тамара.

– Сама ты куркуль! Теперь не раскулачат! – дед пожевал шкварку. – Вот шкварки – это да! В Германии теперь шкварки не едят – худеют, а то обожрались. Вот от Шредера опять письмо пришло. Зачем пишет? Друга, что ли, нашел? Да, ладно, Бог с ним. Он там опять Шредер. Три года, как уехал. Скучает. Пишет, что плюнуть никуда нельзя. Орднунг, едрить твою! Никакого простора души!

– Ну и чего он хочет-то? – язвительно спросила Тамара.

– Ясно чего! Обратно хочет к нам в Мухосранск.

– Хватит, иди лучше детям собери домой.

Детям собрали. У ворот расцеловались. Гости пошли по улице. Мужчины несли картошку в сетках, молоко в стеклянных банках, в бумагу от чужих глаз завернули по большому куску свинины.

Дед смотрел им вслед. Не выдержал:

– Пойду до автобуса провожу, – и убежал вслед детям.

Тамара крикнула вдогонку:

– Хлеба купи по 18 копеек!

Дед взял пару сеток у мужиков, обернулся к жене:

– Натюрлих, майн либлихе фрау.

Тамара долго стояла у ворот, всё смотрела вслед своим.

Федор Федорович до конца жизни вспоминал ее именно такой:

– Тамара моложе меня на шесть лет, а померла раньше. Жива была – всё меня пилила целыми днями. Теперь некому пилить. Как жить?.. Привык я к ней. Ее нет уже сколько лет, а я всё с ней, как с живой разговариваю, когда один.

БАБЬЕ ЛЕТО. 2000-Й ГОД

Шли дожди и снега. Ночь сменял рассвет. Год менял год. Дедушка Федя сидел на завалинке у ворот своего дома, где только что стояла Тамара. Совсем дедушка старый стал. Белый пушистый котенок спал у него на коленях. Рядом с воротами несколько дорогих машин – значит, снова собрались гости в доме патриарха.

У ног деда копошилась девчушка лет четырех, что-то писала прутиком на земле.

– Мальчик Федя, сколько будет два прибавить один?

– Пять? – спросил Федор Федорович у правнучки.

– Нет, мальчик Федя, три. А сколько будет два прибавить два?

– Пять? – спросил дед.

– Нет, четыре. А тебе двойка, мальчик Федя – съел медведя!

Из ворот вышел старший внук, сел рядом с дедом.

– Что, дед, учит?

– Учит! Грамотная растет – всё знает.

Девчонка убежала – из дома ее позвала мать.

Дед проводил ее взглядом:

– Жизнь-то как быстро убежала. Как Наташка твоя. Жалко, всего жалко. Больше всего память свою жалко. Я ведь много видел, я хороших людей знал. Я какую-никакую правду знаю. Неужели, всё пропадает вместе с нами, а? Димка, что думаешь?

– Не знаю, дед, – внук пожал плечами.

– Вон египетские пирамиды пять тыщ лет стоят. Мимо них миллиарды людей прошли. Кто они, египтяне те? Как жили? Что любили? Вечность! Боюсь, и без меня что-то важное исчезнет.

– А вдруг мы не насовсем умираем? – пошутил внук.

– Хорошо бы, тогда я Томочку ненаглядную свою скоро увижу.

Из-за ограды послышался крик:

– Эй, мужики! Дед, Димка! Шашлык готов. Идите к нам.

Дед и внук встали, вошли во двор. В огороде человек пятнадцать – три поколения потомков деда Феди выкопали картошку. Черная земля была ровно усыпана сохнущим урожаем. Разные поколения: от года до шестидесяти, разобрали шампуры с мясом, на белом столе расставили вино, белый хлеб, красные помидоры, зеленый лук.

Патриарха усадили во главе стола. Дочь выбрала для него шампур:

– Держи, папа.

Федор Федорович улыбался, глядя на детей, внуков и правнуков. Маленькая учительница прибежала с букетом ромашек:

– Дедушка! Чем пахнет?

Старик неспешно размял один цветок в руках, с силой вдохнул аромат:

– Осень, Наталья. Так всегда осень пахнет.

– Дедуля, винца выпьешь? – спросила какая-то из внучек.

Дедушка откусил шашлык:

– Не-е. Мне бы водочки. Мне бы наркомовскую, как русскому солдату.

Клара, старшая дочь, поднялась и сказала громко на весь огород:

– Дедушке нашему восемьдесят сегодня, давайте...

Старый Фридрих перебил ее:

– Давайте лучше Томочку мою помянем, – дедушка выпил и заплакал.

Гости поднялись – их было много, родня и потомки. Фридрих оглядел их всех, вытер слезы.

Праздник сбора урожая продолжался до заката. Было много вкусной еды, вина и тостов. Завели старую пластинку из довоенных лет, дочь танцевала с отцом.

Федор Федорович устал. Его усадили на старый диван под навесом, куда как раз попадал последний розовый луч еще не закатившегося солнца. Дети и внуки продолжали танцевать под модную в тот год «Ламбаду». Дедушка смотрел на них и улыбался, пока не задремал с недоеденным яблоком в руке. Яблоко упало и укатилось под ноги танцующих.

Старому Клоосу снился далекий-предалекий год, когда еще не было ни коллективизации, ни особого отдела, ни внуков, а сам он, тогда еще маленький наголо остриженный мальчишка шел, еле видимый из-за высокой желтой пшеницы к Волге, широкой и синей. Вода в реке текла неспешно, поблескивая слепящими солнечными зайчиками. Маленький Фридрих разделся и медленно, попискивая от прохлады, вошел в реку. Отец и мать смотрели на сына через колосья. Фридрих нырнул и поплыл в прозрачной глубине. По небу побежали облака, закрывая солнце.

Отец посмотрел на солнце в тучах:

– Скоро будет гроза.

По воде пробежал порыв ветра. Потемнело. Вдруг из реки вынырнул солдат Клоос, задыхаясь от долгого плавания под водой. Очередь из пулемета заставила его снова уйти в глубину Днепра.

Постаревший отец Фридриха стоял по колено в реке. Из-под воды вынырнул сын и пошел к отцу. Вода стекала по крепкому телу. Сыну уже за сорок. Мужчины посмотрели на противоположный берег неширокого Ишима. Там стояла Тамара в домашнем платье. Ее седые волосы трепал ветер. Тамаре уже много лет. Два Фридриха вопросительно посмотрели на нее, потом друг на друга.

Сын спросил:

– Я пойду?

Отец кивнул:

– Иди.

Фридрих-сын пошел через реку. Отец смотрел вслед.

Река оказалась очень узкой, старый Федор Федорович брел через нее, запинаясь о камни. Дети и внуки собрались на берегу перед родительским домом.

– Дедушка, не упади! – крикнул кто-то вдогонку.

Молодой Фридрих Клоос повернулся на крик и засмеялся во всю силу своих легких. Он быстро перебежал через речушку, разбрызгивая прозрачные струи. Фридрих обнял Тамару, такую молодую, как в 43-м. Они, не оглядываясь, пошли вдоль берега. В низине собирался туман, скрывая их фигуры от глаз потомков.

Оба берега реки опустели.

Фридрих Клоос умер в декабре 2000 года. Он не дожил всего три недели до 21 века. Наверное, ему нечего делать в новом столетии. Зато ему здорово досталось от 20-го. Перед смертью в беспамятстве он всё с кем-то разговаривал по-немецки. Чисто, без акцента. Родственники, что были рядом с ним в последнюю минуту его жизни, навсегда запомнили это чудо.

Весной прилетели птицы. Наверное, журавли и аисты. И, конечно, родился кто-то. Новый человек.



ТРОЕ ИЗ ПОЛЯНЦЕВЫХ

Олег ПОЛЯНЦЕВ
Олег ВЕПРЕВ
Вячеслав ЛЮТОВ

«И НЕВОЗМОЖНОЕ – ВОЗМОЖНО»!

В начале XX века именно такое ощущение и осознание разливалось волнами по разным городам и странам, едва братья Райт подняли в воздух первый летательный аппарат. Одна минута полета перевернула весь мир, зажгла в сердцах мечту о небе.

Ни одна отрасль не развивалась столь стремительно, как авиация. Она пленяла воображение, захватывала умы, до предела раздвигая горизонты. В эту небесную стихию ворвется и судьба Агнии Алексеевны Полянцевой, боевого летчика-испытателя...

В старом дореволюционном Челябинске летом 1911 года по всему городу были расклеены афиши о том, что в конце сентября состоятся показательно-демонстрационные полеты аэроплана. Затем местная газеты ввела в подробности: в ближайшее время сюда должен приехать инструктор Императорского аэроклуба М.А.Григорашвили. Вслед за ним – доставлена летательная конструкция – биплан. Поскольку самолеты пока что в России не выпускались, этот летательный аппарат был изготовлен французской фирмой «Блерио».

«Публику не обманули. Всё произошло, как и было обещано. Самолет был привезен и собран, установлен на специально выровненной площадке, примерно там, где нынче находится Театральная площадь.

Когда все было готово, публика собралась, пилот занял место в кабине, его «конструкция» произвела разбег и... не спеша оторвалась от грешной земли. Восторгу челябинцев не было предела».

Наконец-то и челябинцы удостоились видеть человека, осмелившегося конкурировать с птицей, человека, победившего воздух, – писала челябинская газета «Голос Приуралья». – Они видели пилота-авиатора, сделавшего очень удачные полеты. Особенно удачен был второй полет – 26 сентября.

На этот раз, на высоте 150–200 метров, аппарат-стрекоза, управляемый опытной рукой, сделал три полных круга. Человек-птица то поднимался, то опускался, то летел по прямой линии, то делал красивые повороты. И стрекоза слушалась каждого движения руки пилота, с жужжанием проносясь над аэродромом. «Блерио» опустился. Авиатор спрыгнул на землю.

Аплодисменты и крики, не прекращавшиеся все время полета, усилились. Публика, не знающая никакой дисциплины, бросилась к авиатору и в восторге, подняв на руки, начала его качать.



Агния Алексеевна Полянцева.

Поглазеть на «чудо двадцатого века» собрался весь город. Многие пришли семьями, захватили детей. Так и хочется написать – «маленькая Агния Полянцева на руках отца Алексея Захаровича завороженно наблюдала за этим волшебным полетом...»

Агния Алексеевна Полянцева родилась 2 февраля 1909 года на маленькой станции Мамлютка старой Омской железной дороги недалеко от Петропавловска, что на территории современного Северного Казахстана. Родилась среди бескрайней зауральской степи, о которой молодой Ленин, ехавший в ссылку в Шушенское, писал матери: «Окрестности Западно-Сибирской дороги поразительно однообразны. Глухая голая степь, снег и небо – и так в течение всех трех дней...»

Детство Агнии, естественно, вышло кочевым, под стук колес, вслед за отцом-железнодорожником. Позднее боевые подруги-летчицы будут называть ее «сибирячкой» – да и как же иначе, если она выросла на сибирских просторах от Томска до Красноярска, а школу окончила в 1927 году в старом сибирском городке Мариинске. В том же году приехала в столицу сибирской науки – Томск, где поступила в фармацевтический техникум.

Почему первоначальный выбор пал на это направление – сказать сложно. Скорее всего, отец Алексей Захарович счел, что для девушки, для дочери аптека будет спокойным местом. А там – семья, дети... Советовал, но не настаивал.

Агния честно отучилась в техникуме три года, и в 1930 году получила справку (дипломов тогда не давали), что «закончила обучение по специальности – провизор». Позднее вспоминала, что она даже отработала несколько месяцев в аптеке. И сбежала, осознав, что медицина – не ее стихия.

Нет, это положительно была «девушка с характером»! Таким сложно удержаться за аптечным прилавком, стеклянными шкафами с мензурками или ассистентским провизорским столом, размешивая мази и толча в ступке порошки. Агния решила всё начать с нуля – и по примеру брата Сергея в 1930 году сдала вступительные экзамены в Томский технологический институт.

Выбор специальности показателен – горное дело. Маятник качнулся в противоположную от аптеки сторону: в шахты. Но к 25 годам, когда учеба была в самом разгаре и двигалась к концу, Агния в очередной раз поняла – и это «не ее». Правда, настраивала себя, что вуз нужно окончить, несмотря ни на что.

Преддипломную практику она проходила на одной из шахт Кузбасса. Вряд ли Агния боялась трудностей – это вообще не в черте характера Полянцевых. Но что-то в ней, видимо, переключилось, когда она спустилась в шахту, и черные стены штольни сдавили, прижали ее. Вернувшись, Агния наотрез отказалась писать дипломную работу – и сейчас, и тогда этот поступок казался бессмысленным, сумасбродным. Потратить пять лет жизни и уйти ни с чем, чтобы снова начинать с нуля?

Но именно этот случай с шахтой, ощущение сдавленного пространства, скорее всего, помогли ей понять – чего она хочет от жизни, в чем ее стихия. Агния по-другому взглянула на небо...

В августе 1927 года, когда Агния Полянцева поступила в фармацевтический техникум, а брат Сергей перешел на третий курс технологического института, в Томске произошло примечательное событие, собравшее на импровизированной летной площадке на заливном лугу на берегу реки Томь большое количество молодежи. В небо поднялся самолет...

Нет, показательными воздушными выступлениями томичей уже было не удивить – первые представления состоялись еще в начале 1910-х годов, как и в Челябинске. Но в этот раз была важная особенность – это был первый сибирский самолет, сконструированный и построенный студентами аэрокружка технологического института. Средства на его строительство собирали также среди студентов – по подписным листам. Рассказывают, что даже провели благотворительный бал-маскарад для этих целей.

Над сибирской «авиеткой» – полноценным самолетом с собственными конструкторскими решениями и оригинальными расчетами узлов – работали два года; а в лето перед пуском некоторые студенты даже не поехали домой на каникулы, оставшись доводить машину до ума.

16 августа авиетку на лошади привезли на аэродром. Специально для испытаний самолета приехал военный летчик Шведов и председатель испытательной комиссии начальник авиаотряда Шабашев. «В этот же день начались полеты. Правда, подводил мотор, который поставили на авиетку без обкатки и испытания. В итоге пришлось вскрывать карбюратор, менять свечи, регулировать зажигание и так далее».

«17 августа 1927 года в 19 часов 30 минут, под ликующие возгласы многочисленных зрителей, авиетка плавно поднялась в воздух и 14 минут летала на высоте 350 метров. Эта была большая победа профессоров и студентов Томского технологического института. Оправдались все надежды кружковцев на правильность произведенных расчетов. Большой исследовательский труд целого коллектива увенчался успехом...»

Не беремся утверждать, были ли среди студентов-зрителей Сергей и Агния. Но сам факт удачи вдохновлял молодежь – об этом самолете говорили долго и с гордостью. Все это лишь подливало масла в огонь разгоревшейся любви к небу.

В начале 1930-х годов города Урала и Сибири стали навещать агитсамолеты. Едва такой аэроплан совершал посадку, как из него высаживался десант – лекторы с портфелями, картами и указками. Читали лекции, агитировали принять участие в сборе средств на эскадрилью военных самолетов, подписаться на лотерею Осоавиахима, наперебой цитировали Владимира Маяковского:

Буржуи
лезут в яри
на самый
небий свод.



Ремонт самолета.

Товарищ
пролетарий,
садись на самолет!..

В стране появилась масса авиаклубов. Тысячи юношей и девушек увлекались парашютным спортом. В каждом центральном городском парке была в эти годы выстроена вышка для тренировочных прыжков. На слуху были имена Чкалова, Байдукова, Белякова, совершивших перелет через Северный полюс. Из глаз катились слезы при известиях о гибели летчиков Серова, Леваневского, Осипенко. Страна жила небом, грезила им. Подобное произойдет лишь три десятилетия спустя, когда молодежь тотально увлечется космонавтикой – после полета Юрия Гагарина...

Не окончив институт, Агния Полянцева вернется в 1935 году в Челябинск – и первым делом поступит в открытую школу пилотов при челябинском аэроклубе Осоавиахима (Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству). Это общество было создано в 1927 году. Именно с кружка планеристов и учебы в летной школе «Осоавиахима» начинали свой путь прославленные авиаконструкторы А.С.Яковлев и О.К.Антонов, создатели «Яков», «Антеев» и «Русланов». По сути, аэроклубы давали «путевку в жизнь».

Челябинск, кстати, на тот момент был вполне «летным городом» – авиасообщение с Москвой и соседним Свердловском, к примеру, открылось еще в самом начале 1930-х годов. Тогда же появился аэродром, где сегодня кварталы Северо-Запада. До войны появится и грузовой аэродром в Шаголе.

Согласно архивным данным, работа по созданию в Челябинске аэроклуба началась в 1933 году, когда в город приехал председатель Центрального совета «Осоавиахима», созданного шесть лет назад, Р.П.Эйдеман и настоял на мобилизации усилий. К тому же челябинская общественность стала жестко критиковать власти за «отклонение от генеральной линии партии». Среди объективных проблем – дефицит финансирования, сложность в формировании материальной базы, приобретения техники.

Нужны были и инструкторы. Лишь когда аэроклуб был официально открыт в феврале 1934 года, по приказу «Осоавиахима» в Челябинск из Свердловска прибыли начальник аэроклуба И.П.Яковлев и старший летчик Ф.Д.Непорожнев. Старшим техником был С.Г.Ермолаев, яркий и интересный человек, отдавший челябинскому аэроклубу больше трех десятилетий жизни. Можно сказать, что «сторонних унылых скептиков» на учебном спортивном аэродроме не было.

Агния Полянцева записалась в аэроклуб, когда основные работы по подготовке летной площадки уже были завершены. Аэродром находился на северо-западе Челябинска – в кварталах нынешних улиц Куйбышева, Чайковского, Косарева, возле железнодорожной ветки на Екатеринбург. Кстати, последняя улица долгое время носила название Аэродромная, как и одноименный поселок при ней. В распоряжении летной школы в то время были планеры и два «кукурузника» По-2. Только после освоения этого самолета выдавалось удостоверение инстуркторa.

1935 год оказался одним из самых насыщенных в довоенной жизни Агнии Полянцевой – слишком спрессованным по фактуре. Скорее всего, основные «летные события», после ее возвращения из Томска, пришлись на весну-лето. В том же 1935 году был произведен первый выпуск курсантов – и Агния Полянцева среди них. Ей было выдано удостоверение инструктора по пилотированию. Оно являлось своеобразным «пропуском в небо» и давало возможность поступить в профильный институт. Как только Агния его получила – сразу же собралась в Москву...

В довоенной Москве имелось 84 вуза и втуза, где обучалось около 90 тысяч студентов. Поначалу Агния Полянцева зашла в Военно-Воздушную академию имени Жуковского, поинтересовалась:

– Если поступлю, то смогу у вас летать?

– А зачем обязательно летать? – ответили ей. – Мы учим не этому.

Действительно, Академия специализировалась на более «глобальных» вещах: готовило командиров для военно-воздушных сил, инженеров широкого профиля, работавших в войсках, промышленности и научно-исследовательских институтах. Иными словами, это был высший руководящий состав, «закрывавший» все направления, связанные с авиацией.

Агнии же хотелось реальной, живой практики. Она бросила прощальный взгляд на величествен-

ное здание из красного кирпича, окаймленное стеной с башнями (бывший Петровский подъездной дворец) и пошла по Ленинградке в сторону Волоколамского шоссе. Здесь в нескольких кварталах от Академии находился Московский авиационный институт, молодой вуз, открытый в 1930 году, где только-только завершались масштабные строительные работы по возведению корпусов и лабораторий. Там ей полеты гарантировали – «будешь летать, сколько захочешь».

Полетов и вправду оказалось с избытком. С первых лет обучения студенты самолетостроительного факультета, на котором училась Агния, в обязательном порядке проходили летную практику. В очерке по истории МАИ говорится, что «в обязанности студентов на летной практике входили практические полеты (до 50 часов) с выполнением обязанностей летчика под наблюдением летчика-инструктора, полное наземное обслуживание самолетов, включая ремонт в полевых условиях».

С первого курса шло изучение всех типов самолетов вкупе с их конструкторскими особенностями и техникой пилотирования. Естественно, рассматривались и новшества, которые либо уже введены, либо еще предстоит освоить. Уже тогда Агния Алексеевна целенаправленно начинает себя готовить к весьма рискованному направлению – испытание авиационной техники. Она упорно занимается совершенствованием техники пилотирования и обкатки-облетки самолетов – ее первым настоящим «испытательным самолетом» стал истребитель И-153 «Чайка», созданный в ОКБ Поликарпова в 1938 году.

Новое врывалось в жизнь, и сам институт динамично развивался. Под его крышей собралось целое созвездие будущих авиаконструкторов и светил в области космической техники – Туполев, Поликарпов, Яковлев, Миль и другие. Они читали лекции, вели практические занятия. В курс обучения вводятся новые дисциплины, в институте вслед за достижениями в науке и технике открываются новые кафедры и факультеты: по вооружению самолетов, радиотехнике, аэронавигации, приборостроению. В 1940 году, к моменту окончания Агнией Полянцевой института, МАИ имел в своем составе 5 факультетов, 38 кафедр, 22 лаборатории, 24 учебных кабинета, учебно-производственные мастерские и учебно-летный отряд.

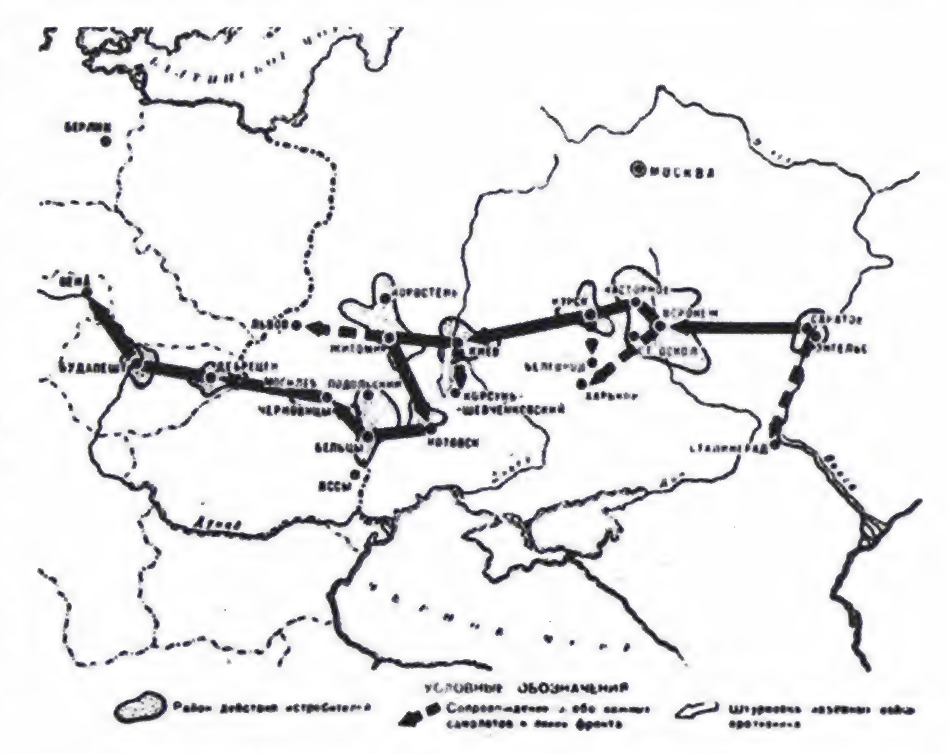
Получив диплом, молодая, теперь уже замужняя женщина поступает на работу летчиком-испытателем на одно из предприятий Народного комиссариата авиационной промышленности СССР – в ОКБ-3. В том же, последнем мирном году она вступает в коммунистическую партию. Ее первое место работы в качестве летчика-испытателя – Летно-исследовательский институт НКАП, которым руководил М.М.Громов.

Это была личность легендарная. В 1934 году Михаил Михайлович установил мировой рекорд дальности полета – 12 тысяч километров. Он оказался в числе самых первых в стране Героев Советского Союза. В 1937 году Громов участвовал в новом беспосадочном рекордном полете Москва – Северный полюс – США.

Одновременно, но уже как летчик-испытатель, он занимался опробованием и доводкой новых моделей самолетов. Им, к примеру, был испытан теперь уже хорошо знакомый Агнии самолет У-2 или По-2 конструктора Н.Н.Поликарпова. На нем учились летать все курсанты аэроклубов, он же широко использовался как связной и санитарный самолет, а также для охраны лесов, аэрофотосъемки. В годы Великой Отечественной войны он стал еще и ночным бомбардировщиком, брал на борт до 300 килограммов бомб...

«Громовский» институт, созданный в 1940 году на базе ЦАГИ – Центрального аэрогидродинамического института, – только находился в стадии становления. В сферу его компетенций входила наработка методов летных испытаний и исследований. Кстати, знаменитый конструктор А.С.Яковлев признавался, что накануне войны летные испытания новых образцов самолетов велись неупорядоченно, «кустарно, каждым конструкторским бюро по своему усмотрению».

Осенью 1940 года Агния Полянцева влилась пока еще в небольшой, но очень слаженный коллектив летчиков-испытателей; запомнила, как Михаил Михайлович любил повторять: «Жизнь летчика-испытателя – самое цен-



Боевой путь 586-го женского истребительного полка.

ное и дорогое вообще и для государства». В пору ее работы парк Института летных исследований составлял 50 машин, в том числе около десятка – опытных. Летная часть института составляла чуть более 150 человек во главе с Героем Советского Союза полковником А.Б.Юмашевым. Состав был разбит по отрядам, каждый из которых отрабатывал свое направление – летчики обкатывали новые самолеты, выполняли задания самолетной лаборатории, занимались испытанием винтов и двигателей, авиационного вооружения и оборудования.

В каком именно отряде была Агния Алексеевна, установить сложно – предположительно, испытывала опытные образцы. Есть косвенные тому подтверждения: в начале 1941 года на нее обратили внимание в народном комиссариате авиационной промышленности. А буквально за шесть дней до начала войны, 16 июня 1941 года, А.А.Полянцева была прикреплена от института как летчик-испытатель непосредственно в конструкторское бюро Н.Н.Поликарпова. И не куда-нибудь, а в ЛИС – летную испытательную станцию, которая давала «путевку в небо» экспериментальным опытным образцам. Иногда – ценой жизни летчиков-испытателей...

Это было не самое лучшее время для легендарного авиаконструктора, на чьем счету порядка 80 созданных самолетов разных типов, в том числе и истребитель И-200 – прообраз будущего «МиГ-1». После того, как в 1938 году на поликарповском истребителе разбился легендарный Валерий Чкалов, последовала серия арестов. А затем раскололось и само КБ – из его состава была выделена большая группа лучших специалистов, которые составили основу будущего конструкторского бюро А.Микояна.

«Вокруг Поликарпова складывалась нездоровая атмосфера, – отмечают исследователи. – Началась травля конструктора, работы тормозились, его обвиняли в консерватизме. Перед самой войной Поликарпов в качестве утешения получил премию за проектирование истребителя И-200 и... остался без многих опытных конструкторских кадров, без собственных помещений и, тем более, без производственной базы. На первых порах его приютил испытательный ангар ЦАГИ. Затем под Поликарпова в старом ангаре на окраине Ходынки был создан новый государственный завод № 51, не имевший никакой собственной производственной базы и даже здания для размещения КБ. На территории этого завода в настоящее время находится ОКБ и опытный завод им. П.Сухого».

Здесь, на окраине Ходынки, «намоленном месте российской авиации», где еще в 1909 году открылся первый аэроклуб в стране, Агния Алексеевна получила известие о начале войны – самой тяжелой за всю историю человечества. Ее муж в первые дни войны оказался в действующей армии (более подробными сведениями мы, к сожалению, не располагаем). В каких подразделениях и где он воевал, узнать не удалось. Известно лишь, что он был танкистом и погиб на фронте.

Первые налеты вражеской авиации на Москву начались с июля 1941 года, и дальше положение лишь усугублялось. На заводских крышах повсеместно стали расставлять спаренные пулеметы. В случае тревоги все работники поднимались на дежурство, следили за соблюдением светомаскировки, предупреждали пожары от зажигательных бомб. Позднее многие работники заводов получат медаль «За оборону Москвы». В 1944 году ею будет удостоена и А.А.Полянцева.

Особенно тяжело стало в сентябре 1941 года. Ветераны-москвичи вспоминали:

«В середине сентября вдруг замер транспорт, остановились трамваи. Вся Москва была затемнена – ни огонька, ни лампочки. Рассказывали, что в Химках немцы выбросили первый десант, но его тогда моментально ликвидировали. По Москве прокатилась волна паники. Потом выступил Булганин, председатель Моссовета, человек, чрезвычайно много сделавший для обороны Москвы. Он говорил твердо, уверенно, успокоил людей.

По ночам центр города охранялся дирижаблями. Это было достаточно страшное зрелище. Вокруг огромных дирижаблей были натянуты сети. Мы, дежуря на крыше, не раз представляли себе, как в эти сети попадаемся.

Самым страшным оказался октябрь. – Возникла странная паника – люди с котомками шли по городу, не зная, куда и зачем идут. Поезда не ходили, выехать было невозможно. Снова по радио выступил Булганин, успокоил москвичей, сказав, что на подходе новые свежие части с Урала и Сибири...»

Осенью 1941 года, когда противник вплотную подошел к Москве, положение стало критическим. Выполнять работу в требуемых объемах, сочетая ее с защитой предприятий от вражеских налетов, было уже невозможно. В конце сентября на всех ведущих московских авиазаводах приступили к эвакуации – на восток беспрерывно уходили эшелоны с оборудованием и людьми, среди которых были и опытные летчики-испытатели. В частности, знаменитый и опорный ЦАГИ был перебазирован в Новосибирск. Ряд научно-экспериментальных объектов и лабораторий, которые нельзя было вывезти, оказались заминированы. Всего было эвакуировано 85 процентов предприятий «московского авиационного кольца».

Между тем, часть заводов, правда, сильно поредевших, оставалась в Москве на Ходынке, в том числе и «поликарповский завод». В наградном листе А.А.Полянцевой указано, что до прибытия в армию она работала летчиком-испытателем на заводе

№ 482 НКАП СССР. 2 декабря 1941 года Агнию Алексеевну назначили начальником летно-испытательной станции с полномочиями полковника.

Как она рассказывала уже после войны родным, здесь в основном занимались капремонтом и восстановлением, доводкой как поступающей с фронта, так порой

и с заводов авиатехники. О том, как это было важно, скажут такие цифры: если наша страна потеряла за годы войны 80 300 самолетов, то 47 процентов потерь случилось по вине аварий, а не вражеского огня или ошибок летчиков. Как известно, сын Сталина Василий был летчиком, он не раз писал отцу о низком качестве поступавшей на фронт техники. Сталина это очень волновало, однако кардинальных улучшений пока не наступало. Но едва завершилась война, как было инициировано так называемое «Дело авиаторов».

Впрочем, этот «разбор полетов» будет потом. А пока в системе обороны Москвы истребительная техника занимала важное место, прикрывая город от налетов фашистских бомбардировщиков. Авиаремонтные мастерские были нужны, как воздух. Основной площадкой для размещения мастерской стала летно-испытательная станция.

Собрав волю в кулак, А.А.Полянцева, которая буквально рвалась на фронт, приступила к исполнению своих прямых «ремонтных» обязанностей. В мастерскую стали доставляться сбитые и поврежденные истребители, привозили ремонтировать «Чайки» с северного флота и другие самолеты.

Будущая боевая подруга А.А.Полянцевой по 586-му авиационному полку Ольга Яковлева вспоминала, что из себя представляли, например, потрепанные боями самолеты – те же По-2:

«Сбить наши тихоходные По-2 из крупнокалиберного пулемета не составляло большого труда даже в темноте, а уж если ослепят прожектором, тем более. Так что нередко самолеты возвращались на аэродром с изрешеченными плоскостями. Техники латали их на скорую руку, и крылья многих машин походили на лоскутные одеяла».

Ремонтников не хватало, запчасти к самолетам приходилось буквально выбивать. Между тем, потребность в отремонтированных истребителях, годных к полетам, была запредельной. Начиная с октября 1941 года, в связи с начавшейся эвакуацией выпуск боевых самолетов стал стремительно падать. Так, в ноябре 1941 года было изготовлено всего 627 машин, почти в четыре раза меньше, чем до начала эвакуации. В декабре страна произвела самое минимальное количество машин – 600 самолетов. Поэтому собрать из трех разбитых во время боев машин одну – это уже была задача государственной важности.

Агния Алексеевна вспоминала, как к ней не раз буквально вламывались мальчишки-пилоты и крыли матом: «Мы там, на фронте, кровь проливаем, а вы здесь, в тылу, самолет починить не можете...»

А как их починить, если поликарповские истребители были сняты с производства, заводы перешли на выпуск «яков», к старым «чайкам» запчастей не достать. Вдобавок баллонов со сжатым воздухом для запуска мотора нет, плексигласа для лобового стекла не достанешь.

Об этом много позднее Агния Алексеевна рассказывала журналисту Аркадию Кривошеину. Ей самой приходилось лично облетывать отремонтированные истребители, а затем и всю первую линейку самолетов «Як». Шутила, называя себя «истребителем-снабженцем».

«Однажды звоню на соседний завод мастеру цеха дяде Саше – еще студенткой у него практику проходила. Говорю, что надо повидаться, и разговор не телефонный. «Приезжай», – говорит.

– Ну, выкладывай, что нужно?

– Тросик достать не могу.

– Много?

– На две «чайки». Метра три хватит.

Отмотал он мне восемнадцать метров:

– Держи, а то ведь завтра опять звонить придется.

Я благодарю, а сама глаз с запчастей не спускаю. Дядя Саша это заметил, сжалился и разрешил взять, что нужно. Я набрала гаечек, болтиков, в каждом кармане – килограмм по пять железяк.

– Смотри, на них я материальный пропуск тебе не выпишу, – говорит дядя Саша. – Задержат на проходной – выпутывайся сама. В военное время за кражу с авиационного завода по головке не погладят. Трибунал...

Я его успокаиваю: карманы-то комбинезона я предусмотрительно удлинила – не карман, а чулок из брезента. При обыске по бедрам похлопают – в карманах вроде пусто. Все равно через проходную идешь – ног под собой не чувствуешь. Лишь железячки ниже колен по ногам бьют. Все ноги у меня от них в синяках были...»

Под началом Полянцевой было всего шесть женщин-техников. На какие только ухищрения не приходилось идти, чтобы собрать боевой самолет. Например, за счет своих хлебных карточек – а Москва тогда тоже голодала – вы-



Боевые подруги.

менивали хлеб на спирт, а его – на баллоны с сжатым воздухом для запуска двигателя.

«Так и бывало: соберешь девчат, объяснишь им, что нет выхода, – вспоминала Агния Алексеевна. – Они помрачнеют, насупятся, но хлебные карточки достают, отрезают по талону. У меня самой сердце кровью обливается. Ведь это понимать надо – целую дневную пайку отдавать приходится!»

Зимой 1941–42 годов продуктовые карточки: крупы, жиры, мясо, сахар – почти не отоваривались. На иждивенческие и детские карточки выдавали только хлеб. По словам Агнии Алексеевны, рабочим, чтобы те ноги не протянули, отпускали соевое суфле – «омерзительное пойло, но сладковатое, богатое белком и растительным жиром». «Мы в те времена научились подсчитывать каждую калорию. Хлеб взвешивают – мечтаешь, чтобы досталась горбушка. Корочка спеклась, подсушилась – веса в ней столько же, что и в мякише, а калорий вдвое больше!»

Аркадий Кривошеин в своем очерке «Жизнь в небе», опубликованном в книге Екатерины Полуниной «Девчонки, подружки, летчицы» и посвященном Агнии Полянцевой, записал воспоминания Агнии Алексеевны о том, как завершилась история с карточками и спиртом:

«Однажды еду в автобусе, смотрю – группа пилотов. Прислушалась к их разговору – перегонщики «яков». Все кокетство, на какое способна была, в ход пустила. Они, как узнали, что я тоже летчица, да к тому же испытатель, ушам не верят. А я плачусь в жилетку – не знаю, где пару листов плексигласа (оргстекла) достать.

Выписали они мне 16 листов. Представляете, какое это по тем временам богатство! Я приехала на завод, директор глазам не верит.

– Проси, что хочешь, озолочу!

Я и попросила: одну лишнюю хлебную карточку, шесть пар детской обуви – ведь у каждой из моих девчат были дети. И ежедневно по литру суфле сверх нормы на каждую из работниц. Список у меня был заранее подготовлен.

Что вы думаете? – подписал!

С лишней карточкой жить стало полегче. На каждую работницу по одной лишней пайке раз в неделю приходилось. На спирт обменять – опять же из той карточки. Девчат грабить на талоны больше не приходилось. Зажили!..»

И все же работа снабженца, пусть и восстанавливающего самолеты, ее тяготила. Хотелось настоящего боевого дела. К тому же в 1942 году, когда в эвакуации, в тылу было развернуто производство самолетов, на фронт пошли новые машины. Например, в 1942 году на смену ближнему бомбардировщику Су-2, который Агния изучала, еще будучи студенткой старших курсов, пришли скоростные бомбардировщики Пе-2 и Ту-2.

Кстати, самолет Пе-2 был довольно строгим в технике пилотирования и не терпел замедленной реакции летчика. Это был хороший самолет с серьезным запасом прочности, допускавшим большие перегрузки. Сильные летчики любили этот самолет; те, кто послабее – побаивались. «Норовистой» машиной был и одноместный фронтовой истребитель Як-1, который Агния Полянцева также хорошо изучила.

Как инженер-испытатель, в ее «багаже» было и изучение сильных и слабых сторон самолетов противника. С октября 1941 года в Москве появились первые трофеи – к примеру, летчикам-истребителям удалось блокировать немецкий истребитель Ме-109 и принудить его к посадке в районе Тушино. Оружие противника нужно знать – и такая возможность была.

Но Агния оставалась на земле, поднимаясь в небо в прифронтовой, но все же тыловой полосе. И одновременно обивала пороги военкомата с просьбой отправить ее в действующую армию.

Военком обоснованно ее сторонился, стараясь не разговаривать напрямую. Полянцева – номенклатура Наркомата авиапромышленности; пусть там и принимают решение. И все же Агнии почти удалось военкома «обхитрить». Она сама рассказывала эту историю:

«Прихожу в военкомат. Там полно женщин – комплектуется медсанбат. И прием ведет не военком, а его заместитель. Спрашивает мою специальность. Я отвечаю: «Провизор». Я же в действительности до Челябинского аэроклуба провизорский техникум окончила и даже полгода успела в аптеке поработать.

Он обрадовался – санитарки и медсестры были, а вот с провизором проблема:

– Завтра явитесь в шесть утра. При себе иметь смену белья, пищу на трое суток, ложку и котелок.

Он говорит, а я от радости слов не слышу. Удалось!

В шесть утра примчалась. Правда, мне бы переодеться в что-нибудь попроще, а я по привычке в летной форме...

Построили нас во дворе. И вдруг выходит сам военком. Я голову в плечи, но он меня сразу узнал.

– Эта как сюда попала?

– Провизор она.

– Диплом есть?

– Дипломов нам тогда не давали, – отвечаю. – Справка была, но я ее потеряла.

– Нет справки – разговор окончен. И чтоб глаза мои вас здесь не видели.

Затем обернулся к своему заместителю:

– Из нее такой же провизор, как я «хор маленьких лебедей» из балета «Щелкунчик». Ты что не видел, когда ее записывал, во что она одета. Это летчик-испытатель. Пускай по своему ведомству идет! Я вашему наркому писать буду, товарищу Сталину напишу, как вы работу в тылу саботируете. Кругом марш!

В принципе, он был прав. Пришлось возвращаться к своим самолетам, ожидавшим специалиста на заводском дворе...»

Больше подобной «самодеятельности» она не допускала. К тому же у Агнии появилась реальная надежда попасть на фронт как раз по своему профилю – летчиком-истребителем.

Эту надежду дала Герой Советского Союза Марина Михайловна

Раскова, которая уже при жизни стала легендой отечественной авиации. Она была почти ровесницей Агнии Полянцевой – младше на три года.

Еще до войны Раскова прославилась тем, что совершила наравне с мужчинами ряд выдающихся полетов – дальних, беспосадочных, «слепых», когда самолет приходится вести по приборам, ночью, в облачности или на большой высоте. Раскова участвовала в перелетах Севастополь-Архангельск и знаменитом на всю страну Москва-Владивосток на самолете «Родина», за что была награждена двумя орденами Ленина. В 1939 году она стала уполномоченным особого отдела НКВД СССР, получила квартиру в охраняемом квартале на улице Горького и, по сути, могла «входить без стука» к первым лицам страны.

В первые месяцы войны М.М.Раскова получила десятки писем от девушек-летчиц с просьбой помочь им вступить в ряды действующей армии. Но лишь 8 октября 1941 года появился приказ № 0099 за подписью И.Сталина о формировании женских авиационных полков, предписывающий с 1 декабря 1941 года «в целях использования женских летно-технических кадров» сформировать и подготовить к боевой работе три полка, каждый из которых состоял из нескольких эскадрилий:

586-й полк – истребительный, противовоздушной обороны (ПВО) был предназначен для прикрытия от бомбардировщиков врага военных и гражданских целей. В эту часть набирали наиболее подготовленных летчиц, имевших большой летный стаж, ранее летавших на самолетах в гражданской авиации, выпускниц МАИ, академии Жуковского.

587-й полк состоял из летчиц, летавших на бомбардировщике СУ-2. Командование этим полком приняла сама М.М.Раскова. Ох, и трудно было девушкам овладеть управлением этими самолетами! Две из них разбились во время учебных, тренировочных полетов.

И, наконец, 588-й полк ночных бомбардировщиков У-2. Управлять этими «небесными тихоходами» умели все. На них учили летать в «Осоавиахиме» и клубах. Немцы всю войну пытались както бороться с этими самолетами, летавшими на бреющем полете, тихо и неслышно. Но никак не «подобрали ключи». Именно этих летчиц немцы прозвали «ночными ведьмами».

Тем же приказом предписывалось «укомплектовать формируемые авиаполки самолетами», организовать «переподготовку летного состава на новой матчасти», «обеспечить формируемые авиаполки всеми видами положенного довольствия».

Формирование полков шло достаточно долго. Сначала на мандатной комиссии девушкам, а это были исключительно окончившие аэроклубы и кружки Осоавиахима, задавались вопросы:

– Вы твердо решили идти воевать?

– Да, твердо.

– Вам будет очень трудно.

– Знаю. Трудностей не боюсь.

С прошедшими строжайший отбор провели, занявшую несколько месяцев, дополнительную подготовку. Полки были сформированы и «доведены до ума» в 1942 году – в канун Сталинградской битвы, где и приняли свое первое боевое крещение.

Вот только Агнии Полянцевой среди летчиц этих полков пока не было. Предположительно, ее «приберегла» М.М.Раскова – для подбора и подготовки кадров для полка в Москве на базе летно-испытательной станции. Практически нет сомнений, что они были лично знакомы – Раскова часто бывала в летном испытательном институте у М.М.Громова. К тому же, будучи уполномоченным НКВД, она лично просматривала дела кандидатов, и пройти мимо выпускницы МАИ, работавшей летчиком-испытателем, не могла.

4 января 1943 года пришло печальное известие о гибели Марины Расковой. Отважный летчик, первая женщина-штурман, она формировала полк скоростных бомбардировщиков и отбыла с этой целью в тыл, на завод – получать новые самолеты Пе-2. Когда ее полк бомбардировщиков перелетал на прифронтовой аэродром, командира полка задержали в штабе в тылу. Вдобавок разыгралась непогода. Марина Михайловна места не находила, рвалась к своим девчатам. Наконец, после нескольких дней нелетной погоды небо прояснилось. Только во время полета – а Раскова села за штурвал – самолет попал в «снежный заряд» и... в злополучном «слепом полете» врезался в сопку, одиноко стоявшую в степи.

М.М.Раскову похоронили в Москве, ее прах был замурован в Кремлевскую стену. В Москве есть улица, переулок и площадь имени Марины Расковой, которые находятся недалеко от станции метро Динамо. Много позднее Агния Полянцева в память о ней добьется, чтобы в Челябинске одной из улиц Аэродромного поселка было присвоено имя Расковой (сегодня этой улицы нет – она исчезла под натиском новостроек).

После гибели Расковой, рапорты Агнии с просьбой направить ее в действующую авиачасть становятся все более настойчивыми и, наконец, увенчались успехом. Разрешение было получено 15 апреля 1943 года. А.А.Полянцеву направляют в учебно-тренировочный центр противовоздушной обороны, где она пробыла слушателем с конца мая по июль. И лишь затем была направлена в 586-й женский истребительный авиаполк...

Лев Толстой когда-то назвал войну исключительно мужским делом, противоестественным для женщины – продолжательницы рода. Отечественная война окончательно опрокинула эти представления. Во всяком случае, применительно к нашей армии.

И все же... Остаться на мужской войне женщиной – задача психологически очень сложная. Прежде чем говорить о подвигах полка, стоит посмотреть на несколько маленьких деталей.

В повести Зинаиды Ильиной «Комиссар Вера», вышедшей в Москве в 1981 году и выстроенной на основе воспоминаний участников событий, прежде всего заместителя командира полка по политической части Веры Тихо-

мировой, указывается, что Агнию, которую в полку сразу же «переименовали» в Аню, «вводила в строй» Анна Демченко.

«Первое время летала она в паре с Аней Демченко. Две Ани. Искрометная, порывистая Демченко, участница боев под Сталинградом, и серьезная, умеющая владеть собой Полянцева. Получилась прекрасная, слетанная пара – они удивительно дополняли друг друга».

«Искрометная» Демченко – нежно сказано. Сама Агния Алексеевна вспоминала, как состоялся их первый учебный бой:

«Взлетаем. Аня кроет меня отборным матом, так, что мембраны в шлемофонах звенят: «Держись, инженер, сейчас я тебе нашу академию покажу!»

Захожу ей в хвост, она не ожидала, растерялась и рассвирепела. Опять мат: «Куда лезешь, гвоздь тебе в дышло!» Я молчу. Покуролесили мы с ней в воздухе, я ей свой хвост так и не подставила. Приземляемся. Она похлопала меня по плечу и опять матом, но уже без злости: «Ничего, инженер, летать будешь».

– Аня, – говорю, – зачем вы так? Ведь вы же женщина!

Вот этим «вы» я ее и взяла. Все женское Аня травила в себе. Курила, материлась, юбку принципиально не признавала. А летчица великолепная! Многие ей подражали. Мы с Ольгой Ямщиковой (в будущем – командир эскадрильи, как и Агния) постарше были и обе инженеры. Сговорились, начали наводить порядок. Сперва брыкались девчонки, потом одна за другой начали брать нашу сторону. Мужицкая казарма стала выветриваться из наших землянок...»

Оставаться женщиной... Одной из летчиц 586-го полка, Зое Пожидаевой, – а девушки летали вровень с мужскими эскадрильями – както пришлось прикрывать советский самолет, у которого зенитным снарядом вывело из строя мотор. Летчик еле-еле дотянул до наших, перебравшись через линию фронта.

На следующий день Зоя заявила командиру, что на прикрытие бомбардировщиков больше не отправится:

– Я вчера его прикрывала. А он вместо «спасибо» ругался по радио...

Замполиту соседнего полка пришлось извиняться. Вскоре на аэродроме появился смущенный пилот:

– Да разве ж я мог подумать, что меня дивчина на истребителе прикрывает! Простите вы меня! Да я ж никогда в жизни больше ни одного ругательства не произнесу!

В июле 1943 года, когда армады фашистских самолетов рвались к Курску, где разворачивалось грандиозное танковое сражение, им навстречу поднялась целая эскадра. Агния Алексеевна рассказывала:

«Столько наших истребителей поднялось в небо, что было трудно разглядеть, кто с тобой рядом. А вражеская авиация давала один заход за другим – не прерываясь. Шли бои, ох и жарко было! А ведь наши-то соседи и не догадались, что с ними рядом девушки дрались за Родину!.. Значит, на равных!»

К слову, 586-й полк, как и два других, перестали быть целиком женскими, как это планировалось М.Расковой с самого начала. В 1943 году истребительный полк возглавил подполковник Александр Васильевич Гриднев. Зоя Ильина в книге «Комиссар Вера» дала ему исключительную характеристику:

«Гриднев – отличный психолог, и как мудро было его назначение в 586-й... Именно такой командир здесь и нужен: твердый в решениях, но умеющий без жесткости, вроде бы даже мягко, настоять на своем. К тому же решения Гриднев принимал быстро и, как показала жизнь, всегда правильно. Невероятно, но факт: на командира никто не обижался. Это у девушек-то, в сложнейших фронтовых условиях, когда ох как не до нежностей!»

А.В.Гриднев пройдет с девчатами весь путь до победного 1945 года, когда полк будет расформирован.

В душу Агнии Алексеевны запал не только Гриднев. Она с большим уважением вспоминала своего механика старшину Семена Григорьевича Низина, который до войны был пионервожатым в лагере для детей испанских революционеров.

«Удивительный это был человек! Всё умели делать его золотые руки. Он не ходил за инженером полка, не клянчил запасные части. В его бортовой сумке всегда было всё необходимое для ухода за самолетом; при перелетах на другой аэродром он пристраивал ее в фюзеляже самолета.

Одно время техсостав мучился из-за кранов выпуска щитков. Инженер полка приходил в эскадрилью и умолял:

– Одолжи кран, Семен, ведь я знаю, что у тебя есть...

Конечно, кран у Низина находился. Он не пропускал ни одной подбитой машины, с нее всегда можно было скрутить исправные детали...»

Кстати, Агния Алексеевна на всю жизнь запомнила «странное хобби» своего механика.

«В короткие минуты отдыха Семен уединялся и колдовал над какими-то тремя толстенными фолиантами. Что в них было, никто толком не знал. Однажды, уже в Венгрии, он не вытерпел: «Товарищ командир! Какую я марку сегодня выменял! Мечта моей жизни! Хотите – покажу?» Три альбома были заполнены почтовыми марками. Каких там только не было!..»

У него в Одессе оставалась невеста, которая ждала его долгие пять лет – сразу после Победы он женился, потом вырастил двух сыновей...

Сама Агния, прибыв в 586-й полк, словно попала в свою стихию.

«Агния Полянцева, красивая, сдержанная сибирячка, натура сильная, волевая... Пришла она в полк как раз во время базирования на Воронежском аэродроме, – рассказывает З.Ильина. – Пришла отнюдь не новичком. Давно окончила аэроклуб, потом – авиационный институт в Москве. За плечами работа летчиком-испытателем в отряде авиационной промышленности. Наконец, когда погнали немцев на запад и испытательный аэродром оказался в тылу, Полян-

цеву отпустили на фронт. Замполит, когда рассказывала ей Агния этот эпизод своей жизни, подметила скрытую в словах силу: «отпустили на фронт». Как будто отпуск в Крым, как будто – к маме на каникулы...»

«Полянцевой можно поручить самое трудное и в боевой, и в политической работе – сможет всё. И других поведет за собой; не словами, примером поведет.

Легко и естественно вошла Агния в боевой коллектив. К ней тянулись, с уважением прислушивались, ей старались подражать. И в самом деле, глядя на Агнию, Аню, как ласково называли ее девушки, невольно хотелось делать все так же спокойно и продуманно: так велики были ее выдержка и моральная сила».

Выдержка рождается из знаний и опыта. А.А.Полянцева была не просто истребителем – «МАИшное» доскональное знание техники помогли ей в инструкторской работе. Она и воевала, и обучала одновременно. Едва прибыв на аэродром в Воронеже, она оказалась в роли наставницы, терпеливо и строго воспитывавшей пополнение:

– Выжди, подойди к противнику ближе – прицельная стрельба с близкой дистанции вернее...

«Напряженная боевая работа, казалось, не утомляла Аню – так четко и умело справлялась она с заданиями, – пишет З.Ильина. – Но это не всё. Агния Полянцева обучила всё молодое поколение летчиц, прибывших в полк в Воронеже. А ведь это только сказать легко! Вернется с боевого задания и вместо отдыха – учебные полеты, стрельба по конусу... Отменных летчиц подготовила...»

«Послужной список» 586-го истребительного авиационного полка оказался внушительным:

«С момента формирования и до конца войны летчицы 586-го ИАП около 9000 раз поднимали в небо свои истребители. За этот период они находились в воздухе свыше 5300 часов. Из указанного количества вылетов, 4419 было произведено на выполнение боевых заданий командования. В том числе 1159 – на прикрытие военно-про-



А.А.Полянцева среди летчиков-испытателей.

мышленных объектов и патрулирование в их зоне, 337 – на перехват, встречу и преследование самолетов противника, 310 – на прикрытие боевых порядков наземных войск, 174 – на прикрытие наземных войск во время их передвижения по железным и шоссейно-грунтовым дорогам в местах сосредоточения, 49 – на сопровождение к цели наших штурмовиков и бомбардировщиков, 301 – на сопровождение особо важных самолетов к линии фронта, 16 – на разведку войск противника и 2073 – на выполнение других боевых заданий командования. Летчицы полка провели 125 воздушных боев и сбили 38 самолетов противника (в том числе: 11 разведчиков, 14 бомбардировщиков, 12 истребителей и 1 транспортный самолет) и 42 подбили».

География дислокаций тоже впечатляет. В феврале-сентябре 1943 года полк базировался на аэродроме Придача, что под Воронежем. Затем эскадрильи полка вели работу с аэродромов Касторное, Солнцево, Щигры, Курск-Восточный. После битвы на Курской дуге полк перебрался на киевский аэродром Жуляны. Затем, после Корсунь-Шевченковской операции, разместился на Житомирском аэродроме Скоморохи, где провел практически весь 1944 год. Потом будут аэродромы в Котовске и Бельцах, Дебрецен и Цинкота под Будапештом.

В послужном списке А.А.Полянцевой обозначено, что она с июля по сентябрь 1943 года прикрывала Воронеж и войска Степного фронта, с сентября по ноябрь 1943 года – железнодорожные станции и объекты района Курска, с ноября 1943 года по март 1944 года – важные военные объекты Киева и переправы через Днепр. В феврале – марте 1944 года участвовала в Корсунь-Шевченковской операции. С марта 1944 года прикрывала железнодорожные станции и объекты района Житомира.

Сохранилось немало воспоминаний о характере боевых задач, которые пришлось решать А.А.Полянцевой. Одна из ключевых – охрана стратегических объектов от налетов вражеской авиации. В хронике боевого пути полка было обозначено, что ни один из охраняемых объектов не пострадал. Главная задача – внести «раздрай», сумятицу в порядок немецких бомбардировщиков, помешать им выполнить боевую задачу.

Как это выглядело? Агния Алексеевна сама расскажет об одном из таких боев 1943 года в районе Воронежа и городка Лиски:

«Ранним утром весь полк, за исключением дежурных истребителей Тамары Памятных и Раи Сурначевской, вылетает на отражение массированного налета на Лиски. Завязывается ожесточенный воздушный бой. Вражеские бомбардировщики, не выдержав дружного натиска истребителей, беспорядочно сбрасывают бомбы

в поле и поспешно группами и в одиночку уходят. На земле догорают два сбитых «юнкерса». Полк без потерь возвращается домой...»

А дежурных истребителей нет на месте – они в воздухе. Оказалось, что на станцию Касторная идет большая группа немецких бомбардировщиков. Две летчицы, связавшись с командиром, докладывают, что видят самолеты противника, и «их – куча». А на станции – большое скопление советских эшелонов с войсками, боеприпасами, вооружением. Две девушки на «яках» идут в атаку, расстраивая немецкий «воздушный порядок»; за ними следом вылетает командир полка в сопровождении – и видит обломки самолета с красной звездой на белой плоскости...

Они выжили. Потом рассказали:

«Идем на высоте 4 тысячи метров. Впереди на юго-западе видим черные точки. В голове мелькнуло: «Птицы». Нет, идут слишком ровно, и высота большая... Солнце – сзади, можем подойти скрытно. Ясно видим ниже себя метров на шестьсот большую группу фашистских бомбардировщиков, идущих в четком строю... Десятки тяжелых машин, несущих тонны смертоносного груза, ощетинились во все стороны пулеметами. Еще несколько минут, и бомбы обрушатся на станцию. Мгновенно созревает план: использовать внезапность и преимущество в высоте, разбить группу, не дать ей отбомбиться прицельно».

Вот эти «прицелы» 586-й полк и сбивал – вместе с самолетами врага. В тот памятный день Тамара Памятных и Рая Сурначевская атаковали 42 немецких бомбардировщика, сбили четыре машины, остальных обратили в бегство. Ни одна бомба не упала на станцию Касторное...

В боях за Днепр летчицы 586-го полка повели себя, буквально, как львицы.

«Комэск Ямщикова повела восьмерку истребителей на перехват вражеских бомбардировщиков. Летчицы увидели большую группу самолетов на высоте четыре тысячи метров.

– Атакуем! – коротко приказала Ольга. И тотчас истребители ринулись на врага: Машенька Батракова, Агния Полянцева, Маша Кузнецова, Зоя Пожидаева, Оля Гвоздикова, Ира Олькова, Клава Панкратова. Они напали так внезапно, так мастерски вели бой, что растерявшиеся немцы, беспорядочно покидав бомбы, повернули назад, так и не подойдя к переправе.

Через несколько дней одна из центральных газет писала об этом бое: «8 летчиц 586-го истребительного женского авиаполка во главе с командиром эскадрилья О.Н.Ямщиковой вылетели на перехват большой группы немецких бомбардировщиков, направляющихся для удара по переправе на Днепре в районе Киева. Отважные летчицы атаковали врага, сбили 7 самолетов и сорвали план противника по разрушению переправы».

Вообще, о подвигах летчиц 586-го полка с первого дня его существования слагались целые легенды. Самой знаменитой была история с Лилией Литвяк, которую Агния Полянцева не застала, а потому слышала лишь в пересказах. Эта девушка под Сталинградом сбила одного из фашистских асов. Когда плененному фашистскому летчику, кавалеру рыцарского креста, показали, кто его сбил, он бросил свои награды к ногам этой хрупкой девчонки. По другой версии, он встал на колени, отдавая дань ее мужеству и героизму.

Подобную историю описывала в своей книге и З.Ильина:

«К КП подкатила машина, и из нее под конвоем вывели двух немецких летчиков большого роста. Один был ранен. Замполит поспешила к машине.

– Это ваш «трофей», – устало объяснил конвойный. – С «хенкеля», сбитого летчицей с вашего аэродрома. Пусть тут посидят, пока не придет за ними транспорт.

Еще ни разу не приходилось девушкам встречать вражеских летчиков со сбитых ими самолетов. Сейчас оба «завоевателя» сидели перед ними, недоуменно поглядывая на девушек, видно, полагая, что попали в санитарный батальон, тем более что военврач Бенгус оказала раненному немецкому летчику необходимую помощь.

В комнату заглянула невысокого роста, точно подросток, Зоя Пожидаева. Вот замполит и решила:

– А ну-ка проучим их!

У Зои на груди поблескивали награды. Замполит подвела летчицу к рыжему верзиле и спросила его: не хочет ли он узнать, кто сбил его самолет?

Фашистский летчик стал оглядываться по сторонам, уставился в проем открытой двери: в глазах его возникли одновременно страх и нетерпеливое любопытство. О маленькой белокурой девушке он и подумать не смел.

– Да вот же она, которая сбила ваш «хенкель»! – замполит подтолкнула вперед Зою.

И что тут стало с фашистом! Он замахал руками и завопил: «Найн! Найн!» Но как же весело, звонко смеялись над ним девчата!»

Основным советским самолетом-истребителем считался Як-3, но со временем появились еще Як-7 и Як-9. На них в основном и летали летчицы. Для уменьшения массы машины конструктор пожертвовал броней и вооружением, и это позволяло достичь более высоких летных характеристик. Самолет имел длину 8,5 метра и размах крыла 9,2 метра, его вес составлял лишь 2,6 тонны. Он имел максимальную скорость 650 километров в час. Экипаж состоял из одного человека. На вооружении «яка» были двадцатимиллиметровая пушка, установленная во втулке винта, и пулемет. Всего за войну было выпущено 37 тысяч «Яков».

Интересно отметить: инструкция Люфтваффе для летчиков, воевавших против советских войск, предписывала: «На высоте ниже пяти тысяч метров избегайте вступать в бой с истребителями «Як», не имеющими масляного радиатора под носовой частью». Так что побаивались фашисты этой машины.

И поделом! Впервые встретившись во время войны в небе с этим самолетом, пилоты Люфтваффе пришли в замешательство: советский истребитель не только не уступал их «Мессершмитту-109»,

но даже кое в чем их превосходил. Хотя, если честно, противника превосходила не столько техника, сколько мужество и беззаветный героизм людей, которые ей управляли.

Летчицам 586-го полка чаще всего приходилось иметь дело с бомбардировщиками противника. Основной «движущей силой» блицкрига в воздухе, обеспечивающей снабжение действующей армии, считался «Юнкерс-87», его еще называли «Штука». «Штуки» были тихоходами и были «лакомой добычей» для «ястребков». Также часто сбивали летчицы и Ю-52. Фашисты их называли «Тетушка Ю». Скорость у них также была невелика – порядка 300 километров в час.

Однако, когда наши девушки встречались в небе с «Фоккевульфом-190», бой шел на равных. Грозный истребитель, признанный лучшим немецким за войну, – «Фоккевульф –190», был прозван немцами «Фокка». Этот самолет имел почти те же характеристики, что и «Як». У него была максимальная скорость 650 километров в час, он был вооружен двумя 20-миллиметровыми пушками.

Еще одна из боевых задач – штурмовые удары по группировкам войск противника, в том числе в ходе Корсунь-Шевченковской операции. Об одном из них подробно рассказывала З.Ильина в книге «Комиссар Вера»:

«Штурмовой удар для истребителей – задание необычное, ответственное и трудное. Не всякий опытный летчик способен на быстроходном самолете нанести штурмовой удар. Даже воздушный бой для летчика-истребителя легче: освоены, приняты на вооружение и внезапность нападения, и смекалка, помноженная на опыт, помогающая применить единственную, самую верную для данного боя тактику...

В штурмовке внезапность нападения затрудняется из-за шума мотора при подходе к цели. Значит – встретит зенитный или пулеметный огонь противника, через который надо прорваться. Кроме того, жди нападения «мессеров». Да и многое другое...

Командир полка отобрал для участия в штурмовках летчиц: Агнию Полянцеву, Галину Бурдину, Раису Сурначевскую, Зою Пожидаеву, Анну Демченко, Ирину Олькову, Марию Кузнецову, Клавдию Панкратову, Тамару Памятных, Валентину Гвоздикову, Ольгу Шахову.

Летчицы отлично справились с поставленной задачей. Много раз мчались они с истребителями из других авиаполков... В течение всего трех недель войска 1-го и 2-го Украинских фронтов полностью разгромили крупную группировку врага».

Но самым ключевым боевым заданием для А.А.Полянцевой окажется с виду неприметное «сопровождение особо важных самолетов» – перемещение высших военных начальников к линии фронта, защита руководящего состава Красной армии. В числе ее «подзащитных» оказался и маршал Иван Степанович Конев, командующий Степным фронтом. Именно его усилиями, стратегическим мышлением полководца была выиграна Корсунь-Шевченковская операция, где впервые после Сталинграда советские войска окружили и разгромили крупную вражескую группировку.

Как происходило сопровождение таких самолетов, «в красках» описывает Зоя Ильина.

«Командир полка поставил задачу: будем сопровождать особо важный Ли-2 (лучший грузопассажирский самолет времен Великой Отечественной войны) к линии фронта. Вылет – по-зрячему: как только покажется Ли-2 – всем взлет. Маршрут не указан, известен только курс. Глядеть в оба!

Агния сидела в самолете и внимательно следила за небом. Погода для сопровождения сложная: низкая облачность тащила за собой хвосты дождя, потом порывистый ветер поднимал, гнал облака, но они снова упрямо наползали, заволакивая горизонт.

Наконец она увидела черные точки. Командир поднял руку, взревели моторы, и пара за парой истребители пристраиваются к особо важному...

Ли-2 низко идет над землей, на фоне леса и пестрых полян есть опасность потерять его из виду: виноват пестрый камуфляж, делающий контуры самолета неясными, размытыми. Скорость у Ли-2 небольшая, и, чтобы не выскочить вперед, приходится то правым, то левым отворотом чуть уходить и возвращаться. Глаза напряженно ощупывают небо: быстро вперед и в стороны – нет ли вражеских самолетов. Не заметить, когда «особо важный» изменит курс, оставить его без прикрытия – большей катастрофы, преступления и бесчестия просто невозможно вообразить!»

Тот полет завершился с накладками. У Агнии полезла вверх стрелка температуры масла – возникли свищи в трубах водяного охлаждения. Но важный «Ли» Полянцева не оставила – дотянула до того, как самолет командующего стал заходить на посадку. Сопровождавшему командиру полка Гридневу пришлось сложнее – его обстреляли из вражеских пулеметов. Пришлось остаться на ночь на другом аэродроме.

«А дома, на КП аэродрома Скоморохи, начальник штаба Макунина и замполит Тихомирова всю ночь в тревоге ждали сообщений: из четырех самолетов, вылетевших на сопровождение Ли-2, вернулись только два. Командир полка Гриднев и комэск Полянцева с задания не вернулись. «Только без паники, – говорила себе замполит. – И Гриднев, и Полянцева – опытные летчики, мужественные, находчивые люди. Надо ждать рассвета...»

Рано утром над аэродромом сделал плавный круг истребитель с номером 24 на борту. Самолет приземлился осторожно, прямотаки нежно. И тихонько зарулил на стоянку.

– Врача, – говорит Аня. – Командир ранен...

В одноместном истребителе комэск Полянцева привезла на родной аэродром командира полка!

– Пулеметная очередь угодила в мотор. Командир чудом остался жив, – спокойно доложила Полянцева, и тут же обратилась к механику с просьбой осмотреть винтомоторную группу в самолете...»

После Корсунь-Шевченковской операции 586-й полк переберется на аэродром Скоморохи под

Житомиром (Западная Украина), где проведет почти год. После этого полк участвовал в освобождении народов Болгарии, Венгрии, Молдавии, Югославии.

Новое место дислокации встретило истребительниц... мартовским снегопадом – взлетную полосу чистили, не переставая, а она все равно уходила в снег все глубже. На помощь пришло местное население. Но даже несмотря на непогоду, когда на старт выруливали наощупь, боевые вылеты продолжились.

Следующим станет аэродром Котовск, с которого будет дан старт еще одной сопроводительной операции, в которой участвовала А.А.Полянцева. Документов, подтверждающих ее слова об участии, найти не удалось. В операции было задействовано, как минимум, 15 истребителей сопровождения. Героем ее «важного самолета» был лидер югославских партизан и верховный главнокомандующий Народной освободительной армии Югославии Иосип Броз Тито.

«Этот полет готовился как самая настоящая секретная операция, – писал в книге об И.Б.Тито Е.В.Матонин. – Англичане и американцы понятия не имели, что идет подготовка к переброске Тито в Москву. Тито плохо переносил полеты, поэтому был разработан план короткого маршрута — через Адриатическое море, Югославию, линию фронта с посадкой в румынском городе Крайова. Хотя полет предстоял рискованный, Тито на него согласился.

19 сентября 1944 года два советских транспортных самолета Си-47 вылетели из Бари и сели на острове Вис. За несколько минут до взлета появился Тито. Полет прошел без приключений. Когда стало известно об этом полете, Черчилль сказал: «Тито сбежал». Этот внезапный отъезд оскорбил британца. Тем не менее, 21 сентября Тито был уже в Москве. Его принял лично Сталин – это была их первая встреча».

Итогом тех осенних дней 1944 года стала тщательно подготовленная операция по освобождению столицы Югославии Белграда, которая началась практически сразу же после встречи в Москве – уже 28 сентября...

Участие в той операции сопровождения лишь подтвердило высокий статус А.А.Полянцевой как опытного боевого летчика-истребителя. «Полет прошел без приключений» – именно в этом и заключалась суть выполнения боевой задачи.

Еще накануне операции в Москву ушло представление к награждению А.А.Полянцевой орденом Красной Звезды:

«Имеет 46 боевых вылетов, из них: участвовала в сопровождении особо важных вылетов самолета Ли-2 – 13 вылетов; на прикрытии передвижения наземных войск по железной дороге – 16 вылетов. Все боевые задания выполняла только на «отлично», за что имеет ряд благодарностей. Настойчиво изучает опыт Отечественной войны и умело применяет его в практической работе. Как офицер служит примером для всего летного состава полка. Пользуется заслуженным авторитетом среди летного состава».

Представление подписал подполковник Гриднев. Дата представления: 29 августа 1944 года. Интересно то, что генерал-лейтенант Король, от которого на представлении должна была стоять виза, внес поправку к тому, что написал комполка: «Достойна правительственной награды – ордена Отечественной войны первой степени», снизив таких образом значимость награды. Ниже указана дата: 2 сентября 1944 года.

И вот реакция на это: лейтенанта А.А.Полянцеву наградили орденом Отечественной войны, правда, второй степени, то есть на две ступени ниже, чем первоначально планировалось. Приказ был подписан 11 сентября того же года. Много позднее Агния Алексеевна скажет в шутку, что ей не слишком везло на награды...

В Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации хранится учетная карточка офицера А.А.Полянцевой, где подытожен ее боевой путь. Агния Алексеевна прибыла в свой полк в июле 1943 года, в феврале следующего стала старшим летчиком, в сентябре 1944-го – заместителем командира эскадрильи, в апреле 1945-го – командиром эскадрильи. Была уволена в запас в сентябре 1945 года.

Последним местом дислокации 586-го женского истребительного авиаполка стал аэродром близ старинного румынского города Яссы...

С сентября у А.А.Полянцевой, теперь уже лейтенанта запаса, начинается мирная жизнь. В личном деле есть запись, что с февраля 1946 года по май 1946 года она являлась летчиком летного отряда 6-го главного управления Министерства авиационной промышленности СССР. С этим управлением она напрямую была связана с первых дней войны – это бывшее Главное ремонтное управление наркомата.

Как видим, после войны работала она там недолго – четыре месяца. В том же году управление было ликвидировано. Вряд ли Агния Алексеевна расстроилась из-за этого: обкатка самолетов после ремонта – это пройденный этап, вчерашний день ее жизни. Она переходит на производственную площадку, ближе к новым самолетам – с мая 1946 года по февраль 1953 года она является летчиком-испытателем завода № 464 МАП СССР.

Сразу после войны этот завод, располагавшийся в небольшом городке Долгопрудный на северной окраине Москвы, был закреплен за конструкторским бюро А.С.Яковлева. Генерал-полковник, дважды Герой Социалистического Труда, восемь раз (!) удостоенный Государственной премии, Александр Сергеевич Яковлев, безусловно, был «царь и бог» на вверенном ему заводе. Требования к испытателям были чрезвычайно высокими.

Перед тем как поступить на фронтовой аэродром, за 20–30 минут полета испытатель должен был проверить скорость и маневренность машины, проверить ее на фигуры высшего пилотажа, убедиться в прочности, надежности и быстроходности. А еще до этого производился отстрел оружия.

Да, мы не сказали и еще об одних, самых, пожалуй, ответственных испытаниях боевых машин, в частности истребителей, прежде чем их запускали в серию. Это испытание в боевых условиях, в условиях ведущейся войны. Летчики-испытатели как бы проводили показательные бои, штурмовку, полеты на расстояние и т.п. В результате окончательно производилась «доводка» машины, окончательное устранение дефектов.

Мнение опытных, да еще боевых летчиков, а Агния Полянцева была таковой, было в особой цене у конструкторов. Тем не менее, она оставалась словно «во втором эшелоне» испытателей. Первые испытания проводил летчик Федор Леонтьевич Абрамов – с 1945 года он посвятит ОКБ Яковлева четыре десятилетия своей жизни. Вторым летчиком у него был Ростислав Фабиевич Фарих – сын известного полярного летчика Ф.Б.Фариха, также много лет проработавший летчиком-испытателем завода № 464.

После войны А.С.Яковлева преследовали неудачи. Первая была связана с новым легкомоторным самолетом Як-12, предназначенным для использования в качестве связного и санитарного самолета. Как указывает Н.Якубович в книге «Неизвестный Яковлев», в 1948 году Як-12 запустили в серию, хотя он не отвечал требованиям военных по взлетно-посадочным характеристикам.

В сентябре 1951 года во время отдыха на Кавказе Сталин решил проверить, как выполнили его поручение по созданию самолета, способного садиться на любой лужайке. Рядом с дачей, находившейся в глубокой лощине в горах, он отмерил шагами 50 метров и приказал, чтобы ему доставили почту на Як-12. Но пилот это задание не смог выполнить, поскольку к импровизированной взлетно-посадочной полосе невозможно было подойти. Почту доставили Сталину вертолетом Ми-1. Положение с Як-12 после этого усложнилось еще и тем, что в тот же день в Московском военном округе при взлете потерпел аварию Як-12 с двумя генералами на борту из-за грубого нарушения пилотом летной дисциплины. Яковлева вызвали на заседание Президиума Совета Министров и обвинили в обмане правительства. Производство самолета Як-12 свернули.

Вторым «проблемным» самолетом стал грузопассажирский двухмоторный Як-16, из-за схожести с американским «Дугласом» прозванный «Дугласенок-2». В машине много было интересных конструкторских решений, которые делали машину надежной и устойчивой в эксплуатации, позволяя проводить полет даже на одном двигателе. Тем не менее, количество недостатков сыграло свою роль – Як-16 так и остался в разряде «опытных образцов».

Агния Алексеевна рассказывала своим близким, что из-за одной из этих машин и нашла коса на камень с всесильным А.С.Яковлевым. После очередных испытаний, которые шли одно за другим, она наотрез отказалась подписывать акт о приемке самолета – машина была не доведена до ума, имела ряд отклонений от заявленных параметров. Но деньги на производство новой модели заводом и ОКБ были получены и потрачены.

А.С.Яковлев буквально вспыхнул, закипел от негодования:

– Я тебя в «лагерном раю» сгноблю! Уберите эту дуру, куда подальше! Чтоб ноги ее здесь не было!..

Между тем, ее замечания принял – позднее они были учтены в модернизированных моделях. И «гнобить» ее не стал – напротив, «отводя от себя подальше», помог ей устроить жизнь за периметром завода. В январе 1953 года, еще находясь в составе заводского летного отряда, 44-летняя Агния Алексеевна стала персональным пенсионером союзного значения, что являлось в СССР почетным званием, которые получали при выходе на пенсию наиболее заслуженные, внесшие большой вклад в свою профессию...

В 1960-х годах, когда страна «отошла» от войны, залечила раны, восстановила хозяйство, совершила невероятные прорывы в атомных технологиях, а главное – покорила космос, поколением фронтовиков начинается осмысление Великой Отечественной войны. Она словно прокручивается, «проживается» во второй раз: прежде всего, в литературе и публицистике, а затем и в кинематографе. В 1974 году на экраны вышел легендарный фильм Леонида Быкова «В бой идут одни «старики», став воистину народным и одним из лучших фильмов о войне. Роль капитана из женской эскадрильи По-2 сыграла актриса Ольга Матешко, удивительно похожая на Агнию Полянцеву. В 1981 году на экраны вышел фильм режиссера Евгения Жигуленко «В небе «ночные ведьмы», где прообразом героинь стали девушки-летчицы из авиаполков, созданных Мариной Расковой.

Тогда же, в годы «хрущевской оттепели», начинается большая работа по увековечиванию памяти о героях Великой Отечественной войны. В 1965 году состоялись первые официальные торжества по случаю Дня Победы. В родном для Полянцевых Челябинске даже был заложен сквер в честь 20-летия Победы – на улице Воровского близ медицинской академии.

В 1971 году в издательстве «Молодая гвардия» в Москве вышел в свет сборник воспоминаний советских летчиц-участниц Великой Отечественной войны. Тираж книги – сто тысяч экземпляров – говорил о том, какое придавалось тогда этому изданию значение в деле военно-патриотического воспитания молодежи. Причем это было уже второе издание, первое быстро разошлось.

Готовя рукопись, бывшие боевые летчицы, в том числе и Агния Полянцева, провели встречи со своими подругами-однополчанами. Можно сказать, что она выступила как редактор этой книги. В книге было три раздела, каждый составлен из материалов летчиц конкретного полка. Агния Алексеевна Полянцева взяла на себя труд собрать и подготовить к печати материалы однополчанок из 586-го истребительного.

История полка была предметом ее постоянной заботы еще по одной причине. Полку так и не было

присвоено звание гвардейского, хотя еще в 1943 году 586-й полк среди частей корпуса вышел на первое место, опередив гвардейские подразделения. Было и соответствующее представление, так и оставшееся под сукном. Собирая документы по истории полка и воспоминания летчиц, Агния Алексеевна надеялась, что этот большой альбом, который ныне хранится в Центральном музее вооруженных сил в Москве, поможет решить и этот вопрос.

В те годы она тесно работала с ответственным секретарем Совета ветеранов, легендарным летчиком, Героем Советского Союза Алексеем Петровичем Маресьевым. Их связывала искренняя и теплая дружба. Они, кстати, воевали на одном фронте. Имя истребителя Алексея Маресьева стало известно всей стране после выхода книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Он стал первым советским летчиком, кто летал, не имея ног. Агния уговорила А.П.Маресьева написать предисловие к сборнику, и он нашел для этого случая нешаблонные слова:

«Жили-были девчонки... Московские, калужские, сибирские и уральские... Смешливые и серьезные, бойкие и застенчивые... Почти взрослые, почти самостоятельные, они мечтали о большой, яркой, интересной жизни, готовились стать инженерами и артистами, учить детей и строить заводы, путешествовать и выводить новые сорта пшеницы. Но пришел час испытаний – на родную землю ступил враг. В лихую годину мать-Родина позвала их – и они надели солдатские шинели, стали санитарами, строителями укреплений, зенитчицами, связистами, летчицами.

Так стали воздушными бойцами и авторы этой книги. На истребителях и бомбардировщиках они, ни в чем не уступая мужчинам, громили врага. И оказалось, что у советских девушек железный характер, твердая рука, меткий глаз.

Эта книга – еще одна скромная дань уважения погибшим героям: Лиле Литвяк, Кате Будановой, Рае Беляевой, Любе Губиной, Ане Язовской, Лене Пономаревой и многим другим.

Эта книга, как эстафета, передаваемая старшими поколениями младшим, учит любить Родину.

Прошли годы... Другие девчонки, вступая в жизнь, мечтают теперь о своем будущем... Ради их счастья отдавали свои молодые жизни их ровесницы. Ради того, чтобы больше не повторились ужасы войны...»

Комитет ветеранов Великой Отечественной войны – последнее место работы Агнии Алексеевны Полянцевой. Здесь она занимала должность заместителя председателя комиссии по международным связям. Теперь рядом с нею работали известные всей стране Герои Советского Союза.

В справке об А.А.Полянцевой журналист Аркадий Кривошеин указывал:

«А.А.Полянцева активно участвовала в работе парторганизации Московского Дома авиации и космонавтики, являлась лектором общества «Знание». Организовывала шефскую военно-патриотическую работу в школах Москвы, Саратова, Челябинска. При создании Советского комитета ветеранов войны (СКВВ) активно работала в комиссиях по пропаганде и международной женской комиссии. В составе делегаций СКВВ неоднократно выезжала в воинские части Сибири и Дальнего востока. В качестве руководителя международной комиссии несколько раз выезжала в Болгарию и Югославию. Вылетала в Китай вместе с двумя представителями – перегоняли боевые машины в качестве дара и на них обучали китайских гражданских летчиков. Агния Алексеевна имеет 11 правительственных наград, почетные знаки и грамоты зарубежных стран».

Кстати, в Челябинске она действительно бывала неоднократно. И не только потому, что здесь жила родня. С любовью и уважением принимали ее курсанты и офицеры Челябинского высшего военного авиационного краснознаменного училища штурманов. Она выступала в этом училище, делилась ценным фронтовым опытом.

Было и еще одно место, которое в Челябинске она не могла обойти – средняя школа № 103, что в Металлургическом районе, рядом с детским парком им. О.Тищенко и сквером Победы с Вечным огнем. Школьная пионерская дружина носила имя 586-го женского истребительного полка. При помощи Агнии Алексеевны здесь был создан музей, в котором представлены переданные ею материалы.

Агния Алексеевна Полянцева ушла из жизни 24 сентября 1988 года в возрасте 79 лет и была похоронена на Ваганьковском кладбище. Проводить ее в последний путь пришло много народу – и те, с кем она была на фронте, дружила, и с те, с кем вместе работала в Комитете ветеранов войны...

Интересны два адреса А.А.Полянцевой. Первое место жительства значится в ее учетных карточках, представлении о награждении времен Великой Отечественной войны: город Челябинск, плановый поселок завода Орджоникидзе, ул. Гомельская, д. 3/5. Поселок строился самстроем – здесь было несчетное количество маленьких одноэтажных домов. Этот адрес – ближе к старому тихому монастырскому саду, «Плодушке», как его называют. Старый дом, который к тому же был многоквартирным, не сохранился.

Зато остался второй адрес – московский: Волоколамское шоссе, д. 6. Как рассказывает ее племянник О.Г.Полянцев, квартира была небольшая и очень неудобная: две смежные комнаты. Здесь А.А.Полянцева жила с мужем Александром Дмитриевичем Лихановым и единственным сыном Александром. Муж Агнии Алексеевны работал заместителем начальника Главного управления строительства вузов Министерства высшего образования, детей у сына Александра не было. За окнами этого большого десятиэтажного кирпичного дома, построенного в 1959 году, вовсю кипела жизнь – машины с Волоколамки спешили слиться с Ленинградкой в одном большом проспекте, а прямо под окнами бурлила студенческая жизнь ставшего родным Московского авиационного института...

ЗНАМЕНИТАЯ «КАТЮША» – ЕГО РУК ДЕЛО

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...

Эти знаменитые строки Федора Тютчева могли бы лучше всего представить судьбу Сергея Алексеевича, старшего из трех сыновей трагически погибшего А.З.Полянцева.

Незаурядный, яркий человек, который, получив в годы сталинских репрессий клеймо сына «врага народа», тем не менее, остался директором одного из крупных челябинских предприятий, во всяком случае, старейшего в городе, да еще получившего задание: выпускать секретнейшее оружие – это многого стоит. Знаменитая «Катюша», крушившая врагов на фронтах Великой Отечественной войны, – и его рук дело.

Он, как говорится, ходил по лезвию, но не совершил ни единой серьезной ошибки, не покривил душой. Сам Лаврентий Павлович Берия, всесильный руководитель НКВД, предупреждал Сергея Алексеевича: не выполнишь сложнейшего задания, не дашь «катюши», – и тебя постигнет участь отца. Он справился, и по представлению того же Берии был награжден орденом Ленина...

Сергей Алексеевич Полянцев родился 29 ноября 1902 года на разъезде Алакуль Омской железной дороги. Разъезд – небольшой, недалеко от Челябинска в сторону Кургана. О его детстве можно утвердительно сказать лишь одно – оно прошло под стук колес. Отец Алексей Захарович, будучи железнодорожником, часто переезжал с места на место, а вместе с ним кочевала и семья.



Сергей Алексеевич Полянцев.

По этой же причине неясно, когда и где он получил начальное и среднее образование. Скорее всего, завершал он «школьное обучение» в Мариинске, что в Кузбассе, недалеко от Кемерово. В марте 1918 года 16-летний юноша начал свой трудовой путь – отец устроил Сергея на железную дорогу техническим конторщиком на станции Анжеро-Судженск, о чем есть запись в его трудовом списке.

Будет еще несколько записей начала 1920-х годов – коммерческий конторщик на станции Мариинск, дежурный наладчик кондукторских бригад...

Это не могло продолжаться долго. Отец Алексей Захарович, прошедший свой трудовой путь самоучкой, целиком сотканный из рабочего опыта, вряд ли желал своему сыну, равно как и другим детям, такой же участи. Он понимал, что в наступившем XX веке одного опыта мало, и для успеха в жизни нужно учиться. Потому и поставил своей целью дать всем детям наилучшее образование, несмотря на существенные расходы, которые ему пришлось нести. К тому же молодая Страна Советов, буквально жившая культом грамотности и знаний и предоставившая самым разным сословиям невиданные до того времени «социальные лифты», давала возможность выбиться в люди своим умом.

Сергей решает продолжить учебу уже в вузе. Технический склад ума очерчивал возможные специальности. Конечно, можно было отправиться в столицы: в Москву, Ленинград, еще куда-нибудь за три тысячи верст, рискуя, в случае неудачи на экзаменах, вернуться ни с чем или затеряться там. В итоге он выбрал Томский (Сибирский) технологический институт, основанный еще в 1896 году как институт практических инженеров – первый и долгое время единственный технический вуз за Уралом.

Были и житейские причины – семья, пусть и колесившая по Транссибу, все же была в «ближайшей доступности». Стоит думать, что к такому решению подталкивали и примеры друзей Сергея – сибиряков, уральцев – которые учились в Томске. Как минимум, здесь было больше знакомых и устоявшихся связей. Последние, скорее всего, были и у Алексея Захаровича, которому учеба сына в Томске тоже оказалась удобна – на душе спокойнее...

Город с четырехвековой историей на старом Московско-Сибирском тракте, выросший из острога на высоком берегу реки Томь, притока Оби, и украшенный деревянной резьбой, Томск не был «научным захолустьем» – здесь еще в 1888 году был основан классический университет, и город сразу получил негласное название: «Сибирские Афины». К становлению технологического института, особенно в части химического факультета, приложил руку Д.И.Менделеев. В Томске были собраны самые сильные преподаватели на просторах «Русской Азии». Можно сказать, что это был классический университетский город, по своей силе и красоте не уступавший европейским образовательным центрам.

В середине 1920-х годов Сергей Полянцев окунулся с головой в стихию знаний. Об этом свидетельствует запись в дипломе: «прослушав курсы и выполнив практические работы по 48 дисциплинам...» – без малого полсотни технических направлений, в которые нужно было погрузиться! Это же говорит о степени интенсивности занятий.

В 1930 году С.А.Полянцев окончил технологический институт, став инженером-механиком, и был направлен – скорее всего, по своей просьбе – на Урал, в Челябинск. Его первая должность, согласно трудовому списку, – «сменный инженер» на Челябинском заводе сельскохозяйственного машиностроения им. Д.Колющенко.

Вот только вряд ли этот завод был пределом его мечтаний...

«Плужный завод» в Челябинске был открыт еще в 1900 году и принадлежал бельгийской фирме «Столль и Компания». Говорят, что владелец даже не удосужился хотя бы взглянуть на него. На предприятии трудилось около 200 рабочих и 35 служащих (а в Челябинске в то время проживало 35 тысяч человек). Здесь делали однолемешные конные плуги, потом к ним добавились молотилки и сепараторы. Продукция у местных купцов и нарождавшихся, согласно столыпинской реформе, крепких хозяев пользовалась спросом. Для «инвесторов» этого было вполне достаточно.

«Заводишко вообще-то был плохой, цеха словно камеры, закопченные, темные, тесные. Стоило рабочему заикнуться об улучшении условий труда – попал в черный список. Сунулись мы как-то к управляющему попросить кусок мыла для мытья рук. Вытолкал взашей: Бунтовщики! Крамольники!» – так вспоминал о нем один из челябинских старожилов К.Мещеряков. Условия труда – вернее: пренебрежение какими-либо условиями – очень быстро привели к тому, что на заводе сложилась революционная ячейка во главе с токарем Дмитрием Колющенко, имя которого при советской власти будет посмертно присвоено заводу. Естественно, в годы революции и гражданской войны рабочие завода показали себя активными сторонниками нового строя.

Впрочем, для нас важен другой аспект – завод «Столль и К°» был стандартным старопромышленным предприятием, каких было немало на Урале и в России. Стандартным, небольшим, устаревшим, из «прошлого века».

Именно таким его, стоит думать, и воспринял молодой инженер Сергей Полянцев. Именно так завод и выглядел на завораживающем фоне масштабного индустриального строительства, которое развернулось в Челябинске. Там, на ЧГРЭС и ЧТЗ, по-настоящему кипела жизнь и бурлила техническая мысль, а здесь...

Но впечатление – это одно. На самом деле продукция завода была достаточно востребована. К тому же завод переходил на новую линейку механизмов, то есть старался успевать за технологическим прогрессом – требовалось комплектовать тракторы ЧТЗ необходимым навесным оборудованием. Производственных проблем, требовавших решений, тоже было немало.

«Нас мучают простои, они съедают ценное рабочее время, снижают нашу производительность, – рабочие писали жалобы на руководство завода. – Простои из-за отсутствия металла вошли у нас в систему. Но руководители ничего не делают, чтобы упорядочить снабжение...»

Дело не только в снабжении. Суть в том, что старопромышленные предприятия оказались словно на обочине индустриализации – а значит, в стороне от капиталовложений в развитие производства. В пылу грандиозных промышленных строек на них попросту не хватало денег.

В архивных фондах сохранились первые технические отчеты С.А.Полянцева на посту директора и протоколы заседаний парткома завода. Датированные 1937–38 годом, они, прежде всего, представляли собой ретроспективу той индустриальной пятилетки, которая обошла завод им. Колющенко стороной и технологически оставила его в «бельгийских обносках».

«На капитальный ремонт оборудования средства не отпускались, и заводом на эту статью средства выделять не разрешали. Отсутствие капитальных ремонтов привело к тому, что оборудование было сильно изношено...

Новый сталелитейный цех начал строиться в 1931 году и до сих пор не сдан в эксплуатацию. 1,5 млн рублей были вложены, а на окончание требовалось 400 тысяч рублей – их не отпускали в течение 6 лет...»

Завод буквально «терялся» на глазах у молодого инженера. В 1932 году, вскоре после устройства на завод, С.А.Полянцев вступил в большевистскую партию. С этого момента начинается его карьерный рост. Он становится начальником цеха, четыре года спустя – главным механиком, затем – главным инженером завода. В 35 лет Сергей Алексеевич будет назначен директором завода.

Есть как минимум две причины такого стремительного продвижения. Первая – это переход профессиональных кадров на строящиеся заводы-гиганты. С этим оттоком столкнулись практически все старопромышленные предприятия. Одних специалистов переводили по партийным разнарядкам, другие уходили сами – и не столько за более высокой зарплатой. На новых предприятиях была перспектива роста, своего рода профессиональный азарт. Там вообще было веселее. На индустриальной волне в Челябинск прибывала масса нового народу – за годы индустриальных пятилеток население выросло более чем в два раза: со 117 тысяч человек в 1931 году до 270 тысяч человек в 1939 году.

Естественно, людей манила не «старая Челяба». При том же ЧТЗ, ЧГРЭС или заводе Серго Орджоникидзе активно шло социальное строительство, вводилось новое жилье, появлялись клубы, магазины и остальной соцкультбыт. А заводу им. Колющенко в вопросах капитального строительства пришлось довольствоваться дощатыми бараками и криминальному соседству с привокзальными поселками: Колупаевкой, Грабиловкой, Николаевкой – в районе нынешних улиц Овчинникова, Доватора и Троицкого тракта.

С.А.Полянцев в конспекте к докладу директора о работе завода в 1937 году указывал, что текучка кадров на его «сельхозмашзаводе» была колоссальной. В 1937 году, к примеру, на завод было принято две с половиной тысячи человек – и столько же уволилось. В качестве причины увольнения в половине случаев значилось: «по собственному желанию». В итоге – работать было не с кем...

Вторая причина тоже лежала на поверхности. Если успехи индустриализации вдохновляли, то ее неудачи заставляли искать

врагов народа, вредителей и, не притупляя классовой бдительности, расправляться с ними со всем революционным фанатизмом. Наряду с сообщениями об успехах газеты тех лет пестрели заголовками: «Узколобый делец на посту директора», «На ЧТЗ орудует банда заклятых врагов», «Вредительство на ЧГРЭС», «Враг на почте»...

В архивных делах парткома завода им. Колющенко нам попалась пухлая папка с письмами-доносами, которые переслали сюда сотрудники НКВД. Например, некто Мартынов информировал, что в механосборочном цехе работает Яков Вальтер, обрусевший немец, а его родной брат, по слухам, «арестован за связь с гестапо». Это было похоже на умопомешательство! Стоит ли удивляться, что «под прицелом» доносчиков в первую очередь оказывались руководящие кадры.

Судьба «врагов народа» постигла и предшественников С.А.Полянцева на посту директора. Один из них был признан саботажником, снят и арестован. Назначили другого, но вскоре и его обвинили в том, что он груб с подчиненными, окружил себя подхалимами, да и до молодых женщин падок. Вдобавок директоров постоянно обвиняли в плохих условиях труда на заводе, неблагоустроенной территории, и практически на каждом совещании в горкоме партии они становились «мальчиками для битья».

После очередной смены руководства, исполнять обязанности директора завода было поручено С.А.Полянцеву.

Он вступил в должность 9 ноября 1937 года – незадолго до ареста отца...

Алексея Захаровича арестовали в январе 1938 года. Согласно принятым правилам, Сергей Алексеевич в письменном виде должен был известить о произошедшем секретаря парткома, а общезаводское партийное собрание – решить судьбу сына «врага народа». Это собрание состоялось 16 февраля 1938 года. Можно представить себе, какой стресс пережил в тот день Сергей Алексеевич – буквально прошел по канату над пропастью.

Сохранилась стенограмма этого собрания (ГАЧО, ф. 125, оп. 1, д. 85, с. 10–12). Коммунисты завода задали своему директору несколько вопросов: как относился его отец к советской власти, был ли он эсером, не был ли он замешан в крушении поездов?

Ответы были такие: советскую власть одобрял, как и все. Два раза был на эсеровских собраниях, но в партию их не вступал. И, наконец, поездов под откос не пускал. А вот непорядки на ЮУЖД критиковал. Даже побывал на приеме у своего наркома Лазаря Кагановича в Москве и высказал свои претензии к начальнику ЮУЖД Князеву.

Участники партсобрания, судя по всему, сочувствовали только что назначенному директору, но и понимали, что без его «проработки» обойтись нельзя – не так поймут. В стенограмме записаны реплики:

«ДАНИЛОВ: Я знаю Полянцева восемь лет на заводе. Он всегда и во всем мне помогал. Жалко, что он притупил бдительность.

КОСМАЧЕВ: Тов. Полянцев, работая на заводе, установил дисциплину. Поскольку он притупил бдительность, то заслуживает наказания.

САДЫКОВ: Как это можно всего не знать об отце? А вообще-то Полянцев работает хорошо.

КУДИНОВ: Хотя его отец враг, у нас нет оснований в чем-то обвинять самого Полянцева. Он очень занят производством. Отец всё скрыл от него...»

В конце собрания слово еще раз дали Сергею Алексеевичу. Ничего нового он не сказал. Так что собравшиеся приняли нижеследующее решение:

«ПОСТАНОВИЛИ: Решение парткома утвердить. Полянцеву Сергею Алексеевичу, члену ВКП(б) с 1932 года, партбилет № 0222620, рождения 1902 года, социальное положение – служащий, партвзысканий имеет – «на вид» – вынесенное партсобранием за плохое руководство работой спеццеха 16 декабря, по образованию – инженер, в настоящее время работает директором завода им. Колющенко, отец Полянцева арестован органами НКВД. Полянцев все время жил с отцом, допустил к нему политическую слепоту и не сумел разоблачить его. За притупление политической бдительности к своему отцу, арестованному органами НКВД, Полянцеву С.А. объявить выговор с занесением в личное дело...»

Итак, Сергей Алексеевич получил «выговор с занесением», но главное – остался на посту. В автобиографии отметит, что в 1939 году выговор был снят. Для этого было несколько важных причин.

Сергею Алексеевичу повезло в том, что именно в это время стали ослабевать репрессии в стране. Сталин и его окружение, видимо, поняли, что так дальше нельзя. На горизонте уже сгущались тучи. Германия принялась осуществлять свои зловещие замыслы. О том же подумывала на востоке Япония.

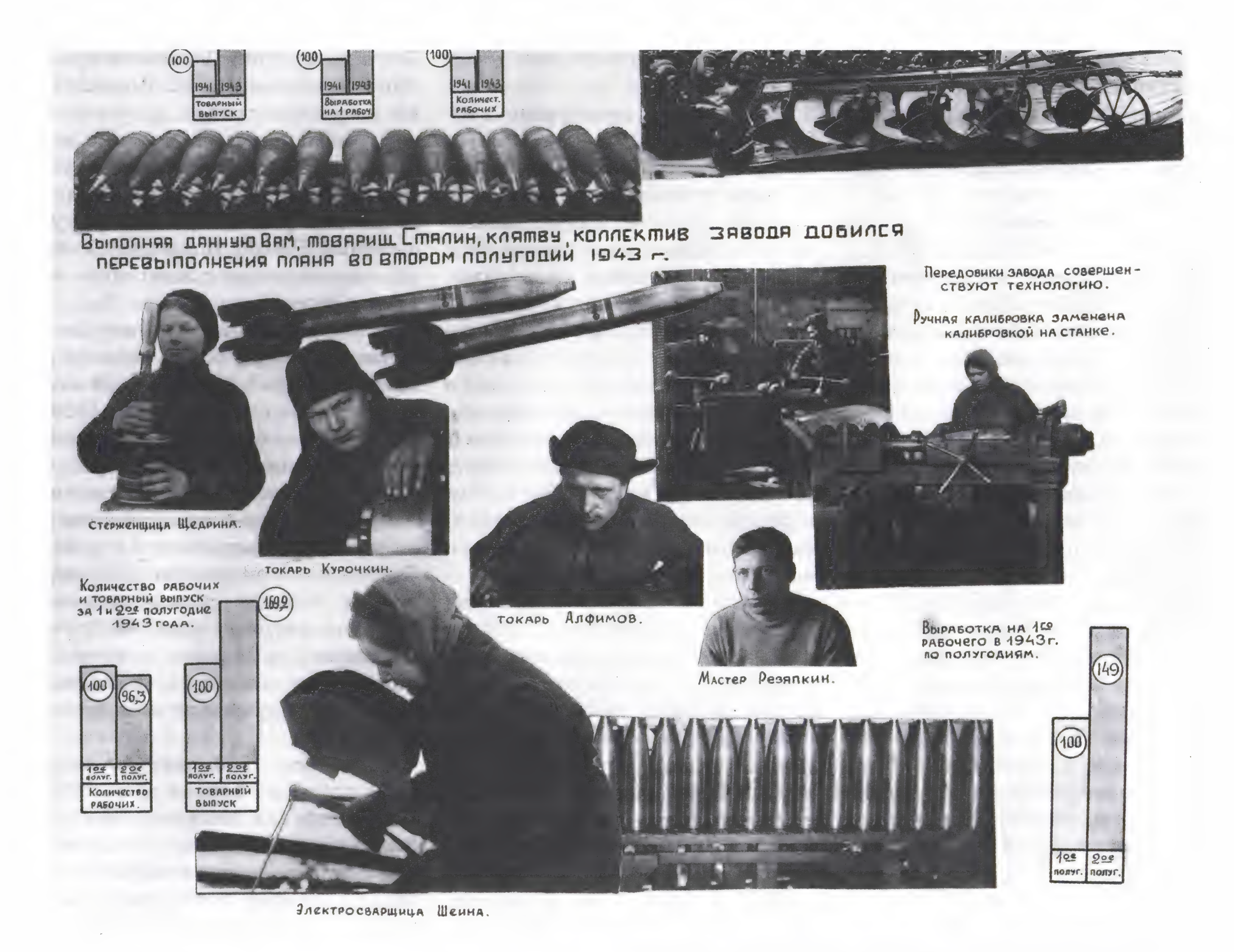
9 января 1938 года из Москвы приходит добрая весть: ЦК ВКП(б) принял постановление «О фактах неправильного увольнения с работы родственников лиц, арестованных за контрреволюционные преступления». Пять дней спустя – 14 января – состоялся пленум ЦК, на котором принято еще одно важное постановление: «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». На пленуме впервые прозвучала критика «ежовщины», а выступающие как один призвали «не обвинять людей огульно, отличать ошибающихся от вредителей».

Можно предположить, что, ознакомившись с этими сообщениями в парторганизации завода им. Колющенко облегченно вздохнули: они с директором поступили правильно.

Другая, на наш взгляд, более важная причина была не столь на виду...

В конспекте доклада директора С.А.Полянцев указывал объемы выпуска продукции в 1938 году:

«Плуги тракторные – 9880 т.р.



Из музейного альбома Челябинского завода им. Колющенко. Завод в годы Великой Отечественной войны.

Культиваторы штанговые – 264 т.р.

Сцепки плужные – 120 т.р.

Запчасти – 4345 т.р.

Прочая продукция – 10000 т.р.»

Стоит обратить внимание, что в производственной программе завода им. Колющенко больше трети (!) объемов занимает «прочая продукция», которую Сергей Алексеевич никак не расшифровывает. Он и не мог этого сделать, так как она относилась не к сельскохозяйственному, а к военному ведомству.

«Желаешь мира – готовься к войне». Эта старая поговорка накануне Второй мировой войны находилась под грифом «секретно», поскольку совершенно не отвечала тезису о внезапности и вероломности нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Между тем, войну всё же ждали, к ней готовились. Подготовка началась гораздо раньше и касалась крупнейших промышленных объектов области. Старый промышленный Урал был оставлен как бы «про запас» в виде стратегической площадки для мобильного развертывания военного производства – это доказывает карта оборонных предприятий того времени. Несмотря на отсутствие циркулярных документов, сегодня почти не приходится сомневаться в том, что многие из площадок подготавливались заранее по специальным распоряжениям и, скорее всего, под конкретные предприятия приграничной зоны (иными словами, к примеру, Брянский завод «знал», куда поедет в случае войны).

За подготовку таких площадок должен был кто-то отвечать – персонально. Следует думать, что эти имена были на контроле у Л.Берии, и с некоторыми людьми он встречался лично – либо в Москве, либо во время выездных совещаний. В том числе и с С.А.Полянцевым...

Кстати, доклад С.А.Полянцева 1938 года наглядно отражает «мобилизационную тенденцию» тех лет. Когда дыхание предстоящей войны стало пронизывающим, возросли объемы оборонной промышленности – к концу 1930-х годов ее доля в валовом доходе составила ту самую треть.

Сегодня можно установить характер «гособоронзаказа» для завода им. Колющенко к началу войны – это было производство авиабомб и морских глубинных бомб. Когда завод перейдет на выпуск «катюш», С.А.Полянцеву с невероятным трудом удастся снять эту «обузу» – через наркоматы исключить из производственной программы завода бомбы как непрофильную продукцию и сосредоточиться на главном: легендарных реактивных установках.

А пока завод жил мирной жиз-

нью. Производственные планы 1938–1939 годов завод успешно выполнил. И в этом, несомненно, была заслуга не только коллектива, но и руководства во главе с директором. Среди колющенцев появились стахановцы. Если в 1937 году этим движением было охвачено 290 человек, то в 1939-м – свыше 600. Люди стали больше зарабатывать. Так, к примеру, калильщик Ермаков, при среднем заработке по цеху 250 руб., стал получать по 1000 руб. Не отставал от него токарь Ф.Колющенко (сын революционера, чье имя носило предприятие).

Завод наконец вернулся к капитальному строительству, которое вел хозспособом – то есть строил силами своих рабочих и на свои средства. Был возведен новый корпус сталелитейного цеха, причем с хорошими бытовками. На производстве смонтировали промвентиляцию. Взялись за озеленение территории предприятия и поселка. В поселке появились канализация и водопровод, которых не было. Были отремонтированы бараки. Словом, жить стало лучше, жить стало веселей...

В 1939 году в Москве открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Она заняла огромную территорию – 140 гектаров, было выстроено 100 павильонов. Кстати, этот грандиозный проект был осуществлен благодаря выдающемуся архитектору Вячеславу Олтаржевскому. Только увидеть это зодчему наяву не удалось – он был арестован и от светлых дворцов перешел уже к проектированию бараков для зэков.

Достижения Челябинской области были представлены на ВСХВ в нескольких павильонах. Колхозов и МТС – в павильоне «Сибирь». Новые образцы продукции, выпускаемой заводами ЧТЗ и заводом им. Колющенко, – в павильоне «Механизация».

Все члены делегации, возглавляемой С.А.Полянцевым, были удостоены медалей ВСХВ. Они не только передали свой опыт другим и позаимствовали у тех, но и ознакомились со столицей: прокатились на пароходике по каналу Москва-Волга, побывали на спектаклях в Большом театре и МХАТе. Словом, это были незабываемые дни, которые в годы войны вспоминались, как сказочный сон...

К февралю 1941 года неизбежность войны стала очевидна не только разведчикам, но и партийным органам на местах (хотя все директивы, так или иначе связанные с подготовкой регионов, в том числе и тыловых, к войне, естественно, проходили под грифом «секретно»). Примером тому может стать неприметная до сегодняшнего дня челябинская «школьная» история. В феврале председатель горисполкома А.Букрин подписывает решение «установить объем работ по приспособлению школьных зданий под госпитали», а также обязывает специально созданную комиссию «решить вопрос об израсходовании 32 тыс. руб., отпущенных СНК РСФСР на приспособление школ под госпитали». Кроме того, комиссия должна была «установить объем и сроки выполнения работ по мощению подъездных путей к школам».

«Подшефной» заводу им. Колющенко была одна из старейших челябинских школ № 17, построенная еще в 1934 году – в начале старого Троицкого тракта, на улице Федорова. Выполняя подобную секретную директиву, Сергей Алексеевич вместе с директором школы лично проконтролировал, чтобы на первом этаже были установлены специальные ванные, дезинфекционные комнаты и медицинский склад.

К войне готовились – и оказались не готовы. Этот парадокс трагичен, и цена, заплаченная за него, была слишком высокой...

Сразу после объявления о начале войны, на заводе прошел многолюдный митинг, участники которого осудили вероломное нападение на СССР фашистской Германии. В резолюции митинга было записано:

«Если потребуется, каждый из нас с оружием в руках будет защищать целостность и неприкосновенность границ Советского Союза... Всё для фронта, всё для победы! – так, и только так будет работать отныне каждый...»

И эти слова были подкреплены делами. За время войны с завода ушло на фронт свыше 1100 человек, многие – добровольцами. Несколько десятков влились в 96-ю танковую бригаду, 50 человек – в Уральский добровольческий танковый корпус. Рабочий день был продлен до 12 часов. Ужесточена дисциплина – за опоздание свыше чем на 20 минут работник шел под суд.

Целый ряд приказов 1941 года, подписанных С.А.Полянцевым, будет касаться наведения порядка, согласно законам военного времени.

Примечательно то, с чего именно директор начал наводить порядок. 17 июля 1941 года на расширенном партийном собрании завода был рассмотрен вопрос... о состоянии бухгалтерского учета и оперативно технической отчетности. Нужно было стремительно провести ревизию завода, инвентаризацию, чтобы точно взвесить свои силы.

– Вопрос, который мы сегодня с вами обсуждаем, имеет исключительно серьезное значение, – говорил Сергей Алексеевич. – Нужно, чтобы учет на предприятии был простым, четким, помогал командирам производства вскрыть имеющиеся недостатки и совершенно их устранить. Нужно поставить оперативный учет под контроль и главной бухгалтерии, и начальников цехов. Надо добиться, чтобы он отражал все стороны нашего предприятия...

Следом за этим партсобранием директором будет подписан приказ № 144 от 1 августа 1941 года:

«Нарушение настоящего приказа в соответствии с распоряжением Начглавсельмаш от 30/VI-41 г. за № 115 при случаях недостачи ценностей, их хищения, а также запутывания учета, будет рассматриваться не только как уголовное, но и контрреволюционное действие, направленное к подрыву обороноспособности страны, на основании указа президиума Верховного Совета СССР о военном положении от 22/VI-41 г. и будет рассматриваться военным трибуналом».

Сохранились приказы в части трудовой дисциплины и охраны завода. Вот выписка из приказа № 199 от 13 октября 1941 года:

«За последнее время пост ВВО в заводоуправлении не выполняет возложенных на него обязанностей, в коридорах целыми днями продолжается хождение без дела людей, мешающих работе отделов завода и превращающих их отделы в курилки.

Приказываю:

Установить вход в отделы заводоуправления, расположенные на 2 и 3 этажах до 20 часов только по пропускам, в с 20 часов доступ в заводоуправление может быть только с моего разрешения...»

Приказ № 268 от 12 декабря 1941 года:

«1. 10/XII-41 года мною /Полянцевым/ установлено, что стрелок вохра – Уланов А.И., находясь на посту в спеццехе № 26, пропустил без пропуска заведующего гаража совершенно постороннего человека, не имеющего ничего общего с заводом. Приказываю:

стрелку Уланову А.И. объявить выговор. Предупреждаю весь личный состав охраны завода, что при повторении подобных случаев буду применять более строгие меры вплоть до отдачи под суд.

2. 10/XII-41 года в 23-40 мин. стрелком Никитиным Я.В. был задержан рабочий цеха № 7 Алимовский, который пытался пронести через проходную завода 4 метра похищенного им брезента. Задержанный отправлен в отделение милиции для привлечения к судебной ответственности. За проявленную бдительность стрелку Никитину Я.В. объявляю благодарность...»

Впрочем, основной клубок вопросов, подчас балансирующий на грани нервного срыва, касался совершенно особого задания – выпуска боевых минометов БМ-13, впоследствии знаменитых «катюш».

В силу ряда причин сложно установить детальную историю этого легендарного оружия. Известно, что работы по реактивному миномету проводились в Советском Союзе еще в 1920–30-е годы. Заслуга в создании «катюши» принадлежит группе ученых и инженеров Газодинамической лаборатории РНИИ – Артемову, Лангемаку, Петропавловскому, Петрову, Клейменову, Победоносцеву и другим. Судьба некоторых из этого списка сложилась трагически, они были репрессированы.

В целом, создание серийной установки БМ-13 было завершено к августу 1941 года в СКБ московского завода «Компрессор», определенном головным по созданию и совершенствованию новых видов минометов. Работы здесь возглавил главный конструктор В.П.Бармин, впоследствии – академик, Герой Социалистического Труда, специалист в области создания многоступенчатых ракет. Всего за годы Отечественной войны коллективом Бармина было разработано 75 типов установок, из которых 36 были приняты на вооружение.

Над БМ-13 работало несколько предприятий, в основном, небольших, что обеспечивало лучшую секретность и управляемость. Еще накануне войны опытные установки произвели большое впечатление на руководство страны. Работы по данному направлению замкнул на себе Л.П.Берия. Принимая решение об эвакуации предприятий-разработчиков БМ-13 в Челябинск на площадку завода им. Колющенко, Лаврентий Павлович, скорее всего, вызвал С.А.Полянцева к себе, где и напомнил ему о судьбе отца в случае невыполнения задания.

В этом решении есть еще один важный нюанс. Подобных масштабов эвакуации, перебазирования промышленных предприятий мир еще не знал. В тыловые районы перевозилось не только оборудование, но и целые трудовые коллективы. Каждый эвакуированный завод, как человек, имел свой «почерк», свой взгляд на производство, свой «норов» и амбиции. Самый яркий пример – Танкоград, где шла долгая «притирка» трех заводов-гигантов: Харьковского, Кировского и Челябинского, и нескольких конструкторских бюро. Заводу имени Серго Орджоникидзе, на площадку которого влилось 12 предприятий, потребовался почти год, чтобы найти оптимальную формулу управления производством.

В случае с «катюшами» Л.П.Берия применил достаточно «иезуитский» кадровый прием – перевел москвичей-разработчиков в подчинение никому не известному директору мало кому известного челябинского плужного заводика, больше похожего на сарай. Тем самым еще раз напомнил о «бренности человеческой жизни» и положения.

Вот только в Челябинске, на месте, эта обида «всковыривалась» не раз. В итоге появился странный компромисс, который получил название: «московский куст».

В сентябре 1941 года в Челябинск на площадки, подготовленные колющенцами, стали прибывать первые эшелоны. Из Херсона эвакуировали завод им. Петровского, из Сум – цех завода им. Фрунзе. Но основная сила стала прибывать с московского завода «Компрессор» в октябре 1941 года. Об этом свидетельствует приказ № 214 от 26 октября 1941 года, подписанный С.А.Полянцевым:

«Поступающие в завод вагоны с оборудованием и материалами с Московского куста должны своевременно разгружаться, согласно установленных норм разгрузки вагонов. Ответственность за сохранную выгрузку и своевременное освобождение вагонов возлагаю на тов. Шнуркова и тов. Полянина.

При подаче вагонов тов. Полянину снимать для этой цели, независимо на каких участках работают, трактора и грузчиков. Нач. кадров т. Дунаеву при потребности дополнительных рабочих снимать с других участков и предоставлять в распоряжение тт. Шнуркова и Полянина требуемое количество рабочих.

Дежурным Погрузбюро, а в ночное время дежурному по заводу по сообщению станции о подходе эшелонов с Московского куста немедленно ставить в известность тт. Шнуркова и Полянина для подготовки к приему и расстановке вагонов».

Москвичам, помимо площадей завода им. Колющенко, передали

ряд дополнительных помещений: возле железнодорожного вокзала, у трамвайного депо и гараж на углу улиц Васенко и Труда.

Как проходила эвакуация предприятий, можно восстановить по самым разным свидетельствам. Например, ветеран завода им. Колющенко А.Ф.Игнатьев вспоминал, что «для разгрузки прибывшего в Челябинск оборудования были созданы две женские бригады. Перевозить станки и прочее приходилось на листах железа, волоком. Очень трудная работа. Весь путь, а он составлял километра полтора, без отдыха пройти не хватало сил. Во время остановки лист примерзал к земле, его отрывали ломами».

Эвакуированных колющенцы разобрали по домам. Правда, кое-кому пришлось поселиться на кухне. Пищу больше готовили на керосинках и примусах, электричество часто отключали. Его не хватало заводам, ковавшим оружие. Ветеран завода М.М.Юрченко рассказывал: «Помню, как только мы выгрузились, а было это прямо возле завода, нам принесли хлеба и рыбы. Первые два дня жили в палатках, потом в бараках, по две семьи в комнате. Конечно, в тесноте, но не в обиде. Завод обеспечивал нас углем. Сажали картофель. Для многих, и для меня в том числе, Урал стал родным. Мы отсюда уже не уехали...»

Осень 1941 года оказалась для Сергея Алексеевича психологически самой тяжелой. Сложно было с людьми – сказывались амбиции, взаимные трения, которые вредили работе. Показателен один приказ С.А.Полянцева, датированный 3 октября 1941 года:

«Несмотря на взыскания, наложенные мною на конструктора тех. отдела тов. Козятина П.Ф. за грубую небрежность в оформлении чертежей приспособлений, что влекло за собой брак их и тормоз в производстве, а также строгий выговор с предупреждением по приказу № 183 от 30/IX с.г., все же со стороны тов. Козятина допущена грубейшая ошибка в третий раз в размерах чертежа № 463-17. В результате последней ошибки 4 штуки цанговых патронов были забракованы и оснащение 4-х станков для обработки дет. 13 («Катюша») было задержано на 2–3 дня.

За допущенную преступную халатность приказываю конструктора тех. отдела тов. Козятина П.Ф. с работы снять; юрисконсульту завода тов. Натансону подготовить материалы и передать их следственным органам для привлечения тов. Козятина к судебной ответственности».

Заметим: Полянцев трижды предупреждал конструктора, хотя и одного раза хватило бы для принятия подобного решения. Оставлял шанс. К слову, и в отношении него самого в конце октября будет сделан такой же жест.

30 октября, когда немцы готовились нанести решающий удар по столице, на заводе собрался партийно-хозяйственный актив. На него приехали секретари райкома Куликов и обкома Середкин. Под предлогом обсуждения невыполнения 13 детали и трудностей в размещении «московского куста» настойчиво проводилась мысль о необходимости отдать С.А.Полянцева под суд.

Критики было много, в том числе и по делу. В частности, указывались причины невыполнения программы:

«Первая причина: завод вырос в несколько раз, а уровень организации принципов остается старый. Это начиная от руководства. Новое производство Д-13 («Катюша») и боязнь подойти поближе, надо организационно перестроить аппарат заводоуправления, приблизив его к цехам.

Второе: на завод влилось еще несколько заводоа. Условия несколько изменились. Скученность, неорганизованность. Работа везде была организована по-разному. Богатый опыт всех этих коллективов не сконцентрирован и не применен. Не организовали людей, сплочения единого лучшего не вложено в завод.

Третье: имеются большие организационно-технические недостатки... Тов. Полянцев много занимается мелкой опекой, упуская большое... Аппарат не перестроился, отделы завода получили документы на 126 вагонов штамповки, а никто не интересуется, получено или нет. В техпроцессе нет четкости. Ни на одно изделие нет техпроцесса. Много руководителей групп, много зам. гл. инженера, и это распылило силы. Надо это поломать и объединить всех...»

Будет еще одна примечательная реплика:

«Директор завода у вас энергичный, но одна беда – берется за все сам, на мелочи разменивается. А надо руководить. Требовать. Указания директора должны выполняться точно. Он один работать не может, какой бы ни был. Надо помогать своему директору».

Последним на активе говорил директор. Он был опять краток: «Наша задача к празднику – 24-й годовщине Октября – дать 13-ю деталь и пустить Московский куст. /Мы это сделаем/».

Между тем, помогать директору со стороны местных партийных властей особых желающих не было. В силу характера, Сергей Алексеевич совершенно не сошелся с тогдашним первым секретарем Челябинского обкома партии Григорием Давыдовичем Сапрыкиным – не принял его позицию «перестраховщика». Суть в том, что Г.Д.Сапрыкин хотел передать «изделие 13» целиком на завод Серго Орджоникидзе – 78-й завод в годы войны. И ЧТЗ, и ЗСО являлись подрядчиками в работе по этому изделию – в частности, изготовляли штампы и другие комплектующие.

Вместе с тем, эти предприятия – заводы-гиганты, первенцы индустрии; для решения своих насущных проблем им не требовалось «покровительство» секретаря обкома – они выходили на уровень ЦК партии и без его приемной. Передать им изделие – снять с себя массу проблем («баба с возу – кобыле легче»). Но за положение дел на заводах «средней руки» с Сапрыкина могли спросить по полной программе. Поэтому он явно тяготился и заводом им. Колющенко, и «московским кустом» при нем.

Но для С.А.Полянцева вопрос сохранения за заводом им. Колющенко стратегического изделия

– это был «вопрос судьбы», глубокий и принципиально важный. От выполнения задания зависела не только его жизнь, но и судьбы братьев и сестер – он оставался в семье за старшего. Естественно, понимал, что полученное его заводом столь важное изделие – это еще и свидетельство доверия Москвы, поддержки, статуса. Уступать он не собирался, тем более человеку, которого он, судя по всему, не слишком уважал...

Кстати, история этого секретаря показательна и поучительна. Сапрыкин окончил престижный Московский институт стали. Легендарный директор ЧЭМК В.Н.Гусаров рассказывал в красках: «Металлург, он за время своего пребывания в Челябинске так и не побывал на нашем заводе – первом заводе ферросплавов в стране! Отличался Сапрыкин тем, что к нему в кабинет невозможно было пробиться – он буквально «высиживал» человека в своей приемной.

Из Тулы на Урал прибыл эвакуированный пулеметный завод, где работал известный конструктор советского оружия Дегтярев. Оборудование разгрузили на железнодорожной станции Уржумка недалеко от Златоуста. Дегтярев ни с кем не мог решить вопрос о выделении места для строительства завода (!), о жилье для размещения прибывших рабочих и специалистов. Несмотря на ряд настойчивых попыток, Сапрыкин так его и не принял».

Дегтярев, имевший вторую в стране после Сталина Звезду Героя Социалистического Труда, сумел доложить о своих бедах Сталину. «Вскоре в Челябинск инкогнито для проверки прибыл заведующий партийным контролем ЦК ВКП(б) Шкирятов. Он представился секретарю Сапрыкина как заместитель Дегтярева и сообщил, что ему необходимо встретиться с «первым» по вопросу о строительстве Тульского завода в Златоусте. Секретарь сообщила, что Сапрыкин занят и не может его принять. Просидев в приемной четыре часа, Шкирятов уже без разрешения вошел в кабинет, и... Сапрыкин перестал быть секретарем обкома...»

Новый первый секретарь Челябинского обкома Николай Семенович Патоличев прилетит в Челябинск 1 января 1942 года. А в апреле 1942 года на его стол попадет секретная докладная записка о планировании производственной программы завода за подписью С.А.Полянцева...

«Производственная программа и различные оперативные задания выдавались бессистемно и необоснованно, без учета производственных возможностей и без увязки с фактической загрузкой. Неоднократные обращения завода с просьбой упорядочить планирование производственной программы ни к чему не привели... Испытывая значительные трудности в обеспечении производства материалами, инструментами, завод в большинстве случаев реальной помощи не получал. Это ставит завод в ряды невыполняющих производственное задание и вносит дезорганизацию в производство».

В письме чувствуется, насколько сильным было именно директорское напряжение. От производства «катюш» отвлекало многое. Те же самые глубинные бомбы были исключены из программы завода лишь в феврале 1942 года. Зато в нее включили прицелы и... элеваторные ящики, «несмотря на очевидную невозможность их производства».

«Из-за отсутствия необходимых транспортных средств завод лишен возможности обеспечить нормальную подвозку местных материалов, внутризаводскую транспортировку материалов, полуфабрикатов и деталей. Положение еще более усугубилось в связи с изъятием по распоряжению Облвоенкомата 24 лошадей...»

Но, пожалуй, самым острым был вопрос с кадрами – с кем работать?

«С завода им. Колющенко переведены на завод «Челябкомпрессор» («московский куст») 130 квалифицированных токарей, что еще более усугубило положение с рабочей силой и послужило тормозом в освоении производства 120-мм мин. На другие заводы были переданы 4 квалифицированных технолога... /Затем/ завод должен был откомандировать еще 6 квалифицированных специалистов, в том числе Главного металлурга, инженера кузнечно-прессового цеха, инженера электроцеха...»

Но даже при таком «раскладе» завод им. Колющенко освоил изделие М-13 – под этим индексом шло производство деталей и узлов к легендарным «катюшам».

Работа по М-13 началась практически сразу же, как только в Челябинск прибыли первые чертежи. Бывший главный конструктор завода им. Колющенко Семен Михайлович Тарасов вспоминал:

«Вызвали меня к директору завода Сергею Алексеевичу Полянцеву. Зашел я в кабинет, а там кроме директора – заместитель наркома Николай Иванович Кочнов и еще несколько незнакомых мне людей. Рассматривают чертежи. Озабоченные, хмурые лица, чувствуется, чем-то взволнованы. Полянцев обращается ко мне: «Взгляни, Семен Михайлович, на эти чертежи». Подошел, внимательно вглядываюсь в один чертеж, другой, третий... Все молчат, ждут. Спрашиваю: «Что от меня требуется?» Заместитель наркома говорит: «Товарищ Тарасов, дело архиважное, сверхсрочное и абсолютно секретное. Это – наше новое реактивное оружие. От вас требуется вот что: собрать очень узкий круг людей, крайне необходимых, составить спецификации, нормы расхода материалов. Понятно?» А Полянцев добавляет: «Чертежи из комнаты не выносить ни под каким видом. Сборочный чертеж сдать в спецчасть немедленно».

С.М.Тарасов вспоминал, что он с помощниками просидел над чертежами около полутора суток. Когда закончили работу, только-только начало светать. Устроились на несколько часов передохнуть, легли на столах в кабинете, а с началом нового рабочего дня вновь закипела работа. Выдали все заявки на сырье, материалы, приступили к подготовке инструмента, технологических инструкций.



С.А.Полянцев в рабочем кабинете.

Установка М-13 состояла из подвижной фермы, восьми направляющих-лонжеронов и довольно несложной электрической системы. Направляющие-лонжероны заменяли стволы орудий. В них по всей длине с двух сторон (сверху и снизу по отношению к ферме) шли Т-образные пазы. В этих пазах и удерживались реактивные снаряды – 16 штук.

Вся конструкция монтировалась на тракторах, а чаще автомашинах, первое время на отечественных ЗИС-5, а во вторую половину войны – на американских машинах большой проходимости «студебеккер».

Сборка «катюш» проводилась уже силами «московского куста» – в гараже на улице Труда. Кстати, как вспоминали ветераны завода, собранную «катюшу» видели совсем немногие.

Самым сложным в ее производстве оказалось изготовление фермы. При сварке ее тонкостенные трубы могло «повести», они деформировались. Над решением этой проблемы бились одновременно и на заводе № 78 – на «Станкомаше». С огромным трудом усилиями двух заводов было поставлено на поток не только изготовление фермы, но и снарядов. Фронт поглощал то и другое в огромном количестве. Ежемесячно колющенцы выпускали примерно 45 реактивных установок, этого было достаточно для формирования одного дивизиона.

Люди трудились беззаветно. Даже совсем молодые ребята и девчата – С.А.Полянцев в письме к Н.С.Патоличеву указывал, что завод уделяет большое внимание ученикам ремесленных училищ, помогая им в быстрейшем получении квалификации. Ветеран завода В.Шеина вспоминала:

«В шестнадцать лет я освоила специальность сварщицы, и мне поручили сваривать стабилизаторы к снарядам «катюш». Искры электросварки с раскаленными кусочками металла часто падали на ноги. От ожогов – жуткая боль. Однажды, когда я была дома на «больничном», ко мне пришел мастер и попросил прийти в цех. Я пошла. Уложив забинтованную ногу на табурет, присела на другой, принялась за работу. От искр болели глаза, но мы тогда работали, ни с чем не считались...»

В процессе производства возникали и решались многие сложные задачи. Так, в 1942 году от создателей реактивных снарядов потребовали добиться того, что-

бы те при залпе ложились кучно. Конструкторы додумались: нужно придать снарядам вращательное движение, для чего следовало просверлить в каждом крохотные, менее трех миллиметров в диаметре, отверстия. Для современных точных станков это, конечно, не составило бы проблем, но тогда...

Вспоминает начальник цеха № 8 Г.В.Дворников:

«Промучившись со старыми кадровыми рабочими, мы решили поручить это дело юным девушкам, что еще недавно занимались уборкой стружки. По просьбе мастера я закрыл участок от случайных посетителей и никого не пускал туда, чтобы не смущать девчат. А им сказал: «Не бойтесь, на первой поре ломайте сверла, хотя это и дефицит, главное – научиться сверлить. Расходы потом окупятся».

И вот, наконец, настал радостный день – Зоя Черноскулова сделала первую годную деталь. По этому поводу у нас собрали митинг. Зою очень хвалили и вручили ей ценный подарок. Вас интересует какой? Пять пачек мыла и талоны на спецпитание. Через месяц все 12 девушек у нас уже выполняли норму».

Кстати, за успешное выполнение важного оборонного задания Зою Черноскулову наградили орденом Трудового Красного Знамени, а ее подруги получили медали.

Начиная с зимы 1941 года, все партийные собрания на заводе стали проходить по одной схеме. С докладом-сообщением выступал директор Полянцев. Он делал отчет за минувший месяц, ставил задачи на предстоящий. А затем отчитывались и ставили перед руководством вопросы начальники цехов и служб. Собрания стали напоминать оперативки. Только это никого не смущало.

Записи выступлений директора на этих собраниях могут показаться сдержанными и сухими. Он всегда был немногословен. Не умел и не считал нужным кого-то запугивать. Однажды Сергей Алексеевич снял с должности заместителя начальника цеха, и тот принародно пообещал директора... убить. Сергей Алексеевич простил и эту горячность.

Первый квартал 1942 года для завода вышел неудачным, о чем Полянцев и сообщал Патоличеву. И следом писал:

«Прошу Вашего ходатайства перед вышестоящими организациями о решительном изменении руководства заводом им. Колющенко со стороны Наркомата Минометного вооружения и Главсельмаша в части планирования производственной программы и оказания практической помощи».

Талантливый организатор, взвешенный, вдумчивый и вместе с тем решительный человек, Николай Семенович Патоличев колющенцев поддержал. Уже в мае 1942 года завод – впервые за долгое время – выполнил производственную программу на 103 процента. Выступая перед колющенцами, секретарь Кировского райкома партии Куликов отметил: «Майский приказ вождя вызвал у всех исключительный подъъем. Итоги работы в мае показали, что командиры завода выполняют приказ Сталина».

В июне завод также выполнил план и, как говорится, вошел в ритм. На очередном партийно-хозяйственном активе секретарь горкома партии Панкрушев теперь сказал так:

«По работе видно, что коллектив старается. Товарищу Полянцеву очень много попадало. Мы думали, что он не сможет работать. Сейчас мнение областного, городского и районного комитетов партии о Полянцеве хорошее. Пора вашему коллективу бороться за переходящее Красное знамя...»

В августе вышел в передовые ранее отстававший литейный цех. Он выполнил план на 110 процентов. В постановлении собрания от 18 августа записали:

«Каждый день приносит нам новые испытания. Озверелый и обнаглевший враг рвется на Юг. Кровавые фашистские орды топчут грязными сапогами вольные донские степи. Узнали горе станицы Кубани. Враг рвется в низовье Волги. Собрав все резервы, резервы своих вассалов, людоед Гитлер создал превосходство в силах и стремится захватить кавказскую нефть.

В грозные дни опасности члены и кандидаты в члены партии завода им. Колющенко должны с удвоенной энергией работать на своих местах, мобилизовать трудящихся завода и ежедневно, ежечасно увеличивать выпуск боеприпасов для фронта».

Следом коллектив завода принял повышенные обязательства и справился с ними. План августа, возросший на 32 процента, был также перевыполнен.

Поднялось и настроение у людей. К тому же, несмотря на все трудности, дирекция, партком и профком стали больше заботиться о быте трудящихся. У завода теперь были две столовые, появилось собственное хранилище на 350 тонн овощей, при нем засолочное отделение. Была налажена заготовка дров. В октябре 1942 года на собрании заслушали вопрос: «Об улучшении культурно-бытовых условий молодых рабочих». Доклад сделал Полянцев. В нем Сергей Алексеевич сообщил, что приобретено 650 комплектов постельного белья для общежитий, несколько сот метров ткани для пошива платьев и костюмов...

Кстати, выступая на очередном собрании, Полянцев, между прочим, заметил: «Лаврентий Павлович Берия мне сказал: «Ваш коллектив дружный и с задачами справится. А мы наградим товарищей по заслугам».

Л.П.Берия свое слово сдержал. За выполнение исключительно важных заданий Государственного Комитета Обороны – а именно: за организацию производства «катюш» в Челябинске – директор завода им. Колющенко Сергей Алексеевич Полянцев в 1942 году был награжден орденом Ленина.

В Артиллерийском музее в Ленинграде после войны была выставлена для обозрения одна из «катюш». Ею было выпущено по врагу 3700 снарядов. На боевой счет расчета, отмеченного многими боевыми наградами, было записано 600 уничтоженных гитле-

ровцев, два танка, 22 автомашины, много другой техники. Это была одна из многих сотен «катюш», выпущенных «под директорским присмотром» Сергея Полянцева...

Между тем, осенью 1943 года, судьба сделает новый поворот – его назначат директором завода «Коммунар» в Запорожье, на берегах Днепра. Скорее всего, это назначение было сделано спешно и неожиданно для С.А.Полянцева. Причины этого мы еще увидим.

Сергей Алексеевич приедет в Запорожье 19 октября, когда там еще все дымилось – не прошло еще и недели, как город был освобожден от фашистов. Была отчетлива фронтовая канонада. Лишь 26 октября гвардейские стрелковые дивизии форсировали Днепр в районе ГЭС и спасли легендарную станцию, гордость молодой Страны Советов, от полного разрушения.

«Оставив на Урале отлаженное, как командирские часы, военное производство, Полянцев очутился на коммунаровской «площадке», засыпанной горами горелой щебенки, – рассказывает в книге «Вы не исчезли, словно тени», посвященной истории завода «Коммунар», запорожский литератор и краевед Марк Шевелев, которому мы и доверяемся. – Большая часть цехов была разрушена полностью. Требовалось расчистить 50 тысяч квадратных метров территории и 80 тысяч квадратных метров площадей. Нужды были рабсила, грузовики, телеги, теплые казармы, питание...»

Не так, совсем не так представлял себе Сергей Алексеевич один из старейших на Украине заводов сельскохозяйственного машиностроения! До войны, в 1930-е годы завод «Коммунар» гремел на весь Советский Союз – именно здесь одновременно со строительством ДнепроГЭС, был выстроен первый на Украине конвейер по сборке сложной уборочной техники, выдававший за смену 200 жаток: одну жатку в две минуты!

С первых дней Великой Отечественной войны завод «Коммунар», как и Челябинский завод им. Колющенко, оказался в Наркомате минометного вооружения. Под натиском врага, завод был эвакуирован – его цеха демонтировали и развезли по разным углам необъятной страны. «Собрать» его снова воедино было невозможно – пришлось всё начинать с чистого листа.

М.П.Шевелев приводит несколько телеграмм «высокому министерскому начальству» за подписью С.А.Полянцева 1943–1944 годов:

«Председателю Совнаркома Украины Н.С.Хрущеву. Прошу лично вмешаться в дело расселения сорока трех семей, проживающих на территории завода. Полянцев».

«Замнаркома минометного вооружения Н.И.Кочнову. Восстановлено сто единиц оборудования, но нет электромоторов. Необходимо сто электромоторов. Сможем организовать производство запчастей. Полянцев».

«Секретарю обкома КП Украины Ф.С.Матюшину. Изготовлена пробная тракторная молотилка, восстановлено сто тридцать единиц оборудования. Для дальнейшего развития заводу необходима производственная база – восемьсот гектаров для огородничества и испытания сельхозмашин. Полянцев».

Осмелимся предположить, что в Запорожье С.А.Полянцев приехал не просто так. И приехал не один. В практике военных лет было нормой, что специалисты заводов, производящих военную технику – прежде всего, самолеты, танки, артиллерийские установки – выезжали целыми бригадами на фронт, чтобы организовать ремонтные цеха на базе действующих, а затем и освобожденных предприятий. Постоянные командировки в «западном направлении» были у инженеров Танкограда, челябинского завода «Электромашина» и других заводов. Здравый смысл и логика войны диктовали – проще привести механика из тыла, чтобы он организовал работу по ремонту в прифронтовой зоне, чем в тыл гнать неисправную тяжелую технику.

«Катюши», ставшие настоящим оружием прорыва, наводившем на врага ужас, тоже выходили из строя – подрывались на минах, в них попадали снаряды, узлы и конструкции не всегда выдерживали боевой нагрузки. Направление С.А.Полянцева практически в самый разгар битвы на Днепре – под пули и бомбы – вряд ли было обусловлено необходимостью производить сеялки и молотилки. В телеграмме на имя Н.И.Кочнова указано на возможность производства запчастей. Запчасти – к чему?

Косвенное подтверждение нашей версии – в самом тоне направляемых телеграмм. Полянцев не просит – Полянцев требует. Он защищен своей спецзадачей, и на местах это прекрасно понимают. Запорожский завод становился базовой ремонтной площадкой «катюш» для всех украинских фронтов, базовым предприятием, который обеспечивал фронт минометными запчастями при минимальном «транспортном плече».

В начале 1944 года Наркомат минометного вооружения уже «набрасывал план» заводу «Коммунар». М.Шевелев искренне возмутится: «Где ж это видано – спускать план разрушенному заводу!» Стоит думать, что речь опять-таки шла не о плугах и молотилках.

Хотя... Завод «Коммунар» восстанавливался сразу в двух направлениях: по «военной» и «мирной» тематике. Здравый смысл подсказывал, что весной 1944 года на освобожденных территориях нужно элементарно начинать посевную кампанию, а затем собирать урожай. Кстати, на Челябинском заводе им. Колющенко сразу после Сталинградской битвы – коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны – наряду с выпуском «катюш» вернулись к производству тракторных плугов и культиваторов. Первая пробная молотилка завода «Коммунар» – из этой же истории.

Старания С.А.Полянцева не окажутся не замеченными. За три года коммунаровцы подняли завод

СВЕДЕНИЯ О ПООЩРЕНИЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ

№ записи	Дата: Год	Месяц	Число	Поощрения и награждения	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
1	2			3	4
5	1940	VI	16	За успешную и качественную подготовку [illegible] машин на ВСХ выставку объявляю благодарность	Приказ № 241 от 16/VI-40 по Главсельмашу
	1941	VI	13	За принятое участие в изготовлении и подготовке экспонатов для ВСХВ объявляю благодарность.	Приказ № 179 от 13/VI-41 Главсельмаш НКМ СССР
	1942	XI	26	За успешное выполнение заданий правительства по боеприпасам награжден орденом Ленина	Указ Президиума Верховного Совета СССР

12 Пом. директора по найму [illegible] Р. Гончаренко 13

Выписка из трудовой книжки о награждении орденом Ленина.

из руин. В 1946 году Полянцев был отмечен в числе других орденом «Знак Почета».

«Но вскоре в жизни директора началась полоса невезения, – пишет М.П.Шевелев. – От первой тракторной молотилки, которую умельцы во главе с конструктором Останковичем собрали полукустарным способом, пора было переходить к серийному выпуску нового зерноуборочного комбайна «Сталинец-6». Дело не ладилось: стены цехов поднимались черепашьими темпами, не было оборудования, оснастки...

Дважды в год на завод наведывался Н.С.Хрущев. Поставки временно налаживались. Но в основном начальство «помогало» разносами. Участилась критика в адрес завода с местных партийных трибун, ее услужливо подхватывали областные газеты: «На «Коммунаре» все еще раскачиваются», «Завод в долгу перед Родиной».

Визиты Председателя Совнаркома Украины Н.С.Хрущева на завод, надо полагать, проходили на «высоких тонах». Скорее всего, С.А.Полянцев не сдерживался, считая, что в Запорожском индустриальном комплексе его завод оказался в роли «пасынка». Все внимание властей, все основные капиталовложения шли на восстановление энергетики в лице ДнепроГЭСа и металлургии в лице «Запорожстали» – на этой площадке даже был устроен рабочий кабинет первого секретаря обкома партии. Деньги и материалы обходили коммунарцев стороной.

К слову, много позднее, в 1960 году, благодаря «волюнтаризму» Н.С.Хрущева, возглавившего страну после смерти И.В.Сталина, завод «Коммунар» сменит свой сельскохозяйственный профиль – на его базе решено было строить малолитражные автомобили, прототипом которых были модели компании «Фиат». Именно тогда, в начале 1960-х годов, появился на свет знаменитый «Запорожец»...

А пока «директор «Коммунара» мотался по городам и весям, как соленый заяц, «выбивая» шарикоподшипники, томленый чугун, электромоторы. Вернувшись домой, находил на письменном столе ворох брюзжащих в его адрес газет: «Полянцев не представляет, как работать завтра...», «Безответственное отношение к работе...», «Много времени проводит в кабинетах...»

Завод спасло Постановление ЦК ВКП(б) от 1946 года, в котором была поставлена задача Минсельхозмашу поставлять ежегодно как минимум семь тысяч комбайнов. Под это постановление заводу «Коммунар» были выделены средства и закреплены мощные поставщики. «В адрес завода пошли эшелоны с грузами. За несколько месяцев /1947 года/ завод получил в три раза больше оборудования, чем за все послевоенные годы».

Можно сказать, что С.А.Полянцев буквально выбил это постановление. Первые четыре комбайна «Сталинец-6» вышли из стен завода в день рождения Ленина – 22 апреля 1947 года. Зерноуборочные «шестерки» – его рук дело. Но следом за этим важнейшим событием в жизни завода Сергей Алексеевич подал заявление об уходе – и переводе на Урал.

М.П.Шевелев дает примечательную оценку:

«Проявил ли Полянцев слабохарактерность? Вряд ли. Сергей Алексеевич был сильным человеком. Перед войной он мужественно перенес смерть отца в застенках НКВД, несправедливое партвзыскание «за притупление политической бдительности». Пример стойкости старшего брата был перед глазами шестерых младших Полянцевых...»

По словам Георгия Алексеевича Полянцева, период работы на Украине был самым сложным в жизни брата. Он был в постоянном напряжении из-за всевозможных «подстав», склочности, непорядочности. Здесь он с семьей прожил ровно четыре года и осенью 1947 года вернулся на Урал, в Челябинск. Вот только семья оказалась разрушенной...

О личной жизни Сергея Алексеевича известно немного. Его жена Анна была подругой сестры Лидии – через нее, собственно, и познакомились. Несколько негативных оценок дает его сестра Клавдия в письме брату Георгию – создается впечатление, что это была интересная собой, но весьма честолюбивая и эгоистичная особа. Однако муж любит ее и уступает женским прихотям...

Осенью 1937 года Анна уехала на учебу в Томск – «поразвлечься», как написано в письме, – оставив на руках мужа и свекрови трехлетнего сына. Если убрать в сторону эмоции, то вряд ли Анна Федоровна была «демоном в юбке». У нее был достаточно

волевой характер, о чем свидетельствует и выбор профессии – хирург. В Томске еще в 1930 году было открыт медицинский институт, продолживший традиции медицинского факультета Императорского Томского университета. Чтобы учиться там, одного желания было мало.

Возможно, что Анну не устраивало положение домохозяйки и жизни «в тени мужа». Напряжение Великой Отечественной войны накалило ситуацию в семье, где уже было двое детей: старший сын Юрий и младший Сергей. В 1947 году в Запорожье пути разойдутся окончательно. Анна Федоровна, забрав с собой Сергея, уедет в Одессу, где со временем станет ведущим хирургом, о котором чуть ли не слагали легенды. Ее сын, Сергей Полянцев, после окончания института в Одессе, станет юристом. А ее внук Алексей Сергеевич Полянцев будет работать под началом Аркадия Вольского в структурах Российского союза промышленников и предпринимателей. Род Полянцевых по этой линии не прервется...

У старшего сына Юрия, который в 1947 году приехал вместе с отцом в Челябинск, судьба сложится не очень удачно. Он отслужит срочную службу на Дальнем Востоке, в Хабаровске, затем вернется в родной город, но так и не найдет себе подходящего занятия. Помыкавшись по Челябинску, он уедет на Украину. Детей у Юрия не будет.

Впрочем, это все «потом», а пока Сергею Алексеевичу пришлось делать выбор. Ему предлагали возглавить завод «Серп и Молот» в Москве или вернуться в Челябинск директором Челябинского автоматно-механического завода – в ту бытность завода № 62. Казалось бы, выбор очевиден. Но он счел, что на столичных московских просторах склок и завистников будет еще больше, чем на Украине, и вспомнил старую поговорку: «Уж лучше быть первым парнем на деревне, чем последним в городе...»

Он вернулся в Челябинск и 8 сентября 1947 года приступил к исполнению директорских обязанностей.

Этот завод по изготовлению пресс-штампов и пресс-форм был небольшим – с самого момента своего рождения в 1831 году в Ярославле. В октябре 1941 года предприятие перебазировали на Урал. На дорогу ушло 18 суток. В Челябинске оказалось очень трудно найти помещения, заводы прибывали один за другим. И, откровенно говоря, более нужные для обороны. Так что пришлось ярославцам на первой поре притулиться в нескольких местах, не в самом городе, а в поселках: Сосновке, Смолино, Исаково, Сухомесово. Несмотря на это уже с декабря 1941 года ярославцы приступили к выпуску продукции.

Интересно отметить, что своих еще недавно земляков неоднократно посещал первый секретарь Челябинского обкома партии Н.С.Патоличев. В его книге «Испытание на зрелость» об этом можно прочесть:

«Завод, выпускавший боеприпасы, разместился на окраине Челябинска в складах Заготзерна. И вот в условиях уральской зимы, в неотапливаемых помещениях люди налаживали и увеличивали производство боеприпасов. Я часто ездил на этот завод, видел, как работали люди. Мы, может быть, попривыкли к словам «подвиг», «героизм», но нельзя обойтись без них, рассказывая о военных временах. И многие, вспоминая их, могут спросить: «Как же мы всё это выдержали?» Как можно работать с металлом в не отапливаемых помещениях? Кажется, выше всяких человеческих возможностей, особенно для женщин и подростков...»

За время войны для тружеников завода, позже названного АМЗ, выстроили 30 бараков, клуб, баню. А вот в первые послевоенные годы...

Завершение любой войны для любого народа оборачивается сложным психологическим испытанием. Тяжелейшее напряжение и массовый трудовой героизм не могли быть вечным двигателем экономики. Кризис, спад производства становились неизбежны. Вдобавок начиналась реэвакуация – процесс не менее сложный и болезненный. Большинство эвакуированных предприятий буквально «сидело на чемоданах». Людей можно понять. Главным событием для них становилось долгожданное разрешение вернуться на родину, вернуться к прежней жизни, к своим родным. Вернуться в Москву, Ленинград, Харьков, Ярославль...

У Сергея Алексеевича Полянцева, скорее всего, возникло ощущение дежавю – он словно «проваливался» в прошлое, в середину 1930-х годов, на завод им. Колющенко. В книге Семена Бунькова «Этапы большого пути», посвященной истории Челябинского автоматно-механического завода, можно прочесть, как выглядело предприятие в те годы:

«Предприятие чем-то напоминало довоенную промартель. Выпуск «военки» был прекращен. Завод выпускал поршневые кольца, клапаны для двигателей внутреннего сгорания, валики рессорные, свечи для автомобильных и тракторных двигателей, клапаны для железнодорожных локомотивов и даже... орденские колодки, наперстки и настольные лампы. Все это была так называемая «мелочевка» – ни производственной гордости, ни особых доходов».

Сергей Алексеевич понимал, что первая и главная задача – загрузить завод гражданской продукцией, «ввязаться» в производство чего-то более значимого, большого, что объединило бы людей и придало новые силы.

«Мыслящий руководитель, отличный организатор производства, С.А.Полянцев трезво оценил обстановку, посоветовался с ведущими специалистами и выступил с ходатайством перед министерством о том, чтобы поставить на производство зерноочистительную машину. На селе ждали такую машину. Она была универсальна, предназначена для очистки и сортировки различных культур: зерновых, злаковых, бобовых, травянистых и масличных. Получив такое задание, на заводе

отнеслись к нему со всей ответственностью...»

Первые пять зерноочистительных машин завод выпустил на октябрьские праздники 1948 года. Дальше объемы будут только возрастать.

Впрочем, добиться хорошей производственной программы – это еще полдела. Нужно, чтобы завод изнутри ей соответствовал: мощности, технологии, цеха, оснастка, оборудование, люди...

Один из первых приказов С.А.Полянцева по вверенному заводу, датированный 23 декабря 1947 года, практически полностью повторил времена его директорской молодости и касался «расчистки расчетно-платежного баланса» – того самого бухгалтерского и оперативного учета:

«Отмечая неудовлетворенное состояние финансового хозяйства завода предлагаю:

– оформить всю необходимую документацию порядком и в свете требований, предъявляемых банками...

– проверить всё наличие товарно-материальных ценностей, и те из них, которые могут быть использованы в основной деятельности, передать на баланс завода...

– составить инвентаризационные описи дебиторской задолженности с четким и ясным указанием, что сделано по каждому дебитору, независимо от суммы долга...

– установить причины, порождающие случаи недостач запчастей при отгрузке и провести самую тщательную проверку группы вспомогательных материалов.

Порядок составления описей согласовать с главным бухгалтером завода».

Приказы директора хорошо показывают, чем ему приходилось заниматься помимо организации производства, увеличения его рентабельности или организации мероприятий по технике безопасности. Например, один из приказов от 29 марта 1948 года посвящен... лошадям:

«Проверкой установлена крайняя бесхозяйственность на конном дворе... В течение трех месяцев несколько лошадей болели чесоткой. Ветеринарное обслуживание из рук вон плохо. Один из жеребят ушиблен. Сено не огораживается, расхищается. Лошади кормов не получают...

Считаю подобное впредь неприемлемым и приказываю привести в должный порядок всё конское поголовье и сам конный двор в течение 12 дней. Установить повседневный контроль за выполнением настоящего приказа и работой конного двора вообще».

Расчищать «авгиевы конюшни» ему придется в прямом смысле. Завод буквально тонул в грязи и нечистотах, выгребные ямы были полностью забиты. В апреле 1949 года С.А.Полянцев мобилизует работников предприятия на расчистку завалов и мусора, выделит для этого автотранспорт и лошадей. Весь состав комендантов будет закреплен по участкам завода и поселка, а своему заместителю директор поручит «ежедневно суммировать рапорта по очистке по отдельным участкам, докладывая мне о ходе работ...»

Производство и быт взаимно упорядочивают друг друга – этот принцип С.А.Полянцеву был хорошо понятен. 1950 год завод завершал четырехкратным увеличением выпуска продукции в сравнении с прошлогодним, «выгребным» – почти 90 новеньких машин, сияющих свежей краской, были погружены на железнодорожные платформы.

С подачи С.А.Полянцева в самом начале 1950-х годов начинает меняться производственная программа завода – в нее включается электротехническая продукция и первая промышленная автоматика, которая, собственно, и составит будущую трудовую славу автоматно-механического завода.

Увы, колоссальные перегрузки на протяжении многих лет все чаще стали напоминать о себе. Это вообще было свойственно директорскому корпусу военных лет. Директорами заводов были в основном молодые еще люди, которые дневали и ночевали в заводских корпусах. И сгорали, не достигая пятидесяти лет. В 1951 году, например, умер легендарный директор Магнитогорского металлургического комбината Григорий Иванович Носов – не бывавший в отпуске десять лет, он поехал в Кисловодск, где и скончался. Было ему 45 лет.

Сергей Алексеевич всё чаще чувствовал себя плохо, ложился в больницу. В последние годы он жил в доме с аркой на углу улиц Тимирязева и Пушкина – там, где на месте старого городского кладбища с могилой его деда еще в 1937 году к столетию со дня смерти поэта был построен кинотеатр.

18 ноября 1952 года С.А.Полянцев в последний раз участвовал в работе заводского партийного собрания. Установленный диагноз его болезни оказался страшным – рак. В 1953 году его отправили в хорошую столичную больницу, но и там медицина оказалась бессильной. На больничной койке Сергей Алексеевич узнал о смерти И.В.Сталина и его возможном преемнике: Н.С.Хрущеве. Как он отреагировал на эти известия, мы не узнаем. Все эти дни его навещала сестра Агния Алексеевна – в своих письмах к ней он с любовь называет имена своих сыновей.

Сергей Алексеевич Полянцев умер 14 апреля 1953 года. Ему было 50 лет...

Спустя два десятилетия после его смерти, в Челябинске произойдет важное событие. По предложению архитектора Е.В.Александрова, который в Великую Отечественную войну воевал на «катюше», возле Дворца культуры завода им. Колющенко 19 ноября 1973 года на гранитном постаменте встала боевая машина БМ-13 с укрепленными на направляющих макетами снарядов. На постаменте было написано:

«Создателям гвардейских минометов –
Оружия отмщения и побед –
С великой благодарностью».

Это и ему, Сергею Полянцеву, памятник...

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

Для сотен тысяч людей дело всей жизни – это именно Дело, которому год за годом отдаешься без остатка. Сначала оно воспринимается призванием, а затем становится судьбой. В иной системе координат мы просто не поймем человека, который это дело вершит – без оглядок на моду или престиж, зато всегда под высоким напряжением.

Именно с Георгия Алексеевича в роду Полянцевых получит свою «прописку» энергетика – в нескольких поколениях.

Георгий Алексеевич Полянцев родился 2 июня 1918 года. Родился, как и все дети Алексея Захаровича, «вдоль железной дороги» – на станции Анжеро-Судженск, что в 115 километрах от Кемерово.

Из ранних детских воспоминаний Георгий Алексеевич рассказывал историю с кроликами, которых он начал разводить для продажи. С тачкой, пешком, специально ходил за несколько километров на заливные луга, где росла вкусная сочная трава. Но однажды кролики заболели и одновременно все умерли. Это произвело на маленького Георгия сильное впечатление. Почувствовал, что домашняя живность – это не его стихия.

Когда Георгию исполнилось 12 лет, его разъездное, станционное детство завершилось – в начале 1930-х годов отец наконец-то остановился и обжился в Челябинске: недалеко от завода им. Колющенко. Сын продолжил учебу в железнодорожной школе, которая считалась одной из лучших в Челябинске.

«До девятого класса Георгий учился с нами в одном классе, но затем его почему-то перевели в параллельный десятый, – вспоминает его одноклассница Надежда Александровна Рудых. – Он был хороший ученик, успевал по всем предметам. Помнится, что любил шутить, часто посмеивался над нами, девчонками. А еще они, ребята, побывав в челябинском цирке, увидев там соревнования по классической борьбе, часто во время перемены закрывали классную комнату на ножку стула и устраивали поединки».

Удивительное дело, как порой переплетаются судьбы отцов и детей. Близким другом Алексея Захаровича был революционер Семен Осокин, а закадычным другом Георгия стал его сын Борис Осокин. Это была очень яркая дружба, не разлей вода, на всю жизнь.

Однажды, незадолго до выпускного, в школу приехал военный из Одессы, стал агитировать ребят поступать в Одесское летное училище. Георгий с Борисом загорелись желанием стать летчиками; к тому же подобный пример уже показала мальчишкам Агния Полянцева.

Получив хорошие аттестаты с высокими оценками, друзья сорвались в Одессу. Приехали, сдали документы, и здесь выяснилось, что училище – не летное, а пехотное. Перспектива «топтать землю» никак не привлекала. Ребята хотели было забрать документы – не отдают, под разными предлогами оставляют в училище. По рассказам Георгия Алексеевича внуку Сергею, он и Осокин в Одессе оказались в разных ситуациях: Борис, поняв, что их обманули, схитрил и не стал сдавать вступительные экзамены и, соответственно, его не могли зачислить, поэтому документы ему вернули. А Георгий экзамены сдал и был уже зачислен. Чтобы вернуть документы, ему сначала пришлось идти на комиссию. Затем, получив отказ, он пошел к начальнику пехотного училища. Решал вопрос возврата его документов чуть ли не лично легендарный герой гражданской войны, командарм 1-го ранга и командующий войсками Киевского военного округа И.Э.Якир.

Хорошо, что не поступил в летное училище и не стал летчиком. Позднее выяснилось, что у него слабый вестибулярный аппарат, и он не может переносить даже простые полеты на самолетах – позднее в командировки всегда ездил только на поезде.

Между тем, время для поступления было упущено. Георгий и Борис – опять же вдвоем – садятся за учебники и методично штудируют предметы, которые



Георгий Алексеевич Полянцев.

предстоит сдавать на экзаменах. Выбор Полянцева пал на Томский технологический институт – по примеру старшего брата Сергея, который всегда был для него непререкаемым авторитетом.

Георгий Алексеевич вспоминал, что ситуация осложнялась тем, что ему фактически пришлось выбирать: или идти зарабатывать деньги себе на пропитание, либо заниматься самоподготовкой, но тогда его должен был кто-то содержать. Он пришел к отцу и спросил напрямую:

– Сможешь ли ты прокормить меня еще один год, для того чтобы мне можно было подготовиться к поступлению в институт?

Ответ был положительным...

Это разговор характеризует его уже в столь раннем возрасте как ответственного по отношению к родителям и многодетной семье и как человека, который обладает высокой степенью сознательности, самоорганизации и дисциплины.

Томский технологический институт располагался в нескольких корпусах. Желание стать инженером – похвально, но нужно было определиться с профилем. Проходя мимо одного из зданий, которое приглянулось своей архитектурой, Георгий решил зайти. Внутри всё сверкает, всё чисто и красиво. Оказалось – энергетический факультет. Сюда и подал документы.

Это было в 1937 году. А в январе 1938 года арестовали отца Алексея

Захаровича, объявив его «врагом народа». Та же беда случилась и с Борисом Осокиным – был арестован не только его отец, но и мать и две сестры. Слишком в жестоких обстоятельствах друзья входили во взрослую жизнь...

Учился Георгий хорошо, вникая в предметы по максимуму. Иначе и быть не могло, когда осознаешь, что все теперь зависит только от себя самого. Рассчитывать было не на кого, к тому же «сыну врага народа». Чтобы прожить и элементарно не умереть от голода, нужна была хотя бы стипендия – ее давали лишь тем студентам, которые имели 75 процентов отличных оценок и 25 процентов – хороших. Поэтому в каждую сессию «битва за пятерку» становилась борьбой за жизнь.

Впрочем, к хорошей учебе располагал и сам институт, имевший достаточно высокий уровень технического оснащения и несколько учебных корпусов.

«Особенно запомнилась наша большая лекционная аудитория, в которой проходили лекции сразу для нескольких групп, – рассказывал Георгий Алексеевич. – Здесь была «хитрая» доска. Исписав ее, преподаватель просто поднимал доску вверх и продолжал писать мелом на второй чистой доске, которая была под ней. Вообще, преподавательский состав был очень сильным. В основном это были профессора дореволюционной школы. Они развивали в студентах не только знание предметов, но и культуру общения, тягу к новому, интерес к необычным методикам. Именно там я научился, например, выполнять расчеты в уме с использованием больших чисел».

Как и другим студентам, Георгию не хватало денег на проживание, поэтому приходилось подрабатывать на разгрузке железнодорожных вагонов на вокзале. Но юность справляется со всеми трудностями. В институте Г.А.Полянцев играл в футбол и позднее передал любовь к этой игре своим сыновьям. Зимой играл в русский хоккей с мячом (канадский хоккей с шайбой появился в СССР гораздо позже), хорошо катался на коньках, сдавал нормы ГТО. Кстати, однажды ради этого пришлось даже прыгнуть на лыжах с трамплина, не имея специальной подготовки – к счастью, закончилось все успешно.

Весной 1941 года Георгий приехал в Челябинск – проходил практику на строящейся Челябинской тепло-электроцентрали (позже ее станут именовать ЧТЭЦ-1). Это была уже вторая электростанция в Челябинске. Первая: ЧГРЭС (Челябинская государственная районная электростанция) – была введена в эксплуатацию еще в 1930 году по плану государственной электрификации России (ГОЭЛРО).

Именно с Челябинской ТЭЦ-1 будет связана судьба трех поколений Полянцевых...

Без преувеличения: рождение этой станции проходило в муках. На Урале, пожалуй, сложно найти другой такой объект генерации, по которому принимались столь нестандартные и противоречивые решения.

Решение о ее строительстве было принято еще в 1934 году, после выбора площадки для строительства. Этим вопросом занимался Владимир Александрович Радциг, удивительный человек, представитель обрусевшей немецкой династии, давшей России несколько выдающихся ученых и инженеров. 8 сентября 1934 года на большом совещании в «Уралэнерго» после убедительных аргументов В.А.Радцига вопрос с площадкой был решен. Еще три месяца ушло на подготовку технического проекта. 30 декабря, под новогоднее шампанское была утверждена и генеральная смета. Первая очередь строительства включала постройку четырех котлов мощностью 200 т пара в час и двух турбогенераторов мощностью 25 МВт.

Вообще, именно с мощностью станции не могли долго определиться. Как следствие, возникла чехарда с проектно-сметной документацией – она переделывалась буквально на ходу, под новые условия и задачи. Разбег в проектах строительства Челябинской ТЭЦ по мощности был огромным: от 50 до 225 МВт. Также не могли определиться по оборудованию: работать на среднем или высоком давлении. Следом возникли разногласия по количеству и типу котлов.

«В один далеко не прекрасный день к нам в трест «Теплоэнергопроект» приехали из наркомата и объявили, что отныне разрешается строить электростанции только мощностью не свыше 25 МВт, а Челябинская ТЭЦ планировалась намного мощнее, – вспоминал В.А.Радциг. – Мы были потрясены, но пока ничего сделать не могли. Кто подсказал такое нелепое решение, мы не знали, но, конечно, оно перевернуло и нарушило на время всю нашу работу».

Причины такого решения были продиктованы усложнившейся международной обстановкой: милитаризацией Японии и экспансией германского фашизма в Европе и Африке. Мотив был понятен – требовалось обеспечить безопасность в случае авианалетов и бомбардировок. Одна большая станция гораздо уязвимее, чем десять маленьких.

В книге «Энергия победы» указано, что стратегическая корректировка развития энергетики была директивно закреплена на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года в Москве. Высший партийный форум постановил: «В строительстве тепловых электростанций перейти к небольшим и средним электростанциям в 25 тысяч киловатт и ниже». В соответствии с принятым решением были пересмотрены проекты строившихся или намеченных к сооружению электростанций.

С каждым подобным решением вносились изменения в проект – и на местах приходилось заново переделывать, перестраивать. Начальнику строительства, разведчице времен гражданской войны и жене красного командира Николая Щорса Фруме Ефимовне Ростовой можно было лишь посочувствовать...

Все предвоенные годы строительство откровенно буксовало, и это тоже бросалось в глаза. Какую станцию увидел молодой Георгий Полянцев, когда прибыл на практику весной 1941 года?

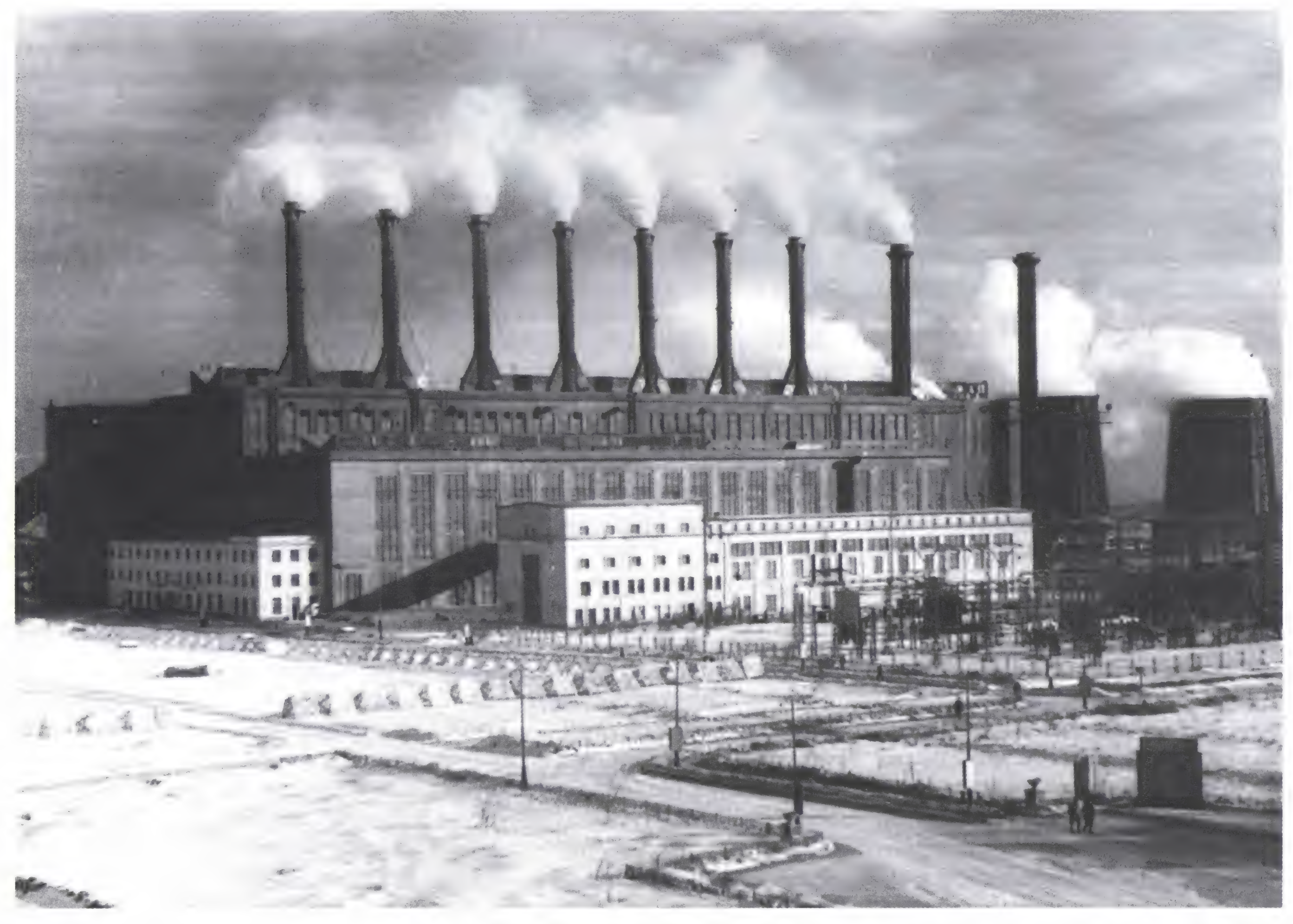
«К этому времени на будущей ТЭЦ была построена основная часть машинного зала, половина котельной и служебный корпус. Первый котел был смонтирован на две трети, а турбина – и того меньше: лишь на четверть. Даже забора у ТЭЦ не было – площадку начали огораживать в самом начале войны».

Прорыв в строительстве станции начался примерно через месяц после начала войны в августе 1941 года, когда на промплощадку прибыло два строительных батальона по тысяче человек каждый. Также в Челябинск из Москвы прибыла бригада проектировщиков – благо, было принято окончательное решение по мощности: до 150 МВт.

Вскоре начало поступать оборудование с эвакуированных станций. Его «подгонка на местах» потребовала не только невероятных усилий, но и нестандартных инженерных решений. Энергетики с этим справились – впервые пар от котла на первую турбину Челябинской ТЭЦ был подан в последний день 1941 года. А официально станция была введена в эксплуатацию 18 января 1942 года, именно эта дата и считается днем рождения электростанции:

«18 января 1942 года был жуткий мороз. По всему машинному залу горели «мангалы» – жаровни, сделанные наспех из карбидных банок. Люди с горящими факелами обогревали арматуру, водоводы, дренажную систему, не допуская их замерзания. Уже растоплен котел, идут операции по подготовке турбины к толчку, на ходу устраняются отдельные дефекты. Наконец, ротор турбины начинает вращаться: набирать обороты. И вот генератор включен в сеть – станция стартовала, родилась...»

Великая Отечественная война, безусловно, изменила ход событий. Когда 22 июня 1941 года объявили о нападении фашистской Германии на СССР, институт сразу отозвал студентов с практики для продолжения учебы в ускоренном порядке. Вернувшись в Томск, Георгий Полянцев и многие его сокурсники направились прямиком в военкомат с просьбой отправить на фронт. Георгий сходил в фотосалон, сфотографировался, подписал фото и отправил письмо матери. После рассмотрения заявления, поданного в военкомате, им было отказано. Суть в том, что в июле 1941 года Государственный Комитет Обороны принял Постановление, согласно которому в целях сохранения кадровой укомплектованности коллективов рабочий и инженерно-технический персонал энергетических организаций не подлежал мобилизации. Введенный режим бронирования кадров исключал и возможность добровольного ухода на фронт. «Здесь тоже фронт» – такова была царившая на предприятиях атмосфера. Более того, в сентябре 1941 года из действующей армии



Челябинская ТЭЦ-1. 1944 год.

были отозваны 2 тысячи инженеров-энергетиков.

В начале июня 1942 года Георгий Полянцев получил диплом инженера за номером 485131:

«Предъявитель сего тов. Полянцев Георгий Алексеевич в 1937 г. поступил и в 1942 г. Окончил полный курс энергетического факультета Томского, Ордена Трудового Красного Знамений, Индустриального Института им. С.М.Кирова по специальности Паровые двигатели и установки, промышленное использование тепловой энергии, и решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 1 июня 1942 года ему присвоена квалификация инженера-теплотехника».

Следом новоиспеченный инженер был направлен на строительство Челябинской ТЭЦ-1. Правда, перед этим он серьезно заболел и еле остался жив. Сохранилась выписка из истории болезни:

«Больной Полянцев Г.А. перенес крупозное воспаление легких. Заболевание носило крайне тяжелый характер и протекало по типу ползучей пневмонии. Температура держалась на высоких цифрах в течение 13 дней. Острый период характеризовался тяжелым поражением центральной нервной системы, результатом чего было бессознательное состояние, бред, общее возбуждение... Общее состояние при выписке удовлетворительное. Необходимо больному усиленное питание, достаточное количество жиров, углеводов, витаминов, умеренный труд и свежий воздух».

Стоит ли говорить, что рекомендации врачей окажутся безответными, едва Георгий Полянцев переступил порог ТЭЦ.

Вернувшись на станцию, Г.А.Полянцев не мог не оценить той колоссальной перемены, происшедшей за первый военный год. Именно с Челябинской ТЭЦ по всей стране пошла практика параллельного строительства фундаментов под котлы и скоростного монтажа узлов оборудования, что вдвое сокращало сроки строительства. Строители станции сами разработали и установили специальные портальные краны грузоподъемностью до 70 тонн, которые перемещали по площадке блоки котельного агрегата. Гигантский промышленный котел – это 40 тысяч деталей и элементов, 129 тысяч погонных метров труб, 45 миллионов болтов и гаек. Сложный трудоемкий монтаж выполняли молодежные бригады – мальчишки и девчонки, выпускники фабрично-заводских училищ, которым еще и 18 лет не было.

Много позднее легендарный первый секретарь Челябинского обкома партии Николай Семенович Патоличев, который в начале 1942 года практически каждое утро бывал на станции, напишет об этом в книге воспоминаний «Испытание на зрелость»:

«Лимитирование в подаче электроэнергии оборонным заводам, включая Кировский танковый, постепенно возрастало. Это вызывало большое беспокойство и у нас – обкома партии, и у руководителей предприятий. Выход был один – форсировать строительство Челябинской ТЭЦ. Государственный Комитет Обороны принял постановление на этот счет. Мощность станции составляла всего 50 тысяч киловатт. Требовалось быстро смонтировать один 100-тысячный и два 50-тысячных агрегата.

«Электростанция с мощностью 250–300 МВт – разве это проблема?» – подумает иной. Но тогда эти мегаватты нас спасли. Тогда паровая турбина в 100 МВт была единственной в стране. На Сталиногорской ГРЭС перед войной работало два турбогенератора. При эвакуации удалось доставить на Урал только один. Оперативно собрали пленум областного комитета. Накануне позвонил личный помощник Сталина А.Н.Поскребышев: «Получили постановление по Челябинской ТЭЦ? Пригласите на пленум директоров некоторых заводов. Сталин сказал, что секретарь Челябинского обкома имеет опыт строительства оборонных рубежей и строить Челябинскую ТЭЦ надо так же быстро, как строились эти рубежи».

«Оборонные рубежи» – именно такое значение придавалось в начальный период войны Челябинской ТЭЦ. Отсюда и пристальное внимание к строительству со стороны наркома электростанций Д.Г.Жимерина, докладывавшего лично Сталину о состоянии дел.

Этот «стратегический нерв» был натянут и в воспоминаниях Г.А.Полянцева, который очень точно определит «болевые точки» энергетики тех лет:

«Только в Челябинскую область было эвакуировано около 200 заводов. Оборудование многих заводов, смонтированное на фундаментах в невероятно сложных условиях войны, в помещениях без крыш, на открытом воздухе, порой простаивало – катастрофически не хватало электрической энергии. На весь довоенный Челябинск имелась одна электростанция – ЧГРЭС, ее мощность составляла 150 МВт, да еще паросиловая станция ЧТЗ – 3–5 МВт. Энергосистемы, связывающей все районные электростанции Урала, до войны еще не существовало. Мощности ЧГРЭС хватало только на действующие заводы, для эвакуированных предприятий ее просто не оставалось. Учитывая это, Челябинский обком партии утвердил почасовой график работы каждого цеха каждого оборонного завода. Вот почему строительство Челябинской ТЭЦ-1 с первых же дней войны было по своему значению приравнено к сооружению укрепленных районов на фронте».

ТЭЦ, по сути, являлась военным объектом. Был установлен строжайший пропускной режим и дисциплина. По рассказам Георгия Алексеевича, во время войны строящуюся станцию охраняли автоматчики, вход на территорию контролировался НКВД и осуществлялся только по спецпропускам.

Г.А.Полянцев получил такой пропуск 17 июня 1942 года. Эта дата является первой записью в его трудовой книжке: «Зачислен на работу в качестве помощника мастера по монтажу паровых турбин». Но прошло менее месяца, и он уже – мастер, а через два года – прораб на участке турбомонтажа...

В своих воспоминаниях о военных годах Г.А.Полянцев писал:



ЕДАКЦИЯ
тальстве
ой ГРЭС
Сталина

8
Августа
1946 год.

ФОТО-газета

онтаж турбины

ци, эта турбина даст ток Москве

***

ответственная задача
ктивом турбинного цеха:
чественно смонтировать
ячную турбину, первую
высокого давления такой
урбина даст ток нашей
-родной Москве.
тремятся как можно
выполнить порученную
о том, что в результа-
ярче будут гореть огни
, еще больше получат элек-
ские заводы—вдохновляет
вые подвиги.
ха возглавляет опытный,
свое дело, монтажник
Павлович Блюдин. Тур-
кой ГРЭС—это тридца-
рбина, которая монти-
уководством.
тажники! У вас богатый
о энергии и силы. Ра-
, чтобы стотысячная тур-
скорее дала ток нашей

СВЕРХУ ВНИЗ: слесарь Павленко Алексей протирает подшипник ротора.

Слесарь тов. Струцинский за пригонкой контрольных шпилек цилиндра.

Тов. Доценко, слесарь, проверяет крепление тросса перед под'емом детали турбины.

Прораб турбинного цеха тов. Полянцев проверяет золотники на турбопитательном насосе.

***

***

СВЕРХУ: Установка проверочной линей
СПРАВА: Шеф-мастер по монта
турбины ордена Ленина ленинградс
металлического завода имени Сталина
Колобов проверяет по уровню устан
цилиндра низкого давления.

***

й редакции „Правды" на строительстве ГРЭС

Фото-газета. Монтаж турбины Сталиногорской ГРЭС. *1946 год.*
На фото внизу – Г.А.Полянцев.

«Нам предстоял монтаж турбогенератора № 3 мощностью 50 МВт – это была огромная мощность по тем временам. Фундамент под монтаж мы приняли в начале сентября 1942 года. В это же самое время началась битва под Сталинградом. Требовались танки, боевая техника, заводы задыхались от недостатка электроэнергии. Нам была поставлена задача: пустить блок турбина-котел в декабре – то есть за три с половиной месяца. До войны эта турбина, перевезенная из Сталиногорска, монтировалась более года...»

Ему, молодому мастеру-инженеру, был поручен монтаж всего «низа» турбины, включая всё вспомогательное оборудование. Но именно с этого низа турбины начинается профессиональное восхождение.

В эти дни Г.А.Полянцев заведет небольшую «справочную книжку» – своего рода, профессиональный дневник, который много позднее передаст своим внукам с просьбой «сохранить ее как память о вашем дедушке». 1942 годом датированы опасения, что если затянется начало монтажа, то и машину полностью подготовить не получится. Отмечал, что «чрезвычайно важным вопросом, иногда лимитирующим моментом, является отсутствие прокладок», а также, что «нужно должное внимание уделить вопросу шабровки, так как эта работа чрезвычайно трудоемкая».

Третий турбогенератор стал «трудовым крещением» Георгия Полянцева. Под новый котлоагрегат, прежде всего, расширили площадку для монтажа. Вынос сборки узлов блока за пределы фундамента позволил применить так называемый блочный метод сборки с использованием мощных кранов. Организаторы такого новшества С.Гончаров, Д.Винницкий, Н.Гурандо, Ф.Сапожников стали лауреатами Сталинской премии – первыми среди челябинских энергетиков.

«Каждый, кто трудился на монтаже турбины, понимал, что там, на фронте, под Сталинградом, еще тяжелее, что без нас невозможна работа оборонных заводов, выпуск военной техники и боеприпасов, – вспоминал Г.А.Полянцев. – И все-таки нам удалось уложиться в срок. Третий турбогенератор был смонтирован менее чем за четыре месяца. Когда турбина была пущена и набрала полные обороты, всех пригласили в столовую на «банкет», где впервые за все последние месяцы подали каждому по мясному шницелю. Вот так, смертельно уставшие, но радостные и счастливые, мы и отметили ввод в эксплуатацию мощного турбогенератора ЧТЭЦ».

Рассказывал Георгий Алексеевич и о буднях военного времени:

«Нормальный рабочий день у нас, турбинистов, составлял 14–15 часов в сутки. В октябре 1942 года ведущие бригады цеха перевели на казарменный режим. Продолжительность рабочего дня теперь часто превышала 16–18 часов и определялась суточным заданием, до того как оно будет выполнено, никто не уходил на отдых.

А отдыхали мы так: на отметке «8» деаэраторной этажерки, рядом с действующим оборудованием, была сооружена из досок площадка, а на ней установлены в два ряда топчаны с матрасами и подушками, набитыми соломой. Так что на протяжении 1–1,5 месяцев, до завершения монтажных

работ (ноябрь 1942 года), отдыхать приходилось нередко по 4–5 часов в сутки. Работали без выходных. Домой отлучались на несколько часов, лишь с разрешения начальника цеха, чтобы поменять белье.

Кстати, жил я тогда на расстоянии от ТЭЦ в 6–7 километров, ходил на работу пешком. Дело в том, что из-за перебоев с электроэнергией трамваи часто не ходили. Автобусов не было. Весь автотранспорт был мобилизован и отправлен на фронт».

Еще одну фразу времен Великой Отечественной войны нужно читать буквально: «Страна последнюю краюху хлеба фронту отдавала». Чувство голода было постоянным, тотальным, всеобъемлющим. Г.А.Полянцев писал:

«Вот примерное меню нашей рабочей столовой того времени. По талону УДП – усиленное дополнительное питание – можно было получить суп-баланду, заправленный ржаной мукой, или щи с капустой (без жиров), кашу или картошку с десятью граммами жира, на третье – суфле или кисель. Хлеба давали 200 граммов. Сахара было положено на месяц 300 граммов. Жиров (растительное масло) – тоже 300 граммов. Талоны УДП выдавались дополнительно к норме месячного питания по карточкам. Такой напряженный труд, полуголодное состояние приводили к тому, что многие страдали дистрофией».

Однажды, уже много позднее, Георгий Алексеевич расскажет своему сыну Олегу о тех эмоциях, которые они испытывали:

– Было полное ощущение, что у тебя живот к позвоночнику прилипает. Мы искренне хотели попасть на фронт, на передовую, чтобы хотя бы раз поесть нормально. А там будь что будет...

Предельно тяжелыми оказались и бытовые условия. Так, к декабрю 1941 года в результате эвакуации население Челябинска возросло со 150 до 450 тысяч человек, то есть в 3 раза. «Город был не готов к такому наплыву людей. Расселение прибывавших проводилось, главным образом, за счет уплотнения горожан. Челябинск жил по карточкам. «К скудности продуктовых карточек добавилась проблема их отоваривания. На 30 градусном морозе люди ночами стояли в очередях, проводя бесконечные переклички и сверки номеров, записанных обломком химического карандаша на коченевших ладонях, в том числе и самых маленьких детей. Отоваривание карточек было проблемой физического выживания, поскольку на рынках цена буханки хлеба вместо государственной, 1 руб. 50 копеек, доходила до 800 рублей, примерно половины средней зарплаты на главном предприятии Челябэнерго – Челябинской ГРЭС. Чуть легче стало к лету 1943 года, когда работникам станции нарезали под огороды небольшие участки земли в пойме реки Миасс».

Тем не менее, суровое и напряженное время, сложность пусковых объектов заставляли мобилизовать не только все силы, но и включать мозги на полную мощность. Причем, не только в инженерном плане – важно было правильно организовать саму работу. Георгий Алексеевич отмечал в воспоминаниях, что именно в годы войны на станции «родилась система бригадного подряда по инициативе бригадира Василия Щербака, который еще за скоростной монтаж получил орден Ленина, а потом стал Героем Социалистического Труда. Ценил Г.А.Полянцев и добрые отношения, которые связывали строителей и монтажников с эксплуатационниками. Со многими был близко знаком: с начальником турбинного цеха В.Крыжановским и будущим директором ТЭЦ Д.М.Васиным. Запомнился талантливый турбинист А.И.Кудрин, который работал старшим мастером по ремонту и которому сдавали центровку турбины.

И всё же иногда организация работ давала сбои.

«Для второй очереди турбинного цеха были смонтированы металлоконструкции, но их не успели закрепить из-за временного отсутствия ригелей и болтов, – рассказывал Георгий Алексеевич. – Дело было летом, стояла сильная жара, и вдруг налетел сильный смерч. На моих глазах он обрушил колонну с фермой. В течение 3–5 минут восемь осей конструкции превратились в груду металлолома. Погибли два человека. У главного инженера монтажной организации враз поседела голова...»

Кроме того, целый ряд объектов станции был принят на скорую руку, с недоделками, «во временную эксплуатацию». В котельном и турбинном залах окна были заколочены листами фанеры, зимой сквозил такой холод, что топливо смерзалось, а транспортерные ленты безнадежно буксовали. Доставалось и людям, и лошадям – на них вывозили золу, которая быстро скапливалась, – не было даже конюшни, и лошади ночевали прямо у котельного цеха, где и трудились.

Все эти неурядицы, которые попадались на глаза каждый день, помогут Г.А.Полянцеву осознать еще один важный момент: запустить энергоблок или станцию целиком – это еще половина дела; важно довести ее до ума, научить ее работать, как часы...

Последним крупным строительством военных лет стал монтаж турбогенератора № 5 мощностью 100 МВт.

«В декабре 1943 года был закончен монтаж турбогенератора № 5, опять в рекордно короткий срок: затратили 4,5 месяца вместо полутора лет, за которые этот же самый агрегат смонтировали прежде на Сталиногорской ГРЭС, – вспоминал Г.А.Полянцев. – Новый 1944 год я встречал, находясь на вахте, во время 72-часового испытания ТГ-5. В ночь с 31 декабря на 1 января к нам на Челябинскую ТЭЦ приехали первый секретарь обкома партии Н.С.Патоличев и заместитель наркома И.И.Дмитриев. Они тепло поздравили вахту эксплуатационников и нас, монтажников, с Новым годом, пожелали скорейшей общей победы над фашистской Германией».

Когда этот агрегат вступил в строй, строители и монтажники рапортовали о своем успехе Кремлю. В ответ получили от Сталина благодарственную телеграмму...

С пуском нового турбогенератора мощность станции возросла до 250 МВт, и «электрический голод» на предприятиях Танкограда был во многом преодолен. Но оставалась проблема нехватки паровой мощности.

«Нам предстояло изготовить непосредственно на площадке два прямоточных котла и смонтировать их, – отмечал Г.А.Полянцев в своих воспоминаниях. – Нам, турбинникам, поручили монтировать все механизмы котлов. Прорабом участка назначили меня. Это было в июле 1944 года...»

С этой задачей монтажники справились успешно, а Г.А.Полянцев приобрел не только профессиональный, но и организационный опыт. Много позднее Георгий Алексеевич искренне напишет:

«Оглядываясь сейчас на события, происходившие в дни Великой Отечественной войны и после, когда удалось быстро восстановить всё разрушенное, я задумываюсь: чем же можно было объяснить это «русское чудо»? Источниками нашей силы были патриотизм, ненависть к фашистам, беспредельная преданность Родине. Все мы понимали: я должен сделать всё, чтобы ускорить Победу, помочь фронту. Слово «надо» – было приказом совести каждого...»

Итоги энергетического прорыва в годы войны можно полноправно назвать Победой. Только за 1942 год были пущены Челябинская ТЭЦ-1, Пермская ТЭЦ-6, Кировская ТЭЦ-3 и целый ряд других электростанций, имевших оборонное значение. К 1944 году генерирующая мощность в операционной зоне ОДУ Урала выросла почти в два раза по сравнению с довоенной. 23 апреля 1944 года принято персональное Постановление ГКО «О мероприятиях по обеспечению работы Челябинской ТЭЦ на полную мощность 250 МВт». Задача была выполнена – в победном 1945 году станция набрала проектную мощность и стала одной из самых мощных в Союзе. Этот успех по праву находился и в личном багаже Георгия Полянцева, которому не было еще и тридцати лет....

Едва отгремела война, как его судьба начинает делать первые серьезные повороты. После Челябинской ТЭЦ Г.А.Полянцева переводят на котельно-механический завод, который располагался по соседству, будучи эвакуированным из Харькова в 1941 году. В годы войны завод работал исключительно на строительство централи, изготовляя механическое оборудование, и работал в две десятичасовых смены. Заводчане, как и энергетики, жили по принципу: «Не выполнил сменное задание – не уходишь домой». Их силами монтировались котлы и турбогенераторы. С участием рабочих и инженеров механического завода были изготовлены и смонтированы те самые специальные портальные краны, которые перемещали по площадке ТЭЦ огромные блоки котельного агрегата.

На новом месте Полянцев исполняет обязанности главного механика. Только не очень у него заладились отношения с руководством завода, так что здесь он проработал около года. Причина, скорее всего, в том, что уже в первый послевоенный год Челябинский механический завод «лег в дрейф» от энергетики к транспортному машиностроению, к грузоподъемной технике.

Сегодня сложно установить, кому пришла в голову идея сменить котельный профиль механического завода на крановый. Было очевидно, что страна, опаленная войной, крайне нуждается в такой технике. Осознавал это и директор завода Василий Алексеевич Лапшин – именно при нем в 1946 году вышел из заводских цехов первый автокран грузоподъемностью три тонны, смонтированный на базе шасси легендарного «ЗИС-5».

Эта тема «не легла на душу» Г.А.Полянцеву. Он направил письмо в Москву с просьбой перевести его на другое место работы. Кстати, знал: кому писать и куда проситься – в наркомат электростанций, который искал профессиональные кадры на строительство Сталиногорской ГРЭС (ныне Новомосковск).

«Желая личным трудом принять участие в восстановлении разрушенных немцами электростанций, – писал Г.А.Полянцев в автобиографии 1979 года, – я по личной просьбе был направлен приказом заместителя наркома электростанций в распоряжение монтажного треста «Мосэнергомонтаж» на восстановление самой крупной (до войны) электростанции страны – Сталиногорской ГРЭС».

Его путь лежал под Тулу, где когда-то находилось имение незаконнорожденных детей графа Орлова и императрицы Екатерины II – Бобрики. На волне советской индустриализации небольшой городок превратился в Сталиногорск, рядом было выстроено крупнейшее предприятие химической промышленности – НПО «Азот», а для его нужд – Сталиногорская государственная районная электростанция (ныне Новомосковская ГРЭС).

В справке по истории станции указано, что 21 ноября 1941 года всего за четыре дня до захвата города немецкими войсками была завершена эвакуация оборудования, в том числе того самого турбогенератора мощностью 100 МВт, который и монтировал в Челябинске Г.А.Полянцев. Город пробыл в оккупации всего 17 дней, но этого хватило, чтобы всё пришлось начинать с нуля. 26 октября 1942 года, когда был пущен новый турбогенератор, принято считать вторым днем рождения Сталиногорской ГРЭС.

Первые впечатления Г.А.Полянцева от Сталиногорска оказались гнетущими. Он приехал в марте 1946 года – в самую весеннюю распутицу, холодную и грязную. По дороге на станцию увидел колонну заключенных, строивших ГРЭС, – они стояли на коленях на раскисшей обочине под дулами автоматов. Оказалось, что со станции сбежали двое заключенных, и остальных держали на коленях до тех пор, пока беглецов не нашли.

«Георгий Алексеевич иногда рассказывал о случаях бегства заключенных, – вспоминают родные. – Однажды беглецы попытались выбраться по монтируемым водоводам за пределы станции, которая находилась под охраной. Но поскольку монтаж и сварка стыков шла параллельно в не-

скольких местах вдоль трассы, выбраться из него они так и не смогли: их так и не нашли, скорее всего их заварили в трубе, из которой они не смогли выбраться...»

Впрочем, объемы работ и сложность оборудования быстро вытеснили суровые картины послевоенной жизни. 21 мая 1946 года Полянцева принимают прорабом в строящийся турбинный цех Сталиногорской ГРЭС, затем через месяц – старшим прорабом. В это время энергетики Сталиногорска получили еще один турбогенератор высокого давления мощностью в 100 МВт, самый современный на тот момент в Советском Союзе – с водородным охлаждением. Именно этот турбогенератор оказался предметом профессионального интереса Г.А.Полянцева – хотелось увидеть, изучить, потрогать собственными руками, сравнить с предшественником.

Стотысячная турбина для Сталиногорской ГРЭС была настоящим венцом инженерной и конструкторской мысли того времени. Проект турбины был разработан в небольшом уральском городке Верхняя Салда в Свердловской области, куда были эвакуированы конструкторы Ленинградского металлического завода им. Сталина. По возвращении в освобожденный город, ленинградцы сразу приступили к воплощению своего замысла. Новой турбиной искренне восхищались не только профессионалы, но и журналисты, рассказывавшие на страницах газет, что «турбина рассчитана на давление пара в 90 атмосфер и температуру в 500 градусов при трех тысячах оборотов в минуту» и не имеет аналогов за рубежом. При небольшой массе в 265 тонн, как и у ее предшественников, количество атмосфер выросло в три раза. «На заводе разработали 3500 технологических процессов и около 3000 чертежей на приспособления и инструменты. Новая турбина имеет 43 тысячи деталей. Около 30 платформ с частями турбины шли из Питера в Сталиногорск».

Г.А.Полянцев тоже попадет в газетную хронику строительства Сталиногорской ГРЭС, одной из ключевых станций Московского энергетического узла. 8 августа 1946 года в «Фото-газете» появится снимок с подписью: «Прораб турбинного цеха тов. Полянцев проверяет золотники на турбопитательном насосе».

Он и сам «возьмется за перо». В газете Ленинградского металлического завода в 1946 году появилась подборка материалов «Говорят монтажники стотысячной турбины».

«Трудно дать заключение о качестве вспомогательного оборудования до его опробования. Но общее впечатление – сделано хорошо, – писал Г.А.Полянцев. – Мне пришлось вести работы на монтаже эжекторов, подогревателей низкого давления, конденсатных, циркуляционных и турбомасляного насосов. В процессе опрессовки выявлена безупречность вальцовки, плотность всех соединений».

Будет и замечание к ленинградцам – достаточно показательное для будущего директора Челябинской ТЭЦ-2 и организатора производства:

«Хочется сделать замечание в отношении транспортировки оборудования. Не зная, что прибывает с данным узлом, тратишь много времени на поиски нужной детали. Желательно поэтому, чтобы все отправляемые грузы сопровождались подробной описью мест».

В ноябре 1948 года на станции вводится в эксплуатацию второй турбогенератор мощностью в 100 МВт, и Сталиногорская ГРЭС опять становится крупнейшей в Европе тепловой электростанцией.

В Сталиногорск Георгий Полянцев приехал не один – с женой Ольгой Григорьевной, врачом. В 1947 году в Сталиногорске родится сын Владимир, в 1951 году в Ярославле – Олег. Семья всегда была рядом – Георгий Алексеевич вспоминал, как старший брат Сергей наставлял его:

– Везде, где бы ты ни был, куда бы ни поехал, не оставляй семью...

«Вообще, Георгий Алексеевич был «нетипичным» монтажником, – улыбаются близкие. – Например, он не пил, не курил, был отличным семьянином. Это при том, что, как правило, монтажники вели кочевой и не всегда здоровый образ жизни. Георгий Алексеевич всегда был подтянут, не имел лишнего веса, регулярно занимался гимнастикой. Она была его спутницей и далеко после 60 лет».

В марте 1948 года, как это видно из трудовой книжки, семья Георгия Полянцева перебралась в небольшой городок Алексин в той же Тульской области – здесь, на Алексинской ТЭЦ, построенной в самый канун войны и восстановленной после боев, Г.А.Полянцев работал начальником турбинного цеха.

Отсюда родом – крепкая мужская дружба с Владимиром Михайловичем Фролышевым. В советские годы он возглавлял сектор энергетики в отделе тяжелой промышленности ЦК КПСС. Это не просто высокая должность в столичных партийных кабинетах – именно начальники секторов отвечали за подготовку решений. К слову, Георгий Алексеевич дружеские отношения не использовал в личных целях, хотя о его «выходах на Москву» в Челябинске 1960–70 годов хорошо знали и считались с этим.

А пока в конце 1940-х годов на Алексинской ТЭЦ Полянцев словно «переуступит» Фролышеву партийную карьеру. Георгию Алексеевичу предложили перейти на партийную работу. Он отказался: не мое, и предложил кандидатуру Фролышева. Этот его выбор, кстати, одобрил и старший брат Сергей. Вместо Полянцева секретарем парткома тогда избрали В.М.Фролышева...

Стихией Полянцева был монтаж – возможность самому на кончиках пальцев держать промышленные шедевры, воспринимать паровую турбину и генератор как произведение искусства.

Сразу после Алексина Г.А.Полянцева направили на строительство Щекинской ГРЭС. Здесь главным инженером работал В.А.Крыжановский – с ним впервые судьба свела еще на строительстве Челябинской ТЭЦ-1, где Владимир Александрович был начальником турбинного цеха. Позднее В.А.Крыжановский бу-

дет назначен главным инженером «Тулаэнерго».

Щекинская станция строилась ударными темпами. Шесть первых турбин были смонтированы всего за один год. В июле 1950 года турбогенератор № 1 мощностью 35 МВт дал первый ток. Оборудование монтировали одновременно с производством строительных работ – в машинном зале не было еще ни крыши, ни торцевой стены, а машины уже стояли на фундаментах.

В такие периоды и происходит полная мобилизация лучших кадров. Поэтому тот факт, что Г.А.Полянцев был «брошен в прорыв» (с 24 февраля и 3 июля 1950 года) в должности начальника участка паровых турбин, говорит специалистам о высочайшей квалификации и надежности его как профессионала. А ему всего 32 года!

Сразу после пуска первой турбины на Щекинской ГРЭС Г.А.Полянцева переводят на другой «горячий» объект – Ярославскую ТЭЦ (сейчас Ярославская ТЭЦ-1), где он возглавил турбинный цех и стал главным инженером 3-го монтажного управления «Мосэнергомонтажа». В 1952 году новый перевод и должность – главный инженер Игумновской ТЭЦ в Дзержинске на Нижегородчине. Кстати, здесь у него была возможность в деле изучить турбины «Siemens», поставленные в СССР из Германии по репарациям.

Для восстановления исторической справедливости необходимо отметить, что репарация являлась справедливой и лишь частичной компенсацией за причиненный энергетике ущерб. Как отмечают исследователи в книге «Энергия Победы», за период оккупации специальные подразделения войск противника демонтировали и вывезли в Германию 1400 паровых турбин, такое же количество паровых котлов, 11 300 генераторов, большое количество трансформаторов и электромоторов. В ходе Нюрнбергского процесса было установлено, что в секретном приказе командующего группой армий «Юг» фельдмаршала Манштейна от 2 сентября 1943 года предписывалось: «Всё, что не может быть эвакуировано, подлежит разрушению, в особенности водонапорные и электрические станции, вообще всякие силовые и трансформаторные станции, шахты, заводские сооружения, средства производства всех видов, урожай, который не может быть вывезен, деревни и дома...» Самое деятельное участие в проведении тактики «выжженной земли» принимали полиция и войска СС.



Ольга Григорьевна и Георгий Алексеевич Полянцевы. *1945 год.*

Немецкое оборудование изучали «с пристрастием» – в том числе и потому, что было много новых инженерных решений. В годы войны на Германию работали лучшие умы Европы, и было бы глупо не воспользоваться результатами их труда. Г.А.Полянцев это прекрасно понимал и фиксировал в голове наиболее интересные технические решения.

Некоторые моменты ему пояснял Василий Гаврилович Мамаков, который еще в 1937 году женился на его сестре Клавдии Полянцевой. Талантливый инженер, специалист, он в 1942 году работал рядом с Г.А.Полянцевым на Челябинской ТЭЦ-1 – начальником ремонтно-восстановительного цеха. Сразу после войны Василий Мамаков был командирован в советскую зону оккупации Германии и принимал участие в процессе репарации, в том числе и энергетического оборудования.

Впрочем, помимо изучения «репарационных новинок», Георгию Алексеевичу приходилось решать массу текущих вопросов. Он всё время – технический руководитель, как говорится, среднего звена, хотя именно на них всё и держится. На той же Игумновской ТЭЦ долгое время не могли приступить к монтажу турбогенератора № 5 «из-за неготовности строительной части, отсутствия мостового крана и недостачи технической документации». Как говорилось в отзыве о работе технорука Г.А.Полянцева, он «проявил максимум энергии и распорядительности для обеспечения своевременного производства работ».

Много позднее, в начале 1980-х годов, то же самое придется сделать его сыну Олегу Георгиевичу на строительстве Челябинской ТЭЦ-3 – «выбить» с поставщиков мостовой кран и документацию к нему – словно эту «крановую историю» отец передал ему по наследству...

Единственное, что тяготило Георгия Алексеевича в Подмосковье – частая смена мест; к тому же просторы вокруг Золотого кольца его не пленили – его всё больше тянуло на Урал, в Челябинск, к родным ему людям.

В 1952 году он получит долгожданное предложение: его назначат главным инженером стро-

ящейся ТЭЦ Магнитогорского металлургического комбината и начальником монтажного управления «Волгопромэнергомонтаж».

Решение о строительстве Магнитогорской ТЭЦ было принято летом 1948 года – как указывалось в Постановлении Совета Министров СССР, «для покрытия возросших тепловых и электрических нагрузок Магнитогорского металлургического комбината и его района в г. Магнитогорске». В феврале 1952 года на промышленном левом берегу Урала, в районе Сосновой горки, почти вплотную к Магнитогорскому металлургическому комбинату, закипело большое строительство. Бетонирование фундаментов под колонны главного корпуса ТЭЦ вел крупнейший трест «Магнитострой»; затем к строительству подключились такие ведущие тресты, как «Уралэнергомонтаж», «Волгопромэнергомонтаж», «Востокметаллургмонтаж».

Своеобразие и сложность Магнитогорской теплоцентрали заключалась в том, что это была своего рода выставка достижений промышленной энергетики. Поставки оборудования осуществляли более тридцати городов СССР; были поставщики из Германии, Венгрии, Чехословакии. Георгий Алексеевич мог бы в шутку сказать: «Все флаги в гости к нам».

Вообще, 1950-е годы можно назвать одной из удивительных эпох в истории России. Это было время надежд и свершений, когда вслед строчкам Бориса Пастернака, всем и во всем хотелось «дойти до самой сути»; время строительства и трудовых побед, когда в стране сложился настоящий «культ производства», а престиж производственных специальностей достиг невероятных высот. Это время в полной мере можно назвать «промышленным творчеством» – и ТЭЦ ММК была тому подтверждением.

У этого творчества были и свои издержки. Часто приходилось монтировать передовое оборудование, головные опытные экземпляры, которые еще нужно было «обкатывать». Не всё шло гладко. К примеру, на одной из турбин вибрация оказалась такой высокой, что отлетела кафельная плитка, которой был выложен пол на отметке 8 м обслуживания турбины. Следом повредились маслопроводы – а это уже могло стать причиной пожара. В Магнитогорск приехал главный конструктор турбин, который до последнего не верил, что причиной вибрации может быть не ошибка монтажа, а ошибка проектирования. Приехал и конструктор из Ленинграда. Оказалось, что на электростанции он чуть ли не первый раз в жизни – пришел в цех прямо в костюме, тогда как все монтажники были в рабочей одежде, и с удивлением смотрел на всё, пока изучал причины вибрации.

Также Георгий Алексеевич неоднократно вспоминал, что несмотря на то, что ТЭЦ была нужна Магнитогорскому металлургическому комбинату, как воздух, внимание к ней руководства шло по остаточному принципу – это было для металлургов не основное, а вспомогательное производство: обеспечивающая функция по поставке электричества и тепла. Тем не менее, будучи заказчиком строительства ТЭЦ, руководство комбината предъявляло жесткие требования к строителям, докучливо выискивая даже самые незначительные замечания по монтажу – приемка оборудования проходила очень тяжело. Поэтому каждый подписанный акт становился настоящей производственной победой. Позднее Георгий Алексеевич будет добрым словом вспоминать руководство комбината именно за эту «науку приемки».

Свои первые «магнитогорские поздравления» Г.А.Полянцев примет 25 февраля 1954 года – на станции был пущен в эксплуатацию первый энергетический котел производительностью 170 тонн пара в час и турбогенератор мощ-



Визит министра энергетики СССР П.С.Непорожнего на Челябинскую ТЭЦ-2. *19 марта 1971 года.*

ностью 50 мегаватт. Эта историческая дата и стала днем рождения ТЭЦ. Затем, с 1954 по 1957 годы были введены в эксплуатацию еще три котлоагрегата и два турбогенератора. Электрическая мощность станции достигла 150 МВт, как и предписывалось планами строительства первой очереди.

«Магнитогорская пятилетка» в жизни Г.А.Полянцева оказалась насыщенной, да и сам город металлургов встретил главного инженера с почтением. Семье Полянцевых выделили отличную квартиру в самом центре Магнитогорска на проспекте Металлургов рядом с кинотеатром «Комсомолец». Квартира была с большим балконом, который Георгий Алексеевич оградил сеткой на высоту двух метров – чтобы дети не вывалились...



Г.А.Полянцев, директор ЧТЭЦ-2. *1972 год.*

Между тем, в 1957 году в жизни Г.А.Полянцева произойдет еще одна перемена. В то время по инициативе Н.С.Хрущева, которого всю жизнь не покидал зуд реформатора, прошла перестройка руководства народным хозяйством страны. Были воссозданы существовавшие в начале советской власти местные органы управления промышленностью – Советы народного хозяйства – совнархозы.

Георгия Алексеевича пригласили в аппарат Челябинского совнархоза: сначала заместителем начальника отдела комплектации оборудования, а вскоре – старшим инженером управления капитального строительства. Здесь он, к слову, познакомился с Селиверстом Алексеевичем Деменчуком, отцом будущего начальника химического цеха строящейся Челябинской ТЭЦ-2 Зои Селиверстовны Плаксиной.

Казалось, работы было много – как раз шла реализация большой правительственной программы развития энергетики Урала, принятой еще в 1947 году. Помимо увеличения генерации, программа предусматривала появление в регионе сетей напряжением 220 и 500 кВ, обеспечивающих межсистемные связи и выдачу мощности с новых электростанций. Было запланировано и строительство ЛЭП 400 кВ Бугульма – Златоуст (в 1964 году переведенной на 500 кВ), благодаря которой объединенная энергосистема Урала вошла в параллельную работу с Единой энергетической системой европейской части СССР.

Задачи были большие. Вот только с чиновничьей должности Г.А.Полянцев сбежит, не проработав и года, при первом же представившемся случае – в марте 1958 года он будет назначен первым главным инженером, заместителем директора строящейся Челябинской ТЭЦ-2. Ему в тот год исполнилось 40 лет.

«Первое впечатление – крайне тяжелое, – отмечал Г.А.Полянцев в своих воспоминаниях. – Большая строительная площадка была мертва. В главном корпусе – гнетущая тишина; опалубка фундаментов турбины, котла, электрофильтров, бункеров угля была разрушена. Прошло четыре года с тех пор, как объект был буквально брошен строителями на произвол судьбы без проведения какой-либо консервации. На территории станции хозяйничали сторож и жители шлакозасыпных домиков, построенных еще в начале 1930-х годов рабочими ЧТЗ, и не отселенные в период строительства. Объекты топливоподачи – подземный разгруз-сарай, подъездная эстакада из сборного железобетона находились в полуразвалившемся состоянии. Впоследствии все это пришлось демонтировать и строить вновь. Возвращаясь со стройки, я думал о том, какими огромными усилиями строителей, монтажников, эксплуатационников придется возвращать к жизни этот мертвый объект!»

В таких же смешанных чувствах принимал станцию и директор Михаил Иванович Голов, назначенный уже после передачи ТЭЦ от ЧТЗ в систему «Челябэнерго».

Возобновляя строительство теплоэлектроцентрали, Георгий Алексеевич как опытный монтажник, естественно, оценивал масштаб проблем, но взялся за их решение с удовольствием, с профессиональным азартом. Правда, он ловил себя на мысли, что подобное в его жизни уже было – на ТЭЦ-1. По первоначальному проекту в главном корпусе собирались установить две турбины небольшой мощности в 25 МВт и котлы. Теперь время и планы изменились, и требовалось разместить в скромных габаритах уже построенного на тот момент главного корпуса гораздо более мощные агрегаты. Согласно «объективке» на Г.А.Полянцева, именно он «руководил перепроектированием Челябинской ТЭЦ-2 с первоначальной проектной мощностью в 62 МВт до 320 МВт, увеличив ее в пять раз».

О том, чем ему и помощникам пришлось тогда заниматься, Георгий Алексеевич, в частности, пишет так:

«Конечная мощность электростанции определялась не только перспективами тепловых нагрузок заводов и жилья, но также и возможностями расширения главного корпуса ТЭЦ. Мы были сторонниками развития ТЭЦ в сторону Чурилово. Для этого нужно было снести построенный ранее служебный корпус и в дальнейшем соорудить вторую топливоподачу. На это «Челябэнерго» не пошло, а жаль! Жизнь показала, что если бы приняли наше предложение, то конечная мощность Челябинской ТЭЦ-2 могла быть значительно большей».

Тем не менее, в январе 1959 года строительство было возобновлено. Строить ТЭЦ-2 поручили тресту «Южуралэнергострой». Через год появились и субподрядные организации. Темпы строительства значительно возросли.

Проектировщиком станции был Киевский институт «Теплоэлектропроект». Г.А.Полянцеву часто приходилось ездить в командировки. Были сложности с проектными решениями – прежде всего, с нетиповым размещением основного оборудования в главном корпусе: турбины вдоль цеха, а не поперек, как обычно. В результате это приводило к сплошным индивидуальным решениям и впоследствии к трудностям эксплуатации и ремонта оборудования. Главным инженером строительного управления СУ «ЧТЭЦСтрой» был Василий Афанасьевич Евтеев – человек проверенный, с которым Г.А.Полянцев работал на строительстве Алексинской, Ярославской, Игумновской и Щекинской ГРЭС.

Первый турбогенератор Челябинской ТЭЦ-2 мощностью 60 МВт был введен в действие 1 декабря 1962 года. Здесь тоже не обошлось без приключений.

«Станция готовилась к пуску, но обещанный министерством специальный поезд для пуска станции с нуля не был подан, – вспоминал первый начальник топливно-транспортного цеха Анатолий Степанович Ерилин. – Приближались холода, а на строящейся ТЭЦ-2 не было никакого источника отопления. Главный инженер Г.А.Полянцев и начальник ПТО В.А.Козырев приняли решение использовать для отопления станции и для растопки первого котла пар от трех паровозов, которые мы арендовали у железной дороги. Они были установлены на подъездных путях в главном корпусе котельного цеха. Сначала паровоз всеми колесами сошел с рельсов, а когда выгрузили первую партию угля, им засыпало транспортеры. Весь цех откапывал транспортеры лопатами, чтобы поднять уголь в бункеры котлов. Затем был подан пар. Можно сказать, что станцию «толкнул» паровоз».

В 8.30 утра дежурный инженер станции Юрий Семенович Кудрявцев включил в сеть турбогенератор № 1 – Челябинская ТЭЦ-2 вошла в число действующих электростанций. Но потребуется еще масса времени и сил, чтобы весь энергетический комплекс станции был завершен. Это стало понятно уже по первой очереди.

«Зима 1962–1963 годов была суровой, – вспоминал Георгий Алексеевич. – ТЭЦ-2, имевшая в то время в работе только один котел, семь раз полностью останавливалась на ноль из-за повреждения труб пароперегревателя. Это было тяжелым испытанием для персонала: требовалась исключительная организованность, дисциплина, самоотверженность, чтобы не заморозить станцию. Люди буквально сутками трудились, не уходя домой. Например, бригадир по поверхности нагрева Иван Степанович Клюшников ремонтировал пароперегреватели, как говорится, от начала и до победы...»

В декабре 1964 года были введены в работу турбогенератор № 2 и котел № 4 – строительство первой очереди было завершено. Но пройдет еще два десятилетия, чтобы станция была доведена до ума. Каких только нестандартных решений ни приходилось принимать на этом пути! Настоящая эпопея развернулась вокруг градирен Челябинской ТЭЦ-2. Широкие башни с усеченным конусом для охлаждения больших объемов воды уже давно стали классикой индустриального пейзажа – без них не обходится ни одна теплоцентраль, ни одна атомная станция. Одним из важных элементов градирни является ее обшивка. Вот с ней и возникли вопросы.

По проекту в качестве обшивки использовался специальный усиленный шифер, который нормально зарекомендовал себя в теплых, южных районах. Но в суровом климате из-за резких перепадов температур градирня начинала обмерзать, а шифер – трескаться. Георгий Алексеевич поначалу надеялся, что разрешат использовать в качестве обшивки алюминий, но этот металл был объявлен стратегическим сырьем.

Бесконечно менять-латать обшивку – занятие малоприятное и затратное. Главный инженер вместе с коллегами устроил «мозговой штурм». Решение было гениальным и эффективным – «просмолить» шифер, как лодку, закрыв все его поры. Для этих целей на коксохиме Челябинского металлургического завода присмотрели отходы производства – каменноугольный пек – «дрянь редкостная», тем не менее обладающая хорошими связующими свойствами. Затем на станции разогретые листы шифера стали один за другим окунать в расплавленный черный пек, который мгновенно заполнял все поры и пустоты.

Эти черные листы простояли на градирнях без ремонта более четверти века! В свое время Георгий Алексеевич хотел запатентовать это рационализаторское предложение, но бумаги «затерялись» в Москве. Правда, однажды, уже в конце 1980-х годов, из Москвы приехала комиссия, чтобы лично убедиться – листы на месте и без повреждений...

А пока, в начале 1960-х годов, одновременно со строительством Челябинской ТЭЦ-2 шла комплектация кадров станции. При приеме Георгий Алексеевич лично и подолгу беседовал с каждым человеком, как бы устраивал тому экзамен.

«Желающих поступить работать на ТЭЦ-2 было много, – рассказывал Г.А.Полянцев. – Мы старались подбирать людей опытных, прошедших хорошую производственную школу, и при этом достаточно молодых».

Он вообще редко ошибался в людях. Так, одним из его помощников на первом этапе стал В.А.Соломонов, один из первых выпускников энергетического факультета Челябинского политехнического института, прежде поработавший на Иркутской ТЭЦ. С Валерием Алексеевичем мы беседовали уже годы спустя, когда он стал заместителем председателя совета ветеранов станции.

– У Георгия Алексеевича был накоплен очень большой опыт. И как у него здесь пошли дела?

– Я бы погрешил против истины, заявив, что у него сразу все идеально пошло. Он очень уверенно чувствовал себя в общении с монтажниками и строителями, однако что до дел эксплуатационных, то здесь ему требовались помощники. Среди них было немало толковых, знающих. Георгий Алексеевич никогда не пренебрегал советами. Не считал это зазорным.

– И откуда к вам пришли специалисты?

– Их направляло Челябэнерго. А конкретно – были инженеры с Аргаяшской ТЭЦ. Это очень хорошая станция. Правда, поначалу с нее плохо отпускали, учитывая, что она обслуживала режимный объект: ПО «Маяк». Были люди с Южноуральской ГРЭС. Приехали из Магнитогорска, где одно время работал Полянцев...

– Как, на ваш взгляд, ладили ваши директор и главный инженер?

– Директор Михаил Иванович Голов прежде работал директором на Юрюзанской ГРЭС. Что касается представительских вопросов, то это у него неплохо получалось. А Георгий Алексеевич был сильнее его в технических вопросах. Не знаю, согласятся ли со мною другие, но я уверен, что и как директор Полянцев затем был основательнее и крепче...

– Полянцев был очень требовательный руководитель?



Первомай, 1988 год. В.П.Воронин, Л.А.Кисельман, Г.А.Полянцев.

– Да как вам сказать... Он мог душевно с человеком поговорить, помочь, когда надо. Но он и спрашивал, действительно, очень был требовательный, временами даже жесткий...

У каждого в жизни есть свои установки, принципы. Георгий Алексеевич четко придерживался одного правила: не оставлять недоделанных дел. Поэтому отчасти и воспринимался человеком дотошным, досконально вникающим в каждую деталь. Не раз говорил сыновьям:

– Учтите, плохо сделанное дело заставит вернуться к нему снова...

Он строил ТЭЦ-2 с «нуля», а потому знал ее наизусть. Естественно, переживал – например, фактическое финансирование строительства станции не превышало 60 процентов от первоначально утвержденной сметы, а потому многое выполнялось по «временной схеме». Проблема начального этапа строительства заключалась в том, что станция нигде не числилась «пусковой» – а значит, вроде как не требовала «прорывных действий» от Минэнерго, ГлавУралэнерго, Челябэнерго. Только после включения Челябинской ТЭЦ-2 в перечень

пусковых объектов – когда на документах ТЭЦ-2 появилась «красная черта» – дело пошло веселее.

Проблем было немало. Когда знакомишься с архивными материалами, имеющими отношение к ТЭЦ-2 начала 1970-х годов, чувствуешь, что Георгий Алексеевич «боготворил ее критически» – доводил до ума, словно ребенка воспитывал и обучал, поднимал на ноги.

17 ноября 1970 года Г.А.Полянцев был назначен директором станции, приняв штурвал энергетического корабля из рук М.И.Голова. За два месяца до своего назначения Георгий Алексеевич выступил на станционном партийном собрании:

«Наш коллектив неплохо потрудился в этом юбилейном году (в 1970-м отмечалось столетие В.И.Ленина), только я хочу остановиться не на достижениях, а на теневых сторонах в нашей работе, – фиксировала его слова стенограмма собрания от 17 сентября 1970 года. – Большинство принятых от строителей и монтажников недоделок не позволяют нам нормально, экономично работать. Министерство, кажется, наконецто поняло, что ТЭЦ не достроена, ее нужно доводить до нормы. Даже принят приказ, по которому предусматривается дополнительное финансирование на 1971 год, чтобы ликвидировать часть недоделок... А вообще-то мы имеем станцию, находящуюся в безобразном состоянии...»

Вот так – ни больше, ни меньше. Точно так же не расточал елей, а обращался исключительно к делу, проблемам и его старший брат Сергей, директор завода им. Колющенко. Причем, такая резкая оценка – это еще и упрек самому себе, как главному инженеру. Скорее всего, Георгий Алексеевич высказался так сознательно, словно желая «подхлестнуть» всех к дальнейшей работе – методично шаг за шагом «шлифовать» работу всех узлов и агрегатов.

Он вообще не разбрасывался словами. Рассказывают, что Георгий Алексеевич все свои выступления готовил, писал сам, проговаривая и взвешивая каждое слово, многократно исправляя, чтобы выразить мысль четко и ясно.

Естественно, он, как и любой директор, держал в голове образ «идеальной станции». В первый же год директорства обозначились строительные перспективы: достроить градирню № 4, насосную станцию на Первом озере, завершить сооружение системы гидрозолоудаления. По итогам этой работы станция была занесена в Книгу почета Челябэнерго, а затем – награждена Красным знаменем ГК КПСС и горисполкома.

«Наша станция работает устойчиво, мы забыли про аварии, – говорил Г.А.Полянцев в 1975 году по итогам очередной пятилетки, когда ТЭЦ-2 вновь получила переходящее Красное Знамя. – Но у нас по-прежнему слаба трудовая дисциплина. Низка пока что культура производства. А какой простор для автоматики! Или возьмите топливоподачу, как же там много накопилось пыли, недалеко и до пожара».

Именно тогда впервые на станции состоялся разговор о загазованности и экологии (отметили: концентрация угольной пыли в воздухе по тракту топливоподачи превышает норму в 2,5 раза, в котельном отделении в 1,1 раза; концентрация окиси углерода тоже выше нормы). Было решено уделить внимание пневмо- и гидроуборке производственных помещений.

А вот насчет аварий – словно напророчил. Это было в 1976 году, в самом начале очередной советской пятилетки, объявленной пятилеткой эффективности и качества. 5 ноября полностью вышел из строя генератор № 3 мощностью 100 МВт, который в итоге пришлось полностью заменить. В один момент потеряли треть мощности всей станции! Хотя буквально накануне этого на станции получили письмо главного инженера завода «Сибэлектротяжмаш», в котором тот рекомендовал срочно проверить узел крепления диффузоров и его соответствие заводским чертежам. Как потом отметили на партийном собрании, эти рекомендации были выполнены частично, а виновные были наказаны по административной линии.

И все же авария с генератором № 3 при всех «минусах» серьезно помогла станции – нет худа без добра. После анализа причин аварии и тяжести исправления последствий было принято решение о финансировании ранее «зарубленного» проекта по расширению станции – в части трех осей главного корпуса. В результате турбинный цех получил ремонтную площадку, отсутствие которой создавало серьезные проблемы для ремонта и эксплуатации оборудования. Дополнительные площади получил котельный цех. Вскоре появились новые бытовки. А между цехами Георгий Алексеевич совместно со службой металлов Челябэнерго и Уральским всесоюзным теплотехническим институтом организовал лабораторию по восстановительной термообработке металла – единственную в стране производственную лабораторию, работавшую по этой теме. Этой идеей его зажгла Татьяна Генриховна Березина – талантливый ученый, знавший о металлах всё...

Иногда аварии можно было предупредить, полагаясь на большой личный опыт и сметку. Георгий Алексеевич наглядно это продемонстрировал в новогоднюю ночь с 1978 на 1979 год, которую уральские энергетики запомнили надолго.

Как рассказывает О.Г.Полянцев, который в тот день работал начальником смены котлотурбинного цеха с утра и в ночь, утром 31 декабря всем руководителям разослали штормовое предупреждение о резком снижении температуры – практически до 50 градусов ниже нуля. Георгий Алексеевич сразу же, около 9 часов утра в выходной день, вызвал машину и отправился на станцию. Затем в помощь дежурным сменам вызвал всех начальников цехов, ремонтников, другой обслуживающий персонал. Поручение директора показалось необычным – Георгий Алексеевич распорядился собрать по территории станции весь имеющийся рубероид. Затем с под-

крановых путей на 18-й отметке раскатали вниз и на отметке в 8 метров закрепили черные смолистые рулоны. В итоге цех стал похож на теплый кокон.

Между тем, температура на улице продолжала понижаться. Следом по всему городу стали рваться трубы, гидроудары накрывали другие станции, оборудование выходило из строя, кое-где – к счастью, не в Челябинске – возникли пожары. Лишь на ТЭЦ-2 обошлось без существенных проблем – за сутки потеряли всего две единицы вспомогательного оборудования: сгорели электродвигатели эжектирующего насоса № 2 и циркуляционного насоса 4Б...

«В тот злополучный Новый год центр Челябинска был заморожен, – вспоминает О.Г.Полянцев. – В квартирах – холодина, все в шубах сидят. Новогодняя водка на балконе замерзла, стала как желе, и не выливалась из бутылки. Я никогда прежде такого не видел. На устранение последствий аварий у энергетиков и коммунальщиков ушло много сил и времени. Позднее я спросил у отца – как ему в голову пришла идея с рубероидом? Он ответил, что знал этот трюк еще со своей монтажной юности, когда в морозы приходилось работать чуть ли не на сквозном ветру...»

Такой опыт не забывается. Впрочем, настоящее «восхождение к идеалам» начиналось на Челябинской ТЭЦ-2 не только с исправления ошибок, отладки оборудования, совершенствования всех технологических цепочек производства тепла и энергии. Оно начиналось с мелочей: с укрепления производственной дисциплины, со строгого порядка на рабочих местах, с бытовой устроенности в элементарных подсобках, с элементарным уважением друг к другу.

Этим занимались многие директора – и совершенно оправданно. Например, в те же годы коллега Г.А.Полянцева Павел Федорович Жевтяк, директор Южноуральской ГРЭС, начинавший свой путь, как и Георгий Алексеевич, на Челябинской ТЭЦ-1, установил на вверенной ему станции жесткие психологические принципы: не должно быть никакой расхлябанности в исполнении служебных обязанностей, никаких внутренних дрязг, ссор, жалоб, доносов друг на друга и прочей «подковерной возни», которая мешает нормальному течению трудовой жизни. К слову сказать, в одной из партийных характеристик П.Ф.Жевтяка по этому поводу как раз и появилась достаточно редкая для жанра формула: «Нетерпим к лодырям и нарушителям производственной и трудовой дисциплины...»

Это слово в слово применимо и к Георгию Алексеевичу, хотя казалось, что он был мягче по характеру. Но и здесь все относительно – например, в отношении прогулов. Когда Г.А.Полянцев только принял станцию, они исчислялись десятками. В 1978 году было зафиксировано 11 прогулов, в следующем году – не набралось и десяти. Этого перелома добиться было непросто, приходилось применять и жесткие меры. Так, по предложению директора, лиц, совершивших прогул или замеченных в пьянстве, стали лишать не только ежемесячной премии, но и вознаграждения по итогам работы за год – а это уже существенный удар рублем. Кроме того, администрация станции по договоренности с профкомом не предоставляла нарушителям трудовой дисциплины отпуск в летний период или отодвигала их в конец очереди при выделении жилья.

«Там, где есть кнут, должен быть и пряник». От этой традиционной руководящей логики не было смысла уходить. Георгий Алексеевич постоянно подчеркивал, что те, кто ударно трудятся, должны быть окружены вниманием, заботой и почетом. В 1970-е годы на станции 230 человек рабочих и служащих имели личные творческие планы участия в научно-техническом прогрессе; 256 человек являлись ударниками коммунистического труда; а еще 240 человек соревновались за это звание.

Ежегодно людей отмечали знаком «Победитель в социалистическом соревновании», благодарностями и грамотами. Присуждались звания «Лучший начальник смены», «Лучший мастер», «Лучший по профессии», «Лучший наставник», «Лучший молодой рабочий». Естественно, к званию «причиталось» и денежное поощрение...

Менялось и само отношение людей к рабочему месту. Например, в выступлениях людей на собраниях всё чаще звучали новые мотивы. Крановщик Б.И.Родькин на собрании раскритиковал начальство за то, что оно «не одело» рабочих в спецовки. Мастер И.А.Егоров поднял вопрос о работе душевых кабин, необходимости покрасить оборудование в соответствии с нормами промышленной эстетики. Следом – на контроле у директора целый ворох социальных вопросов: как рабочих кормит столовая, как заботятся о малышах в детских комбинатах, состояние душевых, меблировка комнат в общежитии, благоустройство территории станции и базы отдыха. Кстати, базу отдыха на озере Малый Сунукуль рабочие станции выстроят своими силами.

Вообще, строительная тема пульсировала на ТЭЦ-2 весьма заметно – прежде всего, в части жилья для энергетиков. Станция находилась «на отшибе в промзоне», и поначалу руководство города предложило участок для строительства жилья здесь же, на окраине – в поселке Чурилово.

Сам Георгий Алексеевич жил с семьей в центре города – ему была выделена квартира на пятом этаже в доме № 145 по улице Свободы, что на перекрестке с улицей Тимирязева. Кстати, дома тогда не были газифицированы. В доме на улице Свободы была своя отопительная котельная, а на кухнях стояли дровяные печи, на которых готовили еду. Дрова запасали и хранили в подвале – у каждой квартиры была своя ячейка для дров. Георгий Алексеевич решил проявить инженерную смекалку – и установил на улице слева от входа в подъезд металлический ящик для газовых баллонов и протянул от них металлическую трубу на пятый этаж. Полянцевы оказались единственными, у кого на кухне была газовая плита...

Г.А.Полянцев, естественно, не согласился с таким партийным решением: директор живет в центре города, а коллектив станции – на отшибе, и буквально «выбил» целый квартал для энергетиков, ограниченный улицами Свободы, Российской, Евтеева и Плеханова.

«Идея в выборе места под строительство пришла, можно сказать, случайно, – рассказывает О.Г.Полянцев. – У отца к тому времени был сад, до которого он добирался электричкой – служебную машину в личных целях не использовал. Однажды утром он шел по улице Свободы в сторону вокзала. В те годы этот квартал – сплошные частные одноэтажные дома. Зато в центре! Он, конечно, понимал, что с расселением людей и сносом домов будут большие хлопоты, и всё же желание выстроить свой микрорайон в пятнадцати минутах ходьбы от главной площади города оказалось сильнее».

Новый участок нужно было успеть «застолбить» за собой. На одном из собраний Г.А.Полянцев сказал, как отрезал:

– Нам дают деньги на 100-квартирный дом, и мы должны срочно заложить под него фундамент, ввод этого дома – наша первоочередная задача. Делать всё нужно быстро.

На следующий день на площадке закипела работа. Кроме этого дома и других, были выстроены гастроном и промтоварный магазины, два детских садика, великолепная школа на 1200 мест. Ее позднее министр энергетики П.С.Непорожный уступил городу под Челябинский институт физической культуры и спорта. Георгий Алексеевич не одобрял такой «широкий жест», но начальство не переспоришь.

К заслугам Полянцева в бытность его директором станции следует отнести и прокладку троллейбусной линии в продолжение проспекта Ленина – от проходной Челябинского тракторного завода до ТЭЦ. Ее протяженность составила три километра, а строилась она хозспособом – то есть коллектив ТЭЦ сам доставал необходимые материалы, особенно провода, ставил опоры и монтировал тяговые подстанции. Правда, жители Чурилово до сих пор жалеют, что в те годы у ТЭЦ «не хватило сил» дотянуть линию до их поселка...

1980 год выдался для Челябинской ТЭЦ-2 особенным – коллектив станции отметил завершение строительства энергетического комплекса. Вот только Георгий Алексеевич прожил 1980 год непросто. Когда много лет спустя сын Олег задал ему вопрос о причинах ухода с ТЭЦ, Георгий Алексеевич ответил:

«К 1980 году у меня накопилась моральная усталость. Было ощущение, что я тяну телегу, которая становится всё тяжелее и тяжелее. Тогда мной и было принято решение об уходе, которое в силу разных причин встретило поддержку и у руководства «Челябэнерго». Утром, после проводов на пенсию, я проснулся с ощущением невероятной легкости, будто эту телегу от меня отстегнули...»

30 сентября 1980 года, как зафиксировано в трудовой книжке, Г.А.Полянцев был освобожден от должности директора Челябинской ТЭЦ-2 в связи с переходом на персональную пенсию – со стандартной формулировкой: «по собственному желанию». На смену Г.А.Полянцеву был назначен более молодой, работавший в то время главным инженером Аргаяшской ТЭЦ Валерий Герантьевич Сторожик.

В его трудовой книжке впервые появился пробел – сроком на пять лет. За это время показатели работы Челябинской ТЭЦ-2 пошли вниз. Вдобавок у нового директора возник конфликт не только с профкомом и парткомом, но и со всем трудовым коллективом – из-за базы отдыха на Сунукуле. Ее с таким трудом построили при Полянцеве, а новый руководитель «в условиях хозрасчета» счел ее обузой и решил, что с базой отдыха можно расстаться, ни с кем по этому вопросу не посоветовавшись. В итоге директору на партийном собрании коммунисты выразили недоверие. В той системе координат руководящий пост В.Г.Сторожику пришлось оставить.

В ноябре 1985 года Челябинскую ТЭЦ-2 возглавил Вячеслав Павлович Воронин – человек яркий, целеустремленный, прошедший практическую школу энергетики на Челябинской ТЭЦ-1: от машиниста паровых турбин до начальника котлотурбинного цеха. Именно при нем начнется техническое перевооружение и реконструкция Челябинской ТЭЦ-2, будут пущены цеха золошлакоблоков, спецмеханизмов, автотранспорта.

С его приходом на станцию Георгию Алексеевичу вновь потребуется трудовая книжка – В.П.Воронин примет его «инженером-конструктором в производственно-технический отдел». Скажем сразу: должность достаточно хитрая, больше для отвода глаз. Георгий Алексеевич стал фактически консультантом Воронина по станции, а также возглавил Совет ветеранов станции. Кроме того, по просьбе директора Г.А.Полянцев занялся поиском и согласованием с городом новых площадок под строительство жилых домов для персонала станции, выбирая участки, где не требовался снос и расселение домов.

Он тогда снова прошел по своему кварталу вдоль Российской – свободные места были с той стороны улицы, которая примыкала к железнодорожному хозяйству. Да и в самом квартале оставалось место. Здесь и будет построено еще несколько домов.

Наконец, в середине 1980-х годов Г.А.Полянцев вплотную приступил к созданию музея Челябинской ТЭЦ-2. К одному из альбомов с фотографиями работников централи он сделает знаковую подпись: «Здесь частица истории ТЭЦ-2: ее люди! Хранить при всех обстоятельствах!»

Станция не отпускала его. Даже будучи на пенсии, Георгий Алексеевич словно присматривал за ней – проходил по турбинному цеху летом в период ремонта, укорял за низкий уровень культуры ремонтов, когда видел, что в отсутствие на рабочем месте бригады проточная часть турбины открыта, а не затянута пологом из брезента. Вспоминал, что в его время для монтажника это было «делом чести»: не допустить,

чтобы в сложнейшую проточную часть, к тому же вращающуюся с частотой 3000 оборотов в минуту, попали какие-либо посторонние предметы – это могло привести не только в серьезному повреждению паровой турбины, но и к тяжелой аварии на станции и пожару.

Доставалось не только ТЭЦ-2. Однажды в воскресный день, когда Георгию Алексеевичу уже перевалило за 80 лет, он решил «вспомнить молодость» и попросил сына Олега отвезти его на ТЭЦ-1, где тот был директором.

«Приехали мы, – вспоминал потом Олег Георгиевич, – поднялись наверх в административном корпусе, зашли в мой кабинет. Поговорили немного, и тут он попросил проводить его в машинный зал. Тем более, что тот совсем рядом.

Вошли. Остановились по ряду «Б», помолчали минуту другую. Тут я и говорю: «Давай пройдем дальше...» А он: «Ты не торопи... Дай мне опомниться – я же словно вернулся в молодые годы...»

В этот день дежурным инженером был Колесников. Я попросил его: «Анатолий Леонидович, не в службу, а в дружбу, проводи, пожалуйста, по станции Георгия Алексеевича, объясни, если что спросит. А я пойду пока в кабинет, бумагами займусь...»

Позже очень сожалел, что не был в том «обходе». Отец с Колесниковым проходили больше часа. Потом я дежурного инженера спрашиваю: «Ну, как у вас дело было?» А он отвечает: «Знаете, всё нормально, вот только спрашивал-то больше я. А он мне много рассказывал...»

«Пенсионный возраст не отменяет красоту и смысл жизни» – этому простому принципу и следовал Георгий Алексеевич. С 1980 года он целиком посвящает себя семье, жене Ольге Григорьевне. Их дом становится ежегодным местом встречи одноклассников – Полянцевы любили собирать гостей, готовить, накрывать на стол. Среди близких друзей: Наталья Сергеевна Тюрина, Надежда Александровна Рудных...

К сожалению, со временем это делать становилось сложнее – Ольгу Григорьевну мучил сахарный диабет и сильно болели ноги. Георгий Алексеевич трепетно ухаживал за женой, сам подбирал ей крем для ног, мыл и обтирал больные пальцы. А в итоге – словно добавил ей годы жизни, хотя ее уход в 1998 году для него стал большим ударом.

А пока, в середине 1980-х годов, когда Г.А.Полянцев возглавил совет ветеранов ТЭЦ-2, на его рабочем столе вновь появились всевозможные бумаги, документы, которые он внимательно изучал. На вопросы детей – зачем всё это, неужели не устал от энергетики? – отвечал емко и точно:

– Мозги – как мышцы. Их нужно постоянно тренировать.

Не терял он и спортивной формы. Зимой каждое утро брал коньки и шел в городской сад им. Пушкина, где катался целый час; раза три-четыре в неделю обязательными были лыжи. Системность в его характере была ключевой чертой – никакой расхлябанности, никаких «пустот в жизни».

С ранней весны главным приложением сил становился сад. Георгий Алексеевич сам построил садовый дом, причем, на все понесенные расходы хранил документы, чеки, квитанции, чтобы никто из завистников не мог упрекнуть его, что он взял «что-то лишнее» с кресла руководителя.

В его садовом обиходе звучали старые крестьянские истины о том, что весной один день весь год кормит, а осенью, радуясь урожаю, нужно думать, как его сохранить, чтобы зима голодной не оказалась. Только вишни было несколько сортов, из которой варили варенье или замораживали на зиму. Здесь же: большая кадка с квашеной капустой, которую каждый год пытались готовить по новому рецепту.

Из всех заготовок «фирменным продуктом» были яблоки. Георгий Алексеевич словно жил от одного яблочного Спаса до другого. Делал прививки на деревья, вживляя в один ствол несколько веточек с разными сортами яблок. Причем, делал это с искусством хирурга. Как рассказывает О.Г.Полянцев, прививка саженцев проходила в абсолютной чистоте. Георгий Алексеевич укрывал садовую скамейку чистой бумагой, рядом аккуратно раскладывал ножи, всевозможные пилочки, другой инструмент. Всё это напоминало операционную. Зато брака в прививках никогда не было.

Также рассказывал, как надо собирать яблоки. Этому его научил муж сестры Агнии Алексеевны Полянцевой Александр Дмитриевич Лиханов, который был родом из Алма-Аты. Он говорил Георгию Алексеевичу, что перед тем, как снимать созревшие яблоки с дерева, нужно предварительно постричь ногти, чтобы не повредить ими кожицу яблока. Это важно для длительного зимнего хранения. В то время никаких консервантов и химии еще не применяли, собранные яблоки заворачивали в бумагу, складывали в деревянные ящики и закладывали их на зиму в подвал гаража. Яблоки ели потом всю зиму до весны...

«Яблок было настолько много, что в момент сбора урожая их не успевали обрабатывать и каждую осень развозили по домам родственников и знакомых. Причем, дед упаковывал яблоки в аккуратные мешки и каждый подписывал: кому, – вспоминает внук Сергей. – Продавать дед категорически отказывался, хотя многие садоводы этим вовсю занимались. К тому же на дворе были уже лихие 1990-е годы, страна перешла на рыночные отношения, а пенсии были низкими и постоянно отставали от инфляции и растущего курса валют. Но Георгий Алексеевич часто повторял, что никогда не взял ничего лишнего. Это вообще противоречило идеологии и внутренним убеждениям его поколения...»

Но самым главным приложением его сил стали внуки. Складывалось такое ощущение, что он словно пытался компенсировать отсутствие у своих детей деда Алексея Захаровича, которого судьба лишила возможности увидеть своих внуков и передать часть своих накопленных знаний и жизненного опыта. Да и сам словно восполнял то, что когда-то недодал своим детям, находясь постоянно на работе.



Семьи Полянцевых, Мусатовых, Батраковых, Лудиных. *1988 год.*

Особое звучание и значение вдруг приобрели новогодние праздники. Георгий Алексеевич любил организационные хлопоты: всегда ставил елку, внуки приходили к нему и развешивали елочные игрушки.

«В Новогоднюю ночь он звонил по телефону, просил пригласить к телефону Деда Мороза, – вспоминает внук С.О.Полянцев. – А когда дед Мороз «отвечал» на том конце провода, он просил его прилететь к нам домой. Потом Георгий Алексеевич заходил в комнату открыть форточку – чтобы Дед Мороз мог залететь в дом и принести долгожданные подарки...»

Георгий Алексеевич опытом жизни делился сполна. Возил внуков к своим сестрам в Москву и Киев, где они ходили в зоопарк и катались на «ракете» – катере с подводными крыльями. Его рассказы производили на внуков сильное впечатление – после них всегда становилось легче, и детские проблемы, которые внукам представлялись неразрешимыми, оказывались не такими и страшными.

Говорил, к примеру, что судьба человека богата на повороты – у него у самого жизнь могла пойти по другому пути, согласись он в начале 1950-х годов остаться в системе «Мосэнерго».

Учил, что очень дорого могут стоить ошибки за рулем. По своему характеру Георгий Алексеевич был не водитель, и управлял автомобилем не очень уверенно. В период работы на монтаже у него был американский джип «Виллис», служебный автомобиль. Однажды на этом «Виллисе», будучи сам за рулем, чудом не попал в аварию – а на заднем сидении были его дети...

Он вообще предостерегал от безрассудных поступков и пренебрежения к своему здоровью – замечал, что первую половины жизни человек делает всё, чтобы потерять свое здоровье, а вторую половину тратит на то, чтобы его вернуть. Не принимал и безрассудства в политике, в руководстве, что всегда приводило к плачевным последствиям.

«Он достаточно тяжело переживал распад Союза, словно что-то важное оборвалось, – вспоминает О.Г.Полянцев. – Мы в силу молодости и свойственного ей радикализма не всегда его понимали. Хотя чувствовали, и с годами только укреплялись в этой мысли, что рядом с молодостью всегда должен быть опыт. Этот сплав помогает избежать многих ошибок и ускоряет становление человека».

До последних дней Георгий Алексеевич сохранял ясность ума, много читал, следил за новостями, ситуацией в родной энергетической отрасли, негодовал по поводу реформ Чубайса, участвовал в собраниях и встречах ветеранов-энергетиков, был человеком с активной жизненной позицией. Как и прежде, заставлял «мозги крутиться», повторяя любимое высказывание академика Вернадского: «Думающий человек – мера всему!»

Февраль 2001 года будет последним. Георгий Алексеевич много занимался ветеранскими делами, которые на поверку оказывались грустными – уходило целое поколение, его поколение. В том феврале хоронили Николая Григорьевича Зайцева, уважаемого человека на Челябинской ТЭЦ-2.

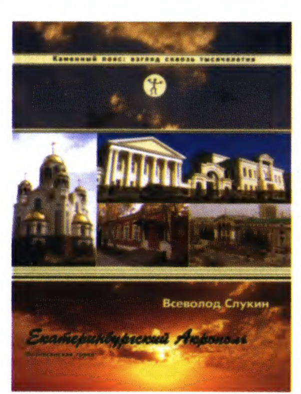
«Накануне выпал ослепительно белый снег, – рассказывает О.Г.Полянцев. – Может быть, поэтому так резко бросилось в глаза: после похорон отец во дворе стоял весь желтый. Я настоял и отвез его в больницу. Врачи собрали консилиум перед операцией, хотя мне дали понять, что шансов практически нет».

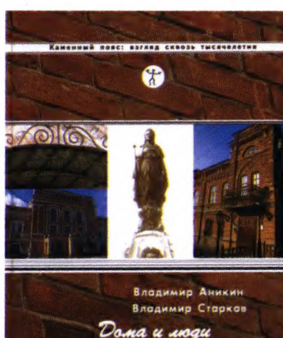
Перед операцией Георгий Алексеевич, который жил один, не желая обременять детей, передал сыну лист бумаги, в котором было четко расписано: где лежат документы, бумаги, счета – словом, всё, что может потребоваться...

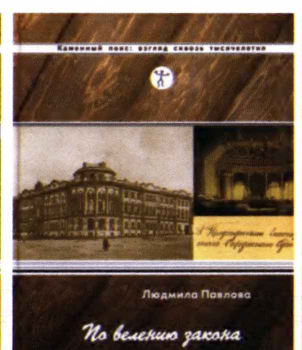
– После смерти отца я разбирал его бумаги, которые лежали в строгом порядке – словно с заботой о тех, кто к ним прикоснется, – вспоминает О.Г.Полянцев. – Среди них я увидел небольшой лист бумаги со стихотворением, в конце которого было подписано: «Оле от Георгия». Позднее, я узнал, что его написала их одноклассница Надежда Александровна Рудых. Теперь эти строки написаны на небольшой плите у могил родителей:

Звезды уж нет, она погасла.
Но свет идет сквозь толщу лет,
И в этом свете вижу ясно
Твой сердцу милый силуэт...

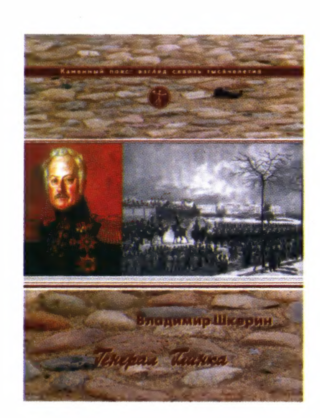
Георгий Алексеевич Полянцев умер 28 февраля 2001 года и был похоронен рядом с женой Ольгой Григорьевной, братом Сергеем и Лидией Яковлевной на Митрофановском кладбище Челябинска, среди старого соснового бора, вершины которого отражались в голубой воде каменных карьеров...













Серия «Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия»

